

ПРИКАЗ

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 13-032

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА РАЗВЕДКИ

В.С. АНТОНОВ

ПРИКАЗ

Всероссийской Чрезвычайной Комиссии
№ 169.
9-го Декабря

Председатель В.С. АНТОНОВ (год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА РАЗВЕДКИ

В.С. АНТОНОВ

Annotation

Вся долголетняя история отечественной внешней разведки самым тесным образом связана с судьбами страны. В настоящее время, когда речь заходит об отечественной разведке, то фигурирует в основном XX век. Между тем ее исторические корни гораздо глубже и относятся к началу XIX века. На всех этапах своего развития внешняя разведка оставалась надежным и эффективным инструментом решения жизненно важных для государства задач. Были и серьезные успехи, и горькие неудачи. Накоплен богатый, порой уникальный опыт ведения разведывательной работы. В этой книге мы хотели бы рассказать читателям о представителях различных поколений сотрудников и помощников внешней разведки, своим трудом вписавших золотые страницы в ее историю.

- [Владимир Антонов](#)
 - [Часть первая.](#)
 -
 - [«КРАСАВЕЦ ЛЕАНДР» СООБЩАЕТ ИЗ ПАРИЖА](#)
 - [НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ](#)
 - [«ВОЕННЫЕ АГЕНТЫ» БАРКЛАЯ](#)
 - [УДАЧЛИВЫЙ РАЗВЕДЧИК ЧЕРНЫШЕВ](#)
 - [Часть вторая.](#)
 -
 - [Глава 1.](#)
 -
 - [ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК](#)
 - [МОСКВА ПРИНИМАЕТ МЕРЫ](#)
 - [НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ КУТЕПОВА](#)
 - [ПРЕЕМНИК КУТЕПОВА](#)
 - [ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАЗВЕДКИ](#)
 - [НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ МИЛЛЕРА](#)
 - [Глава 2.](#)
 -
 - [ПОД КРЫШЕЙ ДИППРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА](#)
 - [СОЗДАНИЕ ПАРОХОДНОЙ КОМПАНИИ](#)
 - [ПРОДОЛЖЕНИЕ «МОРСКОЙ ИСТОРИИ»](#)

- [Глава 3.](#)
 - [ТАИНСТВЕННЫЙ «ВАЛ. М.»](#)
 - [СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕКИСТА](#)
 - [ВСТРЕЧИ В ХАРЬКОВЕ](#)
 - [«ЗОРЧЕ И В ОБА, ЧЕКИСТ, СМОТРИ!»](#)
 - [«В ЯЛТЕ С ГОРОЖАНИНЫМ...»](#)
 - [ФИНАЛ](#)
- [Глава 4.](#)
 - [СУДЬБА ЧЕКИСТА](#)
 - [ПОДВИЖНИК-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ](#)
 - [ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕЙС](#)
 - [ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ](#)
 - [БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ](#)
- [Глава 5.](#)
 - [НАГРАДЫ ГОВОРЯТ О МНОГОМ](#)
 - [В РАЙОНЕ РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ](#)
 - [ЗА МУЖЕСТВО И СТОЙКОСТЬ](#)
- [Глава 6.](#)
 - [НЕ МИР, А ПЕРЕМИРИЕ](#)
 - [МОСКВА ПРИНИМАЕТ МЕРЫ](#)
 - [ПОЗИЦИЯ ПОЛЬШИ](#)
 - [РЕОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ](#)
 - [УГРОЗА РЕВАНША ВОЗРАСТАЕТ](#)
- [Часть третья.](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [ОБОРОНЯЯ СТОЛИЦУ](#)
 - [ПОДВИГ ТРЕХСОТ](#)
 - [ДАЛЬШЕ БЫЛА ВОЙНА](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [БАРОНЕССА ИЗ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ](#)
 - [ВАЛЬС В ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ](#)

- [НАСТАВНИК ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ](#)
 - [Глава 4.](#)
 -
 - [РАПОРТ ВЕТЕРАНА](#)
 - [ВОЙНА ВОЙНОЙ, А ОБЕД ПО РАСПИСАНИЮ](#)
 - [ПОБЕДИЛ ЗА ЯВНЫМ ПРЕИМУЩЕСТВОМ](#)
 - [ВО ГЛАВЕ ОТРЯДА «ПОБЕДИТЕЛИ»](#)
 - [Глава 5.](#)
 -
 - [ОПЕРАЦИЯ «МОНАСТЫРЬ», У ИСТОКОВ ОПЕРАЦИИ](#)
 - [В ЛОГОВЕ ВРАГА](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ](#)
 - [РАДИОИГРА АКТИВИЗИРУЕТСЯ](#)
 - [НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ](#)
 - [ОПЕРАТИВНАЯ ИГРА «БЕРЕЗИНО»](#)
 - [ОПЕРАЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ](#)
 - [«ГЕЙНЕ» НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ](#)
 - [ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЕРАЦИИ](#)
 - [Глава 6.](#)
 -
 - [ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА](#)
 - [ГЕРОИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ](#)
- [Часть четвертая.](#)
 -
 - [ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКОЙ](#)
 - [ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ](#)
 - [СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК ИВАН ЧИЧАЕВ](#)
 - [БРИТАНСКИЙ РАЗВЕДЧИК ДЖОРДЖ ХИЛЛ](#)
 - [КОМАНДИРОВКА В МОСКВУ](#)
 - [НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА](#)
 - [СОТРУДНИЧЕСТВО С УПРАВЛЕНИЕМ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЛУЖБ США](#)
 - [НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО](#)
 - [ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ](#)
 - [ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ РАСШИРЯЕТСЯ](#)
- [Часть пятая.](#)
 -
 - [Глава 1.](#)

- - [ШКОЛЬНИК, РАЗВЕДЧИК, СТУДЕНТ](#)
 - [КАНАДСКИЙ БИЗНЕСМЕН](#)
 - [ПРОВАЛ](#)
 - [ВСТРЕЧА С «ОТЦОМ»](#)
 - [ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН](#)
 - [ВОЗРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 -
 - [НЕЛЕГАЛ, СЫН НЕЛЕГАЛА](#)
 - [ПУТЬ В РАЗВЕДКУ](#)
 - [УЧЕБА В АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДШКОЛЕ](#)
 - [И ВНОВЬ МНОГОЛЕТНЯЯ БОЕВАЯ РАБОТА](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 -
 - [В НАЧАЛЕ ПУТИ](#)
 - [НА ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ ЗА РУБЕЖОМ](#)
 - [РАБОТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ](#)
 - [РАЗВЕДЧИК В ЗАПАС НЕ УХОДИТ](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 -
 - [УЧРЕЖДЕНИЕ ОРДЕНА](#)
 - [УДОСТОЕНЫ ОРДЕНА...](#)
 - [РАЗВЕДЧИКИ — КАВАЛЕРЫ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ](#)
 - [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [Приложение 1.](#)
 - [Приложение 2.](#)
 - [Приложение 3.](#)
 - [Приложение 4.](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-

Владимир Антонов
ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА РАЗВЕДКИ

Часть первая.

РАЗВЕДКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В настоящее время, когда речь заходит об отечественной разведке, то фигурирует в основном XX век. Между тем ее исторические корни гораздо глубже, относятся к началу XIX века и имеют чисто военную направленность. К сожалению, функционирование разведки накануне и в ходе войны 1812 года относится к малоизученным темам российской военной истории.

Впервые централизованная структура управления русской разведкой была создана за два года до вторжения наполеоновских войск в Россию. Произошло это в 1810 году по инициативе бывшего в то время военным министром Михаила Богдановича Баркляя-де-Толли и с одобрения императора Александра I. Летом 1810 года генерал в докладе Александру I выдвинул программу организации разведки за границей и получил разрешение «направить к русским посольствам военных агентов». В круг обязанностей «военных агентов» входили вербовка агентуры, сбор разведывательной информации за рубежом, ее анализ и выработка рекомендаций для российского руководства. Чтобы не путать с созданной после октябрьских событий 1917 года внешней разведкой органов государственной безопасности, мы будем называть разведку, действовавшую накануне Отечественной войны 1812 года, — военной.

«КРАСАВЕЦ ЛЕАНДР» СООБЩАЕТ ИЗ ПАРИЖА

Почему инициатива Баркляя-де-Толли нашла полную поддержку у русского самодержца? Как считают историки, впервые мысль о полезности приобретения платных информаторов посетила самого Александра I еще в сентябре 1808 года во время поездки последнего на переговоры с Наполеоном в Эрфурт. В один из сентябрьских дней, когда, утомленный беседами с императором Наполеоном, Александр I отдыхал в гостининой княгини Турн-и-Таксис, туда вошел французский министр иностранных дел Талейран. После первых же слов приветствия он обратился к российскому монарху с неожиданным вопросом: «Государь, для чего вы приехали в Эрфурт? Вы должны спасти Европу, а вы в этом преуспеее, только если будете сопротивляться Наполеону». Александр I был буквально ошеломлен и вначале подумал, что это провокация. Однако министр сразу же поделился с русским царем секретной информацией о планах французского императора.

Именно с этой беседы началась активная деятельность одного из самых цепных осведомителей за всю историю русских спецслужб — его высочества светлейшего князя и владетельного герцога Беневентского, великого камергера императорского двора, вице-электора Французской империи, командора ордена Почетного легиона князя Шарля-Мориса Талейрана-Перигора.

После отъезда из Эрфурта Александр I наладил регулярную тайную переписку с Талейраном, серьезно полагаясь на поступавшие от него сведения. Царь очень дорожил этим контактом, оберегал его от случайной расшифровки, прибегая к строжайшему соблюдению правил конспирации. Так, для зашифровки источника информации он использовал несколько псевдонимов: «Анна Ивановна», «Красавец Асандр», «Кузен Анри», «Юрисконсульт».

Желание Талейрана оказывать русскому царю «информационную поддержку» объяснялось в первую очередь весьма сложными и порой скандальными отношениями между Наполеоном и его министром иностранных дел. В качестве примера можно привести один из выпадов Наполеона в адрес Талейрана, сделанный им публично в присутствии десятков придворных в Тюильри в январе 1809 года. По свидетельству очевидцев, император Франции в буквальном смысле слова со сжатыми

кулаками подбежал к Талейрану, бросая ему в лицо оскорбительные обвинения. «Вы — вор, мерзавец, бесчестный человек! — бешено кричал на весь зал Наполеон. — Вы не верите в Бога, вы всю вашу жизнь предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца! Я вас осыпал благодеяниями, а между тем вы на все против меня способны... Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельной площади? Но есть, есть еще для этого достаточно времени!».

Кроме того Талейран считал несбыточным стремление французского императора к созданию всемирной империи путем завоевательных войн и предвидел неизбежность его падения. Одновременно в данном случае присутствовали не только элемент личной обиды на Наполеона и неверие в его политику, но и самый вульгарный меркантильный интерес. В частности, сведения о французской армии «Красавец Асандр» передавал всегда за крупное вознаграждение. «Главное качество денег — это их количество», — цинично рассуждал надежный информатор. И информация французского министра довольно дорого обходилась русской казне.

Сообщения Талейрана русскому царю становились все подробнее и... тревожнее. В начале 1810 года Александр I направил в Париж в качестве советника русского посольства по финансовым вопросам графа Карла Васильевича Нессельроде — будущего министра иностранных дел в правительстве Николая I. Однако в Париже он фактически являлся политическим резидентом русского царя и посредником между ним и Талейраном, с которым поддерживал конфиденциальные отношения.

Ценность сообщений Талейрана во много раз возросла, когда французский министр иностранных дел стал использовать «втемную» своего друга — министра полиции Футе. От него «Красавец Леандр» получал самые достоверные и секретные сведения о внутривнутриполитической обстановке во Франции, брожении в провинциях, расстановке политических сил.

В декабре 1810 года Нессельроде направил Александру I ряд сообщений, которые подтвердили наихудшие опасения российской дипломатии: Наполеон действительно готовился к нападению на Россию. Талейран даже называл конкретную дату — апрель 1812 года и рекомендовал Александру I «крепить оборону, так как война уже у порога Российского государства».

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ

Созданный военным министром Барклаем-де-Толли в предвидении войны с Наполеоном первый специальный разведывательный орган России в 1810 — 1811 годах именовался «Экспедицией секретных дел при Министерстве Военно-сухопутных сил». В начале 1812 года «экспедицию» реорганизовали в «Особенную канцелярию при военном министре». Канцелярия работала в условиях строжайшей секретности и подчинялась только Барклаю-де-Толли. В мемуарах современников она не упоминается.

Первым руководителем военной разведки 29 сентября 1810 года был назначен полковник Алексей Васильевич Воейков. Он родился 9 декабря 1778 года. С отличием окончил Московский университетский пансион. На военной службе находился с 1793 года. Являлся ординарцем у А.В. Суворова в ходе Швейцарской кампании. Участник Русско-турецкой и Русско-шведской войн. Затем, до назначения директором «экспедиции», — плац-майор. В период Отечественной войны — командир бригады 27-й пехотной дивизии. С ноября 1812 года — генерал-майор. Участник Заграничного похода 1813 — 1814 годов. С 1815 года в отставке.

В марте 1812 года Л.В. Воейкова на посту директора теперь уже «особенной канцелярии» сменил полковник Арсений Андреевич Закревский. Он родился 13 сентября 1786 года. Из дворянского рода польского происхождения. С отличием окончил Гродненский (Шкловский) кадетский корпус. Служил полковым адъютантом, начальником канцелярии командира полка. Отличился в сражении при Аустерлице (ноябрь 1805 года): во время боя спас командира полка от плена, предложив ему свою лошадь вместо убитой. В декабре 1811 года назначен адъютантом к Барклаю-де-Толли с зачислением в лейб-гвардии Преображенский полк. В начале 1812 года произведен в полковники, а затем назначен руководителем военной разведки.

С началом Отечественной войны граф Закревский находился в Действующей армии. Отличился в сражениях под Витебском и Смоленском, а также в Бородинском сражении. Затем до 1823 года являлся дежурным генералом Главного штаба. С 1823 по 1828 год — командир Отдельного Финляндского корпуса и финляндский генерал-губернатор. В апреле 1828 года был назначен министром внутренних дел. В 1829 году получил звание генерала от инфантерии. В августе 1830 года возведен в

графское Великого Княжества Финляндского достоинство.

С 1848 по 1859 год являлся московским генерал-губернатором, членом Государственного совета.

Свою деятельность российская военная разведка вела сразу по нескольким направлениям: стратегическая разведка (сбор секретной политической и военной информации за границей); тактическая разведка (сбор сведений о войсках противника на территории сопредельных государств, что было очень важно накануне войны); контрразведка (выявление и нейтрализация агентуры спецслужб Франции и ее союзников); войсковая разведка. Таким образом, впервые добыча секретной военно-политической информации за рубежом была поставлена на регулярную, профессиональную основу. Следует подчеркнуть, что все сведения, полученные по линии военной разведки накануне 1812 года, были очень внимательно рассмотрены императором Александром I и позволили ему принять необходимые меры по подготовке к предстоящей войне.

Создавая первый специальный централизованный разведывательный орган, Барклай-де-Толли прекрасно понимал, что ему нужны в первую очередь постоянные представители — «зарубежные военные агенты» — в российских посольствах ряда европейских стран. Именно они должны были добывать такую необходимую в предвоенное время разведывательную информацию «о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям» (из доклада Барклая-де-Толли Александру I). Эти «военные агенты» должны были находиться при дипломатических миссиях под видом гражданских чиновников и служащих Министерства иностранных дел. В посольства и миссии, где главами состояли «послы военных генеральских чинов», были направлены для разведывательной работы офицеры в официальном качестве адъютантов таких послов-генералов. Кандидатуры на эти должности подбирались весьма тщательно. Как правило, это были представители богатых дворянских семей, получившие прекрасное домашнее воспитание, офицеры, участвовавшие в военных кампаниях. Они не только имели боевой опыт и владели иностранными языками, но и знали реалии жизни в Европе.

«ВОЕННЫЕ АГЕНТЫ» БАРКЛАЯ

Министр с особой тщательностью подбирал «военных агентов», которые должны были выехать в столицы ряда европейских государств для работы в российских посольствах. Отобранные им кандидаты для ведения разведки за рубежом имели хорошее образование, являлись энергичными людьми, владели иностранными языками и в большинстве своем хорошо знали местные условия и национальные особенности населения тех стран, где им предстояло работать.

В дальнейшем, обогатившись опытом дипломатической и разведывательной деятельности и возвратившись на Родину, эти офицеры успешно продвигались по службе, делали карьеру. Все они дослужились до генеральских чипов (за исключением молодого Григория Орлова, в 22 года потерявшего ногу в сражении при Бородино и вышедшего в отставку полковником), были удостоены высших орденов Российской империи. Многие офицеры, служившие в «корпусе военных дипломатов», со временем заняли посты губернаторов, министров, руководителей военных штабов, командующих округами и флотами, стали видными военачальниками.

В список Баркляя-де-Толли одним из первых попал артиллерийский поручик Павел Граббе. В сентябре 1810 года он прибыл в Мюнхен, где состоял в скромном «звании канцелярского служителя» при русской миссии «с ношением употребительного мундира». По утверждению видного историка российской военной разведки Михаила Алексея, Павла Граббе «можно ныне рассматривать как первого военного разведчика, действовавшего под официальным прикрытием гражданской должности в российском посольстве за рубежом».

Внук шведского дворянина, еще в XVIII веке перешедшего на российскую службу, граф Павел Христофорович Граббе родился в 1789 году. Успешно окончив Первый кадетский корпус в Санкт-Петербурге в 1805 году, он начал службу подпоручиком во 2-м артиллерийском полку. Несмотря на достаточно юный возраст, в том же году принимал участие в походе в Австрию, затем сражался при Голыmine и Прейсиш-Эйлау. В августе 1808 года переведен на службу в 27-ю артиллерийскую бригаду и вскоре стал поручиком. А через два года ему суждено было отправиться на разведработу в Баварию.

В период Отечественной войны Павел Граббе был адъютантом

Баркляя-де-Толли, который командовал 1-й Западной армией.

В дальнейшем граф Граббе сделал блестящую карьеру — дослужился до звания наказного атамана Войска Донского. В 1866 году ему было присвоено звание генерала от кавалерии. С 1866 по 1875 год являлся членом Государственного совета Российской империи.

В Берлин к российскому послу генерал-лейтенанту Х.А. Ливену в качестве адъютанта был направлен полковник Роберт Егорович Ренни.

Потомок выходцев из Шотландии, перебравшихся в Россию, Роберт Ренни родился 12 апреля 1768 года в Риге. Окончил Рижский лицей. На военной службе с 1786 года. В звании прапорщика в составе Елецкого пехотного полка в ходе Польской кампании 1794 года воевал с конфедератами в Курляндии. За храбрость получил звание капитана. Участвовал в экспедиции в Голландию. Отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1808 году произведен в полковники. За ценные разведывательные сведения, регулярно направляемые русскому командованию во время работы в Берлине, Ренни был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

В период Отечественной войны 1812 года он являлся генерал-квартирмейстером 3-й Западной армии. В 1813 году Роберту Ренни было присвоено звание генерал-майора.

В числе первых для работы в российской военной разведке был привлечен полковник Федор Васильевич Тейль ван Сераскеркен.

Голландец по происхождению барон Тейль ван Сераскеркен родился в 1771 году. В 1803 году из капитанов голландской службы был принят тем же чином в русскую армию. Зачислен в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В 1805 году принимал участие в экспедиции на остров Корфу. Затем воевал с французами в Пруссии в казачьем отряде генерала Платова. Во время войны со шведами сражался при Идельсальми, был ранен. В 1810 году командирован на разведывательную работу в Вену в качестве адъютанта при российском посланнике генерал-лейтенанте Шувалове с конкретным заданием: организовать разведывательную работу и добывать необходимые сведения о передвижении, численности войск Наполеона и их вооружении.

В период Отечественной войны Тейль ван Сераскеркен — квартирмейстер 3-й Западной армии. С мая 1813 года — генерал-майор.

С мая 1814 года генерал-майор Тейль ван Сераскеркен работал в русских дипломатических миссиях при Неаполитанском дворе и при Ватикане, а также являлся посланником в Вашингтоне и в Рио-де-Жанейро.

В этом небольшом очерке хотелось бы также рассказать о сотруднике центрального аппарата военной разведки подполковнике Петре Андреевиче Чуйкевиче. Он родился в 1783 году. Происходил из дворян Полтавской губернии. После окончания Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1804 году служил командиром взвода Кронштадтского гарнизонного полка, а также состоял в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участник военных кампаний против французов (1807) и турок (1807—1809). С 1810 года — сотрудник-аналитик центрального аппарата «Экспедиции секретных дел». Фактически он являлся заместителем директора военной разведки. Военный писатель и один из образованнейших офицеров русской армии, П. А. Чуйкевич занимался обобщением и анализом всей поступающей разведывательной информации. Кроме того, в его обязанности входило направление агентуры за границу, подготовка аналитических записок, рассылка маршрутов для передвижения воинским частям на западной границе.

В начале января 1812 года Чуйкевич составил «дислокационную карту» наполеоновских сил, которая постоянно обновлялась. По этой карте военный министр и император Александр I следили за передвижениями французских корпусов.

В апреле 1812 года Чуйкевич сформулировал в письменном виде итоговые рекомендации для ведения войны против Наполеона: предложил отступать в глубь страны и затягивать военные действия из-за численного превосходства армии противника.

Во время Отечественной войны П.А. Чуйкевич был награжден за Бородино орденом Св. Владимира 3-й степени и произведен в полковники. С 1813 по 1815 год являлся директором «особенной канцелярии».

С 1821 по 1829 год Петр Чуйкевич находился «по особенному поручению» на разведывательной работе в Лайбахе (Любляне). С 1823 года — генерал-майор.

Помимо указанных выше офицеров активно действовали за рубежом накануне Отечественной войны и другие военные разведчики. Так, «военным агентом» в Саксонии (Дрезден), где российское посольство возглавлял генерал-лейтенант В.В. Ханыков, стал майор Харьковского драгунского полка Виктор Прендель, происходивший из австрийских дворян. В 1811 — 1812 годах он совершил ряд поездок по странам Европы для сбора сведений о переброске французских войск к русским границам. В период Отечественной войны командовал отрядом партизан. В 1831 году командирован в Галицию и произведен в генерал-майоры.

Адъютантом при российском посланнике в Испании генерал-майоре

Н.Г Репнин с 1810 года был достаточно молодой офицер поручик Павел Брозин. До направления на работу за границу он являлся активным участником военных кампаний 1805 — 1809 годов. Отлично проявил себя в период Отечественной войны 1812 года. В 1817 году был произведен в генерал-майоры.

В 1811 году Роберта Рени на посту адъютанта посла в Берлине генерал-лейтенанта Х.Л. Ливена заменил поручик Григорий Орлов. Родился он в 1790 году. На военной службе с 1805 года. Участник кампании с французами 1807 года. Во время Отечественной войны 1812 года был прикомандирован к Барклаю-де-Толли. Участвовал во многих сражениях, получил несколько ранений, под Бородином лишился ноги. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. «Уволен за ранами» в звании полковника в 1818 году.

Как мы видим, первые «военные дипломаты» получили прекрасное воспитание и образование, знали иностранные языки, до Отечественной войны 1812 года являлись активными участниками различных военных кампаний. Все они были отнесены к «числу храбрых, распорядительных и точных высших штабных чинов».

УДАЧЛИВЫЙ РАЗВЕДЧИК ЧЕРНЫШЕВ

И все-таки наиболее удачливым и активным российским разведчиком рассматриваемого нами предвоенного периода можно считать полковника Александра Ивановича Чернышева. С 1809 по 1812 год он выполнял важные дипломатические поручения во Франции и Швеции, состоял «адъютантом Александра I при Наполеоне» (личным представителем российского императора в военной Ставке Наполеона во время боевых действий французской армии против Австрии и Пруссии). С 1810 года Чернышев постоянно находился при дворе французского императора. Именно от него из Парижа поступали в Центр наиболее важные и ценные сведения.

Светлейший князь Александр Чернышев родился 30 декабря 1785 года в семье сенатора, генерал-поручика, правителя костромского наместничества, являвшегося представителем старинного дворянского рода, известною с конца XV века. По существовавшему тогда обычаю Александр с рождения был записан на военную службу вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. Получил домашнее образование под руководством аббата Перрена. С 1801 года — камер-паж, затем произведен в корнеты Кавалергардского полка. В июне 1804 года назначен адъютантом к командиру полка генерал-адъютанту Ф.П. Уварову. В ноябре 1806 года произведен в штабс-ротмистры. За храбрость, проявленную в ряде сражений, удостоен золотой шпаги с надписью «За храбрость», ордена Св. Георгия 4-й степени и креста Св. Владимира 4-й степени с бантом. В феврале 1808 года боевой офицер Александр Чернышев был направлен в Париж.

Имя Чернышева в то время часто появлялось в разделах светской хроники и местных сплетен парижских газет. Рослый красавец с непокорной вьющейся шевелюрой, прекрасный рассказчик и остролов, он неизменно становился душою любого общества, особенно того, где были прекрасные дамы. В великосветских салонах неизменно бытовало представление о посланце российского царя как о жуире и удачливом покорители женских сердец.

Но это была лишь театральная маска. Репутация легкомысленного повесы служила прекрасной ширмой для ловкого и умного царского посланца, которому всегда удавалось получать важную информацию о политических и военных планах Наполеона накануне франко-русского

военного конфликта 1812 года.

Прибыв на разведывательную работу в Париж, Чернышев быстро вошел в доверие к императору Франции, установил добрые отношения со многими приближенными Наполеона. За короткий срок русскому полковнику удалось приобрести информаторов в правительственной и военной сферах французской столицы, наладить и расширить сеть ценной агентуры и надежных доверительных связей.

Так, сотрудник военного министерства агент «Мишель», входивший в небольшую группу французских чиновников, составлявших раз в две недели лично Наполеону в единственном экземпляре секретную сводку относительно численности и дислокации французских войск, на постоянной основе передавал Чернышеву копию этого документа, которая, в свою очередь, срочно отправлялась в Петербург. Случалось, что копия донесения ложилась на стол русского «военного агента» раньше, чем оригинал попадал к императору Наполеону. И таких примеров можно привести много.

Российский император высоко ценил своего представителя во Франции и передаваемую им информацию. Однажды на полях одного из донесений Чернышева он даже написал: «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку». Полковнику Чернышеву шел в то время только двадцать шестой год.

В период Отечественной войны Александр Чернышев являлся командиром партизанского отряда. Опыт разведывательной работы в Париже и профессиональное разведывательное чутье оченьгодились ему в организации партизанского движения в районах, оккупированных наполеоновскими войсками. В ноябре 1812 года «за успешные действия по возлагаемым на него поручениям и благоразумное исполнение отважной экспедиции» Чернышев был произведен в генерал-майоры и пожалован в генерал-адъютанты. С 1827 года — генерал от кавалерии. В 1832 — 1852 годах являлся военным министром. С 1848 по 1856 год занимал пост председателя Государственного совета.

* * *

В целом российская военная разведка накануне и в ходе Отечественной войны 1812 года сумела достойно противостоять французской. Несмотря на изначально больший опыт и почти двойное превосходство в численности разведки противника, тайная дуэль

россиянами была выиграна. Российское руководство и командование войск имели достаточную информацию о противнике, могли оперативно принимать решения и влиять на ход боевых действий. При этом в ходе войны разведка Российской империи постоянно совершенствовала методы своей деятельности. Суровую проверку она выдержала с честью.

Часть вторая.

СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ ВЧК — ОГПУ — НКВД

В декабре 1920 года в ВЧК был создан Иностранный отдел, превратившийся со временем в один из эффективных разведывательных органов государства. И если сегодня Служба внешней разведки России по праву входит в число лучших разведок мира, то в этом, без сомнения, есть заслуга и первых поколений советских разведчиков.

Очерки истории российской внешней разведки

Ежегодно 20 декабря Служба внешней разведки Российской Федерации отмечает свой день рождения. В этот день в далеком 1920 году Ф.Э. Дзержинский подписал исторический приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК, преемницей которого в наши дни является СВР России.

В этой книге мы хотели бы рассказать читателям о представителях различных поколений сотрудников и помощников советской внешней разведки, своим трудом вписавших золотые страницы в ее историю.

Внешняя разведка — это необходимый и обязательный механизм любой страны, решающий целый ряд важнейших государственных задач. Нужна или не нужна разведка — вопрос чисто риторический. Ни одно государство не может обойтись без нее. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства своей страны достоверной, во многом упреждающей информации по тем вопросам, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

Следует особо подчеркнуть, что на любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах внешняя разведка защищает интересы государства. С течением времени могут измениться акценты в ее деятельности, может произойти отказ от некоторых методов работы, но никогда государственный аппарат не откажется от разведки как важнейшего инструмента своей политики.

Октябрьская революция 1917 года положила начало появлению на огромной территории земного шара нового независимого государства — Советской России.

Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате революционного процесса распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового, но существу, государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Ее возглавил член Политбюро РКП(б) Ф.Э. Дзержинский. В недрах ВЧК в сложных политических условиях и зарождалась внешняя разведка нашей страны.

Чекистам сразу же пришлось столкнуться со сложной ситуацией, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы — Англия, Франция, Италия, Япония и США — организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В.И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Дзержинским. Затем последовали вооруженная интервенция, которую страны Антанты предприняли против своей бывшей союзницы, Гражданская война. Советская Россия сумела выстоять в этих сложных условиях, разгромить интервентов и изгнать их из страны, ослабить внутреннюю контрреволюцию.

Становление советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачу входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных организаций, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики, Безусловно, эта

борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации об их планах и кадровом составе, разложение контрреволюционных структур изнутри).

В то же время уже с первых месяцев существования ВЧК предпринимались попытки вести разведывательную работу за кордоном. Ведь для борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией советская власть нуждалась в достоверной и своевременной разведывательной информации, получаемой в том числе из-за рубежа.

В январе 1918 года лично председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский лично привлек к работе в качестве секретного сотрудника при Президиуме ВЧК на патриотической основе бывшего банкира и издателя газеты «Деньги» Алексея Фроловича Филиппова. Он несколько раз выезжал в Финляндию для сбора информации о политическом положении в стране, планах финских политических кругов и белой гвардии в отношении Советской России. Филиппову удалось убедить командование находившегося в финских портах Балтийского флота и российских гарнизонов перейти на сторону советской власти и передислоцироваться в Кронштадт.

В литературе по истории советской внешней разведки отмечается, что это был первый вывод сотрудника ВЧК за кордон с разведывательными целями, положивший начало данному методу чекистской работы за границей. Этот факт нашел подтверждение и в архивных материалах Службы внешней разведки России.

По заданию особых отделов в декабре 1918 года в тылы германских войск на Украине, в Прибалтике и в Белоруссии были направлены сотрудники и агенты ВЧК для ведения разведки и организации партизанских отрядов.

В феврале 1918 года Дзержинский принимает активные меры по созданию агентурного аппарата ВЧК «в ближнем зарубежье». Буквально вслед за А.Ф. Филипповым в начале того же года в Турцию для организации разведывательной работы с территории этой страны был направлен Р.К. Султанов. Дзержинский его лично инструктировал, а также направил советскому представителю в Стамбуле письмо с просьбой оказал» разведчику всяческое содействие. По указанию председателя ВЧК разведывательные пункты были созданы в тылу кайзеровских войск на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, а также в Средней Азии и на Кавказе. В мае 1918 года Дзержинский издал приказ, регламентирующий деятельность закордонных агентов ВЧК и их взаимодействие с российскими дипломатическими представительствами за рубежом.

Весь длительный и сложный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке занимался активной разведывательной деятельностью бывший царский профессиональный разведчик штабс-капитан Алексей Николаевич Луцкий. Он вскрыл в Харбине заговор начальника КВЖД генерала Хорвата и проинформировал об этом советское правительство в Петрограде. Добывал через агентуру и сообщал в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск. С февраля 1920 года являлся членом Военного совета Приморья. В конце мая того же года был сожжен японскими интервентами в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

Особую опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку и тесно с ними сотрудничала. Именно взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами вынудила советское руководство активизировать контрразведывательную и разведывательную работу ВЧК.

В целях совершенствования разведывательной работы в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК было создано специальное подразделение — Иностранно-осведомительное бюро. При особых отделах фронтов, армий и флотов, а также в некоторых губернских ЧК были сформированы иностранные отделения. Они работали в контакте с Регистрационным управлением Реввоенсовета Республики, в котором в те годы сосредоточивалась военная разведка.

В ту пору Советская Россия имела дипломатические отношения с Турцией и Германией, а в связи с подписанием в 1920 году договоров о нормализации отношений со странами-лимитрофами (Эстония, Латвия, Литва и Финляндия) в столицах этих государств также открылись дипломатические представительства РСФСР. В них с разрешения ЦК РКП(б) создавались резидентуры внешней разведки. В их задачу входило агентурное проникновение в контрреволюционные белогвардейские организации и формирования.

Руководством ВЧК и его подразделения внешней разведки была разработана и вступила в действие инструкция для Иностранно-осведомительного бюро, в которой оговаривались условия создания и функционирования в капиталистических странах «легальных» резидентур с целью «агентурного проникновения в разведываемые объекты: учреждения, партии, организации». Инструкция предусматривала, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК должна направляться нелегально.

Первым руководителем первого штатного подразделения внешней разведки Особого отдела ВЧК стал Людвиг Францевич Скуйскумбре.

Он родился в 1898 году в Риге в латышской мещанской семье. Его отец был кассиром магазина. Получил среднее образование. Свободно владел немецким языком.

С ноября 1917 года работал на хозяйственных должностях в административном отделе Моссовета. Член РКП(б) с июня 1918 года. В октябре 1918 года добровольцем ушел в 1-ю Революционную армию Восточного (впоследствии Туркестанского) фронта. Служил политработником, затем секретарем председателя Реввоенсовета, а с середины 1919 года — сотрудником Особого отдела армии.

В начале 1920 года был переведен в Москву, в Особый отдел ВЧК, и в апреле того же года возглавил Иностранно-осведомительное бюро центрального аппарата военной контрразведки.

После создания Иностранного отдела ВЧК некоторое время являлся начальником Осведомительной части (агентурного отдела) Особого отдела ВЧК, а вскоре был назначен заместителем начальника Осведомительной части (агентурного отдела) ИНО ВЧК.

В 1922 году выполнял специальные задания за границей по линии ИНО ВЧК. В начале 1923 года перешел на работу в военную контрразведку, а затем до 1937 года трудился в Экономическом управлении ОПТУ — НКВД. В 1938 году по состоянию здоровья уволился на пенсию.

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, не имела до декабря 1920 года самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

Что же произошло в 1920 году? Он стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года. Завершилась Гражданская война полной победой Красной Армии.

Но в тех же временных рамках Гражданской войны проходили локальные войны против интервентов — стран Антанты и некоторых других государств. Среда них по масштабу военных действий и последствиям для Советского государства следует выделить российско-польскую войну 1920 года.

Во-первых, это была война упущенных для Советской России и ее вооруженных сил возможностей. Во-вторых, она стала единственной войной, которую за всю свою историю Красная Армия проиграла.

Готовить армию панской Польши страны Антанты начали еще в конце 1919 года. Поляки тогда получили от одной лишь Франции почти полторы

тысячи орудий, около трех тысяч пулеметов, свыше трехсот тысяч винтовок, полмиллиарда патронов, двести броневиков, триста самолетов, уйму прочего военного снаряжения.

К весне 1920 года польская армия, полностью укомплектованная и обученная, насчитывала около 750 тысяч солдат. В Польшу из Франции была переброшена 70-тысячная армия генерала Галлера, сформированная из проживавших в этой стране поляков-эмигрантов.

К сожалению, российская внешняя разведка, входившая в состав военной контрразведки ВЧК, действовавшая в прифронтовой полосе и не имевшая в то время своих резидентур в европейских странах, просмотрела военные приготовления Польши и стран Антанты. 25 апреля 1920 года войска панской Польши, воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии были заняты борьбой с Добровольческой армией, в частности, с закрепившимися в Крыму войсками барона Врангеля, нанесли молодой республике удар в спину, перейдя внезапно в наступление.

Противостоявшие им войска Красной Армии, входившие в состав Западного и Юго-Западном) фронтов, насчитывали всего около 65 тысяч бойцов.

Боевые действия начались для поляков успешно. В первые же педели наступления они захватили Житомир, Коростень, в мае взяли Киев и вышли на левый берег Днепра.

ВЦИК, Совнарком и ЦК партии большевиков приняли экстренные и энергичные меры. Была объявлена срочная мобилизация в действующую армию коммунистов и комсомольцев. Под ружье встали около одного миллиона человек.

Благодаря принятым мерам в войне наступил перелом: полки Красной Армии начали освобождать захваченные поляками территории Украины и Белоруссии. Однако это не устраивало страны Антанты и США, и они оказали сильнейшее давление на правительство РСФСР, требуя остановить наступление. Англия направила советскому правительству ноту, в которой предложила немедленно заключить перемирие с Польней по так называемой «линии Керзона» (в то время министр иностранных дел Великобритании), примерно соответствовавшей нынешним западным границам Украины и Беларуси.

17 июля советское правительство отвергло «ультиматум Керзона», но заявило о готовности начать с Польшей переговоры о перемирии. Одновременно распоряжением Троцкого Западному фронту было приказано не позднее 12 августа овладеть Варшавой.

Именно тогда командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский

отдал знаменитый приказ № 1423:

«Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству! На Запад! На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»

К 13 августа Красная Армия оказалась в 12 километрах от Варшавы. Однако полякам удалось перехватить и расшифровать переписку Тухачевского с Буденным, в которой говорилось о том, что армия Тухачевского осталась без боеприпасов, амуниции и фуража.

Французские советники в армии Пилсудского генерал Максим Вейган и маршал Фердинанд Фош порекомендовали полякам воспользоваться ситуацией. США, Англия и Франция оказали Польше дополнительную существенную материальную и военную помощь, изменив соотношение сил в ее пользу. 16 августа польская армия перешла в контрнаступление...

Война обернулась тяжелым поражением войск Советской республики. Красная Армия потеряла 150 тысяч убитыми. 66 тысяч ее бойцов попали в польский плен и в дальнейшем практически все погибли. 30 тысяч красноармейцев были интернированы в Восточной Пруссии.

12 октября 1920 года в Риге начались российско-польские переговоры о перемирии, которые завершились подписанием крайне невыгодного для Советской России мирного договора. В результате Россия потеряла более 52 тысяч квадратных километров территории к востоку от «линии Керзона», а также признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии, провозглашенную ими в условиях германской оккупации.

Война с Польшей, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией.

В сентябре 1920 года, рассмотрев на своем заседании причины поражения в Польской кампании, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации закордонной разведки. В нем, в частности, говорилось:

«Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время Польской кампании. Мы ниш на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу.

Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от

случайных ходов вслепую».

Для выработки документов, связанных с созданием самостоятельного разведывательного подразделения, была создана комиссия, в которую вошли: И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов и Ф.Э. Дзержинский.

В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП(б) и материалами комиссии председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский издал 20 декабря 1920 года приказ № 169 об организации Иностранного отдела (ИНО) ВЧК как самостоятельного разведывательного подразделения. Штат ИНО составил 70 человек. Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, правопреемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

Временно исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК был назначен Яков Христофорович Давтян, ответственный сотрудник Наркомата иностранных дел, в целях конспирации выступавший под фамилией Давыдов.

Создавая внешнюю разведку молодого Советского государства, Дзержинский, разумеется, не мог опираться только на дореволюционные кадры, поскольку речь шла о политической разведке органов госбезопасности. Однако уже с середины 1920-х годов «дореволюционные специалисты», особенно знатоки восточных языков, мастера перлюстрации и изготовления фальшивых документов, стали привлекаться к работе закордонной разведки ВЧК.

Вслед за Я.Х. Давтяном Иностранный отдел ВЧК возглавлял Соломон Григорьевич Могилевский, являвшийся руководителем внешней разведки с августа 1921 по март 1922 года. Затем он руководил чекистами Закавказья.

6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР упразднил ВЧК и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Внешняя разведка (ИНО) вошла в состав ГПУ. В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) постановлением ЦИК СССР 2 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, в которое вошел и Иностранный отдел (штат: 122 человека в центральном аппарате и 62 — за границей).

Среди первых руководителей разведки органов госбезопасности профессионалом высокой пробы по праву можно назвать

Михаила Абрамовича Трилиссера. На этом посту он проработал с марта 1922 по октябрь 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом. При нем эта служба получила дальнейшее развитие и добилась

впечатляющих результатов в своей деятельности. По рекомендации М. А. Трилиссера в Иностраннный отдел пришли такие знаменитые в дальнейшем разведчики, как Владимир Владимирович Бустрем, отбывавший вместе с Трилиссером при царском режиме срок в Ярославской каторжной тюрьме, а также Дмитрий Георгиевич Федичкин, которого Трилиссер знал по работе на Дальнем Востоке.

Создание самостоятельной внешнеполитической разведки пришлось на период становления советской власти, а следовательно, ее история органически связана со всеми этапами развития Советского государства.

Так, в первые годы своего существования усилия внешней разведки были направлены прежде всего на борьбу с белой эмиграцией за границей, которая представляла большую опасность для Советской России как база для подготовки контрреволюционных групп. Ей удалось проникнуть в наиболее активные эмигрантские центры, вынашивавшие планы «крестового похода» против молодого Советского государства. О борьбе советской закордонной разведки с вооруженной белой эмиграцией мы расскажем в следующей главе.

Важное значение имело и получение сведений о планах подрывной деятельности иностранных государств против нашей страны.

За три-четыре года с момента своего создания Иностранному отделу удалось организовать «легальные» резидентуры в сопредельных с СССР странах, а также в главных капиталистических государствах Европы — Англии, Франции и Германии. Было положено начало ведению разведки с нелегальных позиций, образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства СССР.

Активная наступательная деятельность внешней разведки на первых этапах ее становления помогла сорвать агрессивные планы противников Страны Советов и тем самым способствовала созданию благоприятных условий для экономического строительства и укрепления обороноспособности Советского государства.

В 1930-е годы с установлением нацистского режима в Германии начался период резкого обострения международной обстановки. И в Центре, и в резидентурах сотрудникам приходилось работать в очень сложных условиях: не хватало квалифицированных кадров; структура, формы и методы деятельности внешней разведки только начинали складываться; слабой была материально-техническая база. Однако именно в это время закладывались идейно-патриотические основы разведки,

накапливался опыт и оттачивалось профессиональное мастерство.

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О приоритетных направлениях деятельности ИНО ОГПУ». В нем впервые на высоком политическом и государственном уровне были определены приоритетные направления разведывательной деятельности. Среди задач, поставленных перед внешней разведкой, были, в частности, следующие: выявление планов руководящих кругов Англии, Германии, Франции, Польни, Румынии и Японии относительно финансово-экономической блокады нашей страны; активизация научно-технического направления деятельности разведки.

Безусловно, возможность выполнения этих задач силами аппарата, насчитывавшем немногим более ста человек, может показаться сейчас просто нереальной. Тем не менее разведка работала довольно успешно. Выполняя данное постановление, внешняя разведка сумела получить большое количество секретной технической информации по различным отраслям промышленности и видам вооружений.

В ноябре 1932 года начальник ИНО ОГПУ А.Х. Артузов подписал распоряжение о реорганизации внешней разведки. Необходимость такой реорганизации была вызвана тем, что после относительно благоприятной обстановки для деятельности советских учреждений в Европе в предшествовавшее десятилетие в ряде европейских стран наметилась тенденция к ужесточению режима пребывания работников советских представительств, в том числе и сотрудников внешней разведки.

Следует отметить, что к середине 1930-х годов на Западе усилились антифашистские настроения. Не только простые люди, но и представители высших кругов общества, демократической интеллигенции смотрели в то время на Советский Союз с надеждой, как на силу, которая может противостоять фашизму и агрессии. Именно на таких людей опиралась советская внешняя разведка, искала и находила среди них тех, кто соглашался на сотрудничество по политическим и идейным соображениям. Яркими примерами этого служили знаменитая «Кембриджская пятерка» и представители «Красной капеллы».

Решение сложнейших задач, стоявших в 1930-е годы перед советской разведкой, потребовало мобилизации всех ее внутренних резервов, укрепления материальной базы и кадров, постоянной корректировки конкретных целей. Правительство, как и в предыдущие годы, уделяло самое серьезное внимание повышению ее эффективности. Так, в 1934 году на заседании правительства были рассмотрены вопросы об улучшении работы ИНО ОГПУ и Разведывательного управления РККА и о

координации их деятельности.

10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), в который вошли ряд главков, в том числе Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Иностраный отдел стал 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР. Его задачи правительство определило следующим образом:

«Выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций; вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР; руководство деятельностью закордонных резидентур».

Несмотря на обрушившиеся на разведку репрессии, она продолжала вести активную работу по освещению деятельности правящих кругов ведущих капиталистических стран Европы, США и Японии и частичному срыву их планов и мероприятий, направленных против СССР.

Немало полезного сделала советская разведка в эти годы в Испании. Она систематически получала сведения о поддержке франкистов Германией и Италией. В соответствии с личным указанием Сталина разведка организовала переброску в Испанию нескольких сотен советских добровольцев-интернационалистов. Этот контингент интербригадцев с большой отдачей использовался в качестве инструкторов военного дела в учебных центрах, руководителей разведывательно-диверсионных групп, бойцов охраны важных объектов, а также военных переводчиков. После падения республиканского правительства советские разведчики способствовали спасению от неминуемой физической расправы многих бойцов и командиров интернациональных бригад.

За образцовое и самоотверженное выполнение заданий по оказанию помощи республиканской Испании постановлением ЦИК СССР от 13 ноября 1937 года группа сотрудников НКВД была отмечена орденами. Среди них были и сотрудники внешней разведки. Орденом Ленина были награждены Григорий Сыроежкин, Кирил Орловский и Яков Серебрянский, орденом Красного Знамени — Наум Эйтингон и Николай Прокопюк, орденом Красной Звезды — Александр Рабцевич.

3 октября 1938 года нарком внутренних дел издал приказ о создании Школы особого назначения (ШОН) для централизованной подготовки разведывательных кадров. Слушатели школы набирались в основном из гражданских лиц, имевших высшее образование.

Первые выпускники ШОН сыграли заметную роль в активизации разведывательной работы накануне и в годы Великой Отечественной

войны.

В предвоенный период разведчикам удалось создать серьезные агентурные позиции в госаппарате и спецслужбах Германии, Англии, Японии, Италии и некоторых других стран. Добытые ими материалы раскрывали приготовления Германии и Японии к войне против Советского Союза, истинную роль правящих кругов Англии, Франции и США по отношению к СССР.

Именно в предвоенные годы произошло становление советской внешней разведки органов государственной безопасности, которая стала одной из сильнейших разведслужб мира и сегодня по праву входит в их первую пятерку.

При этом следует подчеркнуть, что разведчики 1920-х — 1930-х годов, независимо от того, какое положение они занимали в служебной иерархии, были настоящими людьми, патриотами своей страны. Они не думали о славе и карьере и, если нужно, были готовы отдать жизнь за Родину. Связав свои судьбы с внешней разведкой органов госбезопасности, они видели личное счастье в служении Отечеству.

Глава 1.

РАЗГРОМ РОВС

Октябрьская революция 1917 года расколола Россию на два враждующих лагеря. Большевики были вынуждены вести непримиримую борьбу с многочисленными врагами нового государства.

После окончания Гражданской войны в России у советской власти не осталось серьезных противников внутри страны. В то же время за границей действовало немало эмигрантских организаций, ставивших своей целью свержение большевистского режима. Лидеры потерпевшего поражение в Гражданской войне Белого движения, оказавшись за рубежом в результате эмиграции, пытались продолжать борьбу с Советами всеми доступными им способами и средствами. В этом их поддерживали и буржуазные правительства ряда иностранных государств.

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

В 20-х годах прошлого столетия число эмигрантов — выходцев из России составляло в Европе и Китае более одного миллиона человек. Безусловно, белая эмиграция не была однородной. Часть людей, бежавших за границу из-за страха перед советской властью, не собирались с этой властью бороться. Другие эмигранты, активно сражавшиеся против большевиков на полях Гражданской войны, объединялись за границей в организации, главной целью которых было свержение советской власти в России. Среди последних следует, в частности, отметить Народно-трудовой союз (НТС), Организацию украинских националистов (ОУН), Объединение грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданией. Однако самой активной и агрессивной организацией белоэмигрантов того времени являлся Русский общевоинский союз (РОВС), созданный генералом Петром Врангелем из офицеров разгромленной Добровольческой армии.

Предыстория создания РОВС такова: после эвакуации остатков войск генерала Врангеля из Крыма и их обустройства в Сербии и Болгарии Русская армия как самостоятельная сила перестала существовать. В этой

связи Врангель, проживавший в сербском городе Сремска-Карловица, 1 сентября 1924 года издал приказ № 35, согласно которому армия преобразовывалась в Русский общевоинский союз под его руководством. 25 апреля 1928 года Петр Николаевич скончался в Брюсселе от скоротечной чахотки. Его преемником на посту председателя РОВС стал один из его заместителей генерал-лейтенант Александр Кутепов, перенесший штаб-квартиру организации, объединявшей в своих рядах около 100 тысяч бывших белых офицеров, в Париж. Среди руководителей этой организации он являлся активным сторонником террористической деятельности. И не удивительно, что под его началом террор и диверсии стали главным оружием РОВС в борьбе против Советского государства.

В Париже, а также в Праге, Софии, Берлине и Варшаве, где имелись филиалы Русского общевоинского союза, готовились боевые группы для заброски на советскую территорию с целью проведения терактов и организации вооруженных выступлений населения. Члены РОВС налаживали связи с контрреволюционным подпольем в России, чтобы получить возможность для свержения власти большевиков. В секретной инструкции для боевиков, разработанной Кутеповым, подчеркивалось: «План общей работы представляется в следующем виде — террор против... советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

Известный публицист и историк С. Вычужанин по этому поводу, в частности, пишет: «В конце 1929 года генералом Кутеповым было решено активизировать диверсионно-террористическую работу против СССР. Стали готовиться группы офицеров-боевиков, в планы которых входило привлечение к работе абсолютно проверенного бактериолога с целью оборудования своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, гиф, сибирская язва). Культуры бактерий на территорию СССР предполагалось доставлять в упаковках от духов, одеколона, эссенций, ликеров и др.

Целями терактов должны были служить все областные комитеты ВКП(б), губернские комитеты ВКП(б), партийные школы, войска и органы ОГПУ (у боевиков в наличии был список подобных 75 учреждений в Москве и Ленинграде с точным указанием адресов)».

МОСКВА ПРИНИМАЕТ МЕРЫ

Естественно, Москва не могла не учитывать потенциальной опасности,

исходившей со стороны террористических организаций белой эмиграции и в первую очередь — со стороны РОВС, стратегической целью руководства которого являлось вооруженное выступление против советской власти. В этой связи основное внимание советской внешней разведки и ее резидентур отводилось работе по РОВС: изучению его деятельности, выявлению планов, установлению филиалов и агентуры на советской территории, разложению его изнутри и возможному влиянию на принятие решений руководством с помощью внедренной агентуры, срыву готовящихся диверсионно-террористических мероприятий.

В Положении о закордонном отделении Иностранного отдела ПТУ, утвержденном 28 июня 1922 года, указывались следующие первоочередные задачи советской внешней разведки в порядке их приоритетности:

- выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против пашей страны;

- установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;

- освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении;

- добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

- контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Как видно из приведенного выше документа, работе по проникновению в зарубежные контрреволюционные организации, которые проводили подрывную деятельность против Советского государства, отводилось в то время первостепенное место.

Кроме того, в Москве учитывали, что в случае новой войны в Европе под знаменами противников СССР могут выступить и полки бывшей Добровольческой армии, структура которой сохранилась и в эмиграции. Белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности РККА.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ КУТЕПОВА

Сложившиеся обстоятельства, связанные с активизацией антисоветской деятельности РОВС, поставили перед руководством ОПТУ вопрос о проведении операции по нейтрализации Кутепова.

На основе собранных через надежную агентуру сведений об образе жизни генерала, его привычках, принимаемых им мерах личной безопасности в Москве была разработана операция по его похищению, осуществление которой было поручено Особой группе при председателе ОПТУ и ряду нелегалов, действовавших в то время во Франции. Проведение операции было намечено на воскресенье 26 января 1930 года, так как по полученным разведкой достоверным данным Кутепов в этот день должен был в 11 часов 30 минут утра присутствовать на панихиде по барону Каульбарсу в Галлиполийской церкви на улице Мадемуазель в двадцати минутах ходьбы от его дома.

Накануне, 25 января, Кутепову одним из сотрудников опергруппы была передана записка, в которой ему назначалась важная кратковременная встреча на его маршруте к церкви. При этом учитывалось, что Кутепов на важные встречи, связанные с агентурной и боевой деятельностью РОВС, всегда ходил один. Прождав некоторое время «курьера» на трамвайной остановке на улице Севр, Кутепов продолжил свой путь к церкви. На улице Удино он был перехвачен опергруппой, представившейся сотрудниками французской полиции, и увезен за город на автомашине. Однако доставить его в Москву и, как планировалось, предать суду не удалось, так как по дороге Кутепов скончался от сердечного приступа.

Осуществленная ОПТУ операция по похищению Кутепова нанесла тяжелый удар по РОВС. Депрессия, панические настроения, недоверие к руководителям, взаимные подозрения в сотрудничестве с органами госбезопасности СССР были характерны не только для членов Русского общевоинского союза, но и для поддерживавшей его части белой эмиграции на протяжении ряда лет после исчезновения Кутепова.

ПРЕЕМНИК КУТЕПОВА

Преемником Кутепова на посту председателя РОВС стал генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, кадровый военный, окончивший в 1892 году Академию Генерального штаба.

С 1898 по 1907 год он находился на военно-дипломатической работе в

Бельгии, Голландии и Италии. Участник Первой мировой войны. С первых дней войны возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году был произведен в генерал-лейтенанты. В январе 1917 года назначен командиром 26-го армейского корпуса.

В августе 1917 года Миллер был направлен в Италию представителем Ставки Верховного главнокомандующего при итальянском Главном командовании. Здесь его и застала Октябрьская революция. Активный участник Гражданской войны в России. В январе 1919 года прибыл в оккупированный англичанами Архангельск и был назначен главнокомандующим войсками контрреволюционного «правительства Северной области» эсера Чайковского. В феврале 1920 года его части были разбиты, а их остатки отправились в изгнание.

После эвакуации английских войск из Архангельска Миллер уехал в Финляндию, откуда перебрался в Париж, где сначала состоял при штабе Врангеля, а затем находился в распоряжении великого князя Николая Николаевича. В 1929 году был назначен заместителем председателя РОВС.

Будучи заместителем Кутепова, Миллер не был допущен к боевой работе РОВС и не был информирован об этой стороне секретной деятельности организации. Поэтому, вступив в должность ее председателя, генерал сразу же отправился с инспекционной поездкой в Югославию, Чехословакию и Болгарию, чтобы на месте разобраться с практической деятельностью РОВС и оживить разведывательную работу. Это обуславливалось и тем, что многие генералы и старшие офицеры РОВС считали Миллера кабинетным работником, не способным к решительной борьбе с советской властью. Однако по мере вхождения в дела организации Миллер, назвав мелкими булавочными уколами различного рода «бессистемные покушения, нападения на советские учреждения и поджоги складов», поставил перед РОВС стратегическую задачу — организацию и подготовку крупных выступлений против СССР всех подчиненных ему сил. Не отрицая важность проведения террористических актов, он обращал особое внимание на подготовку кадров для развертывания партизанской войны в тылу Красной Армии в случае войны с СССР. С этой целью он создал в Париже и Белграде курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению военно-диверсионному делу новых членов организации из числа эмигрантской молодежи.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАЗВЕДКИ

Следует подчеркнуть, что планы и практические шаги по их реализации генерала Миллера и его сподвижников своевременно становились достоянием советской разведки. Благодаря полученным через агентуру данным в 1931 — 1934 годах удалось обезвредить семнадцать террористов РОВС, заброшенных на территорию СССР, и вскрыть одиннадцать их явочных пунктов. Большой вклад в эту работу внесли разведчик-нелегал Леонид Линецкий, а также сотрудники парижской и берлинской резидентур ИНО ОГПУ. Им, в частности, удалось предотвратить готовившиеся РОВС террористические акт против наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова в Европе и см заместителя Л.М. Карахана в Иране.

В начале тридцатых годов советская разведка установила технику слухового контроля в штаб-квартире РОВС в Париже, которая с мая 1930 года располагалась на первом этаже дома № 29 на улице Колизей, который принадлежал семье надежного агента парижской резидентуры Сергея Третьякова.

Семья Третьякова занимала второй и третий этажи дома, а его личный кабинет располагался как раз над помещениями первого этажа, арендованными штаб-квартирой РОВС. Это позволило парижской резидентуре установить микрофоны прослушивания в кабинетах Миллера, начальника 1-го отдела Шагалова и руководителю канцелярии РОВС Кусонского. Аппаратура приема информации была размещена в кабинете Третьякова. Начиная с января 1934 года заработал технический капал получения информации, обернувшийся для Третьякова годами тяжелой работы. Почти ежедневно, пока Миллер, Шатилов и Кусонский находились на работе, он, надев наушники, вел записи разговоров, происходивших в их кабинетах. Поступавшая от Третьякова информация, носившая кодовое наименование «Информация наших людей», позволила разведке и контрразведке ОГПУ, а затем НКВД более полно контролировать и пресекать подрывную деятельность РОВС против СССР.

Исключительно важная информация по РОВС поступала в парижскую резидентуру и от ближайшего соратника Миллера, отвечавшего за разведывательную работу, генерала Николая Скоблина, сотрудничавшего вместе с женой — известной русской певицей Н.В. Плевицкой — с советской разведкой с 1930 года. По оценке ИНО ОГПУ Скоблин являлся одним из лучших источников, который «довольно четко информировал Центр о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках Миллера в другие страны». Гастроли его жены Плевицкой давали возможность Скоблину осуществлять инспекторские

проверки периферийных подразделений РОВС и обеспечивать советскую разведку оперативно значимой информацией. В конечном счете Скоблин стал одним из ближайших помощников Миллера по линии разведки и его поверенным в делах центральной организации РОВС. В конечном счете это обстоятельство было использовано, когда встал вопрос о проведении острой операции по Миллеру после получения данных о том, что он через своего представителя в Берлине генерала Лампе установил тесные контакты с фашистским режимом в Германии. «РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — заявлял генерал. — Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ МИЛЛЕРА

22 сентября 1937 года по приглашению Скоблина Миллер направился с ним на виллу в Сен-Клу под Парижем, где должна была состояться организованная Скоблиным встреча руководителя РОВС с немецкими представителями. На вилле Миллера ожидала оперативная группа чекистов, которая захватила его и через Гавр переправила на теплоходе в СССР.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно. Однако перед тем, как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил генералу Кусонскому конверт с запиской и попросил вскрыть его, если с ним что-нибудь случится. Как только окружению Миллера стало ясно, что он пропал, Кусонский вскрыл конверт с запиской следующего содержания:

«У меня сегодня в 12 час. 30 мин. для встреча с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и Раффе, и он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в прибалтийских странах — полковником Штроманом и с господином Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Е. Миллер. 22 сентября 1937 г.».

Кусонский немедленно предпринял собственное расследование. Опасаясь разоблачения и ареста, Скоблин вынужден был скрыться. Принятые полицией меры по его розыску результата не дали. Генерал был нелегально переправлен парижской резидентурой на специально зафрахтованном самолете в Испанию. По имеющимся сведениям, он погиб в Барселоне при бомбежке франкистской авиации. Плевицкая была

арестована как соучастница и осуждена парижским судом к 20 годам каторжных работ. С октября 1940 года она скончалась в Центральной тюрьме города Ренн.

Сергей Третьяков продолжал сотрудничать с советской разведкой до оккупации гитлеровской Германией Франции. В августе 1942 года фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали сообщение о том, что Третьяков был арестован гестапо. В 1944 году его казнили как резидента советской разведки в Париже.

Сегодня в российской прессе можно встретить всякие суждения относительно чекистской операции по нейтрализации Миллера. Кое-кто пытается представить генерала, прославившегося кровавыми злодеяниями на территории России, «невинной жертвой» НКВД.

А вот что писал во французской газете «Информасьон» за 24 апреля 1920 года о деятельности генерала Миллера на Севере ее корреспондент в Архангельске, близкий друг Керенского эсер Борис Соколов:

«Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения и бегства генерала Миллера со своим штабом. Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда раньше не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться наверху. Смертные казни производились сотнями, часто без всякого судопроизводства.

Миллер основал каторжную тюрьму на Иокангском (Кольском) полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостоверить, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сотен человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказанию Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных, отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей.

В середине февраля 1920 года, за несколько дней до своего бегства, генерал Миллер посетил фронт и заявил офицерам, что не оставит их. Он дал слово офицера позаботиться об их семьях. Но это не помешало ему закончить приготовления к бегству. 18 февраля он отдал приказ об эвакуации Архангельска 19 февраля к двум часам дня. Сам он и его штаб в ночь на 19 февраля тайно разместились на яхте «Ярославна» и ледоколе «Козьма Минин». Генерал Миллер захватил с собой всю государственную

казну, около 400 000 фунтов стерлингов (10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области.

Утром 19 февраля население узнало об измене и бегстве генерала Миллера. Много народу собралось возле места якорной стоянки “Козьмы Минина”, в том числе солдаты и офицеры, которых Миллер обманул. Началась перестрелка. С кораблей стреляли из орудий. Было много убитых.

Вскоре “Козьма Минин” ушел из Архангельска...»

Вот такой портрет генерала Миллера нарисовал эсер Борис Соколов, далекий от симпатий к большевикам. К этому можно добавить, что по законам Российской империи присвоение казенных денег считалось тягчайшим преступлением.

Похищение Миллера и тайная переправка его в Москву связывались в первую очередь с организацией широкомасштабного судебного процесса над ним. Этот процесс призван был разоблачить связи белогвардейцев с нацистами. Миллер был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался как заключенный № 110 под именем Иванова Петра Васильевича до мая 1939 года. Однако к тому времени уже явственно чувствовалось приближение новой мировой войны. К маю 1939 года Германия не только совершила аншлюс Австрии, Судетской области, но и полностью оккупировала Чехословакию, несмотря на гарантии ее безопасности со стороны Англии и Франции. Разведка НКВД располагала информацией о том, что следующей целью Гитлера будет Польша.

11 мая 1939 года нарком внутренних дел Берия подписал распоряжение о расстреле экс-председателя РОВС, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. В 23 часа 05 минут того же дня приговор был приведен в исполнение.

После похищения Миллера руководителем РОВС стал генерал Абрамов, которого через год сменил генерал Шатилов. Никому из них не удалось сохранить РОВС как дееспособную и активную организацию, ее авторитет в белой среде. Последняя операция советской разведки, связанная с похищением Миллера, способствовала полному развалу РОВС. И хотя окончательно РОВС как организация прекратил свое существование с началом Второй мировой войны, советская разведка, дезорганизовав и разложив РОВС, лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в войне против СССР около двадцати тысяч членов этой организации.

Глава 2.

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ...

Как мы отмечали выше, сразу же после Октябрьской революции 1917 года советская власть была вынуждена отражать мощные удары внешних и внутренних врагов, отстаивая право на существование и территориальную целостность молодого государства. Со своей стороны, ведущие европейские капиталистические страны предпринимали активные усилия с целью добиться дипломатической и экономической изоляции на международной арене Советской России, сумевшей утвердить свою независимость в условиях иностранной военной интервенции и Гражданской войны.

Наглядно это проявилось в начале 1920-х годов, когда западные страны развернули яростную пропагандистскую кампанию против СССР, грубо искажая его внутреннюю политику, приписывая агрессивный характер его внешней политике, призывая к политической и экономической изоляции Советского Союза на международной арене. Все это наносило заметный ущерб международному престижу СССР, мешало развитию его внешних связей, торгово-экономических отношений. В организации и проведении этой кампании ведущую роль играли спецслужбы западных стран.

Особенно усердствовали в этом Англия и Франция, которые стремились создать вокруг Страны Советов так называемый «санитарный кордон» из стран «малой Антанты».

Угрозы введения экономической блокады Советской России открыто звучали и в ходе работы международной Генуэзской конференции (10 апреля — 19 мая 1922 года, Генуя). Представители 28 капиталистических государств оказывали на советскую делегацию в Генуе постоянное давление с целью добиться от Москвы значительных уступок по основным обсуждавшимся экономическим и финансовым вопросам. Одновременно любые предложения советской стороны, затрагивавшие политические проблемы, наталкивались на глухую стену непонимания и намеренного умолчания.

К чести советской делегации, ей удалось сорвать планы Антанты по дипломатической изоляции нашего государства. 16 апреля 1922 года в

Рапалло (пригород Генуи) представители советского правительства подписали с Германией договор об установлении дипломатических и экономических отношений.

Подписанием этого договора Германия разорвала внешнеполитическую изоляцию, в которой она оказалась из-за навязанной ей Антантой версальской системы. Для Советского государства в то же время Рапальский договор означал первое официальное признание великой державой.

ПОД КРЫШЕЙ ДИПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

После открытия в Берлине официального советского дипломатического представительства была создана и первая совместная «легальная» резидентура ИНО ГПУ и Разведупра РККА в Германии. Ее возглавил сотрудник военной разведки Артур Сташевский. Но уже в феврале 1923 года его сменил на этом посту опытный работник ИНО ГПУ Бронислав Бортновский.

Берлинская резидентура ИНО становится опорным пунктом активной работы закордонной разведки органов госбезопасности в Европе. С позиций Берлина советские разведчики действуют по нелегальным каналам в сопредельных европейских государствах. В берлинскую резидентуру начинает поступать важная политическая и экономическая информация из Франции, Англии, Италии и ряда других стран, которая, в свою очередь, немедленно переправляется в Центр. Германия является также страной, из которой в Москву в большом количестве направляются образцы современной техники.

Между тем прорыв политической блокады СССР уверенно продолжался. В середине 1924 года лейбористское правительство Великобритании объявило о признании де-юре Советского Союза. 28 октября того же года о признании СССР и установлении с ним дипломатических отношений заявила Франция. Примеру ведущих европейских государств последовали правительства и ряда других стран. К 1926 году Советский Союз вступил в нормальные политические и экономические отношения с 13 государствами. Советские полпредства (до мая 1941 года дипломатические учреждения СССР за границей назывались полномочными представительствами, возглавляли их, соответственно, полпредах; в мае 1941 года полпредства стали называться, как принято во всем мире, посольствами во главе с послами. — *Авт.*), а следовательно —

«легальные» и нелегальные резидентуры — начали действовать на разных континентах земного шара.

СОЗДАНИЕ ПАРОВОДНОЙ КОМПАНИИ

Перед руководством внешней разведки возникла серьезная проблема — проблема надежной и бесперебойной связи со своими загранаппаратами. Имевшаяся в распоряжении разведки радиоаппаратура была маломощной. Наши славные дипломатические курьеры надежно перекрывали лишь европейские маршруты. Путь за океан, на Дальний Восток или в Азию был довольно длительным. Отправляемая из стран этих регионов с дипкурьерами информация зачастую запаздывала. Большие проблемы возникали и с перевозкой крупногабаритных грузов.

И все-таки решение было найдено. Для связи с нелегалами и зарубежными аппаратами разведки, находившимися на разных континентах, и для доставки им необходимой аппаратуры, а от них в Центр — образцов техники по решению руководства ОПТУ действовавший в Германии разведчик-нелегал Небольстин создал в 1926 году в Гамбурге пароходную компанию.

Из оперативной справки:

Сергей Степанович Небольстин (оперативные псевдонимы «Чайкин» и «Серж») родился в 1894 году в Петербурге.

Выведен внешней разведкой за кордон в ходе эвакуации белых войск из Крыма.

В 1921 — 1923 годах являлся сотрудником нелегальной резидентуры в Болгарии. В 1923 — 1925 годах — на нелегальной работе в Китае.

С середины 1925 года — разведчик-нелегал в Германии. Владелец судоходной компании.

* * *

В 1925 году Небольстин зарегистрировал в Гамбурге пароходную компанию. На средства Центра были закуплены две шхуны атлантического класса — «Атланта» и «Юпитер» — водоизмещением 500 тонн каждая. Экипажи шхун состояли в основном из разведчиков-нелегалов и надежной агентуры. Суда совершали рейсы в Латинскую Америку и в Китай,

доставляя грузы в Германию. А оттуда они по различным каналам переправлялись в Советский Союз.

К началу 1930-х годов Советский Союз признало уже более 40 зарубежных государств. По линии Наркомата иностранных дел была отработана надежная связь с советскими дипломатическими представительствами, включая и резидентуры. Надобность в судоходной компании Небольстина отпала. Она успешно выполнила свои задачи и в начале 1932 года была ликвидирована.

В середине 1930-х годов Сергей Степанович Небольстин вернулся в СССР. Занимал должность инструктора советских портов. К сожалению, в конце 1930-х годов по ложному навету он был необоснованно репрессирован. Дальнейшая судьба его неизвестна.

ПРОДОЛЖЕНИЕ «МОРСКОЙ ИСТОРИИ»

Неожиданно «морская» история, о которой рассказано выше, получила свое продолжение в конце 1950-х годов. А дело было так.

В ноябре 1948 года в США на нелегальную работу прибыл Вильям Фишер (оперативный псевдоним «Марк»), Несколько позже параллельно с ним в Бразилии начала действовать нелегальная пара советских разведчиков супругов Филоненко. Михаилу и Анне Филоненко предстояло обстоятельно обосноваться в Латинской Америке, а затем перебраться в США на помощь Фишеру.

Разведчики очень быстро включились в активную оперативную работу. Михаилу Ивановичу удалось проникнуть в окружение президента Бразилии Жуселино Кубичека де Оливейро, завязать знакомства со многими министрами правительства страны, которых он, будучи коммерсантом, часто приглашал на обеды к себе на виллу.

Филоненко подружился даже с парагвайским диктатором Альфредом Стресснером, наводнившим свою страну бывшими гитлеровцами. Будучи в прошлом офицером германского вермахта и знатоком стрелкового оружия, хозяин Парагвая однажды увидел в стрелковом клубе, как метко стреляет из винтовок и пистолетов элегантный коммерсант, и пришел в неопишуемый восторг. В дальнейшем он неоднократно приглашал Михаила поохотиться вместе на крокодилов. В беседах с советским разведчиком «дядюшка Альфредо» был предельно откровенен. Подобной «чести» удостаивались лишь избранные. В результате хорошо налаженной разведывательной работы от нелегалов Филоненко регулярно поступала исключительно

важная политическая информация.

Между тем работать становилось все сложнее. В 1957 году в Нью-Йорке был арестован советский разведчик-нелегал Вильям Фишер, назвавшийся при аресте Рудольфом Абелем, параллельно с которым работали супруги Филоненко. Во избежание их расшифровки и сохранения созданной ими агентурной сети, имевшей выходы на США, Центр принял решение изменить условия связи с разведчиками-нелегалами. Любые контакты с ними через тайники и связных были прекращены. Связь с Центром поддерживалась теперь только по радио. Разведчикам передали новейшую коротковолновую быстродействующую радиостанцию, «выстреливавшую» сообщения в эфир сжатым «пакетом» за несколько секунд. Анне Федоровне пришлось вспомнить свою военную специальность радистки.

В те годы спутниковой связи еще не существовало, а дальность работы радиостанции была ограничена. Сеансы связи не всегда заканчивались успешно. Центр серьезно озаботился вопросом поддержания надежного контакта с нелегалами.

Читатели старшего поколения должны хорошо помнить шлягер 1950-х годов, в котором молодой китобой голосом Леонида Утесова объяснялся с девушкой: «Махнешь рукой, уйдешь домой,/ Выйдешь замуж за Васю-диспетчера./ Мне ж бить китов у кромки льдов,/ Рыбьим жиром детей обеспечивать».

Песня постоянно звучала в эфире, советская китобойная флотилия «Слава» успешно перевыполняла производственные планы. А у одного из руководителей разведки, вспомнившего о пароходной компании Небольстина, родилась блестящая идея.

Так в составе советской китобойной флотилии, ведущей промысел в водах Антарктики, под видом китобойного судна появился специальный корабль. Мощный узел связи «китобоя» использовался в качестве усилителя и ретранслятора радиосигналов, поступавших от нелегалов Филоненко. Теперь какая-либо задержка в получении информации Центром была исключена. Это были годы «холодной войны», и информация, передаваемая разведчиками, носила тревожный характер: в Вашингтоне вовсю гремели военные барабаны.

Глава 3.

ПОЭТ И ЧЕКИСТ

(История одного посвящения)

В этой главе мы хотим рассказать об обычных людях, обычной дружбе и истории, которую они создавали.

Свое знаменитое стихотворение «Солдаты Дзержинского» Владимир Маяковский сопроводил посвящением: «Вал. М.».

Стихотворение было написано накануне 10-летия органов ВЧК — ОГПУ и опубликовано одновременно в двух газетах — «Комсомольской правде» и тифлисской «Заре Востока» — в дни работы XV съезда партии.

ТАИНСТВЕННЫЙ «ВАЛ. М.»

Интересно, что председатель ОГПУ В.Р. Менжинский, сменивший на этом посту Дзержинского после его внезапной смерти 20 июля 1926 года, подписал приказ по органам государственной безопасности по случаю их 10-лстнго юбилея, который был напечатан на одаой странице со стихотворением Маяковского «Солдаты Дзержинского».

Только значительно позже широкой общественности стало известно, что под инициалами посвящения стихотворения скрывались имя и отчество видного чекиста того времени, одного из руководителей внешней разведки Валерия Михайловича Горожанина.

Почему Маяковским была оказана особая почесть Горожанину? Кем был для поэта Валерий Михайлович?

Говорят, что стихи, как и люди, имеют свою судьбу, свою историю. История стихотворения «Солдаты Дзержинского» начиналась задолго до его написания, и она тесно связана с чекистом Горожаниным, ставшим в середине 1930-х годов одним из руководителей внешней разведки нашей страны.

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕКИСТА

Валерий Горожанин родился в 1889 году в городе Аккермане (ныне — Белгород-Днестровский) Бессарабской губернии в семье страхового агента.

Детство Валерия началось с горя. В трехлетнем возрасте он лишился отца, а в неполные восемь лет — матери. Мальчик воспитывался в большой, многодетной семье двоюродной сестры матери. Кроме него в семье было еще пять детей. Особенных средств не было. Юный гимназист в какие-то 9 — 10 лет начал давать частные уроки, чтобы заработать на жизнь.

В 1907 году Валерий сдал экстерном экзамены за полный курс тираспольской классической гимназии. В том же году вступил в партию эсеров.

В 1909—1912 годах он учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе. За активное участие в студенческом революционном движении попал в списки «неблагонадежных» и был отчислен из университета. В 1912 году Валерий был арестован, год содержался в одиночной камере, а затем до конца 1914 года отбывал ссылку в Вологодской губернии.

После окончания ссылки находящемуся на «особом счету» у полиции Горожанину работы в России не нашлось: ни в Одессе, ни в Киеве, ни в Москве. Он решил попытать счастья за границей.

В 1914 году Горожанин приезжает в Париж. Здесь он примыкает к группе большевиков и сближается с А.В. Луначарским.

Особое место в парижском периоде жизни молодого революционера занимает его общение со многими прогрессивными французскими писателями. В частности, благодаря Луначарскому Горожанин близко знакомится с Роменом Ролланом и Анатолем Франсом. Последний часто принимал у себя своего молодого русского друга, подолгу с ним беседовал, внимательно выслушивал. Уже тогда Горожанин задумал написать книгу о творческой судьбе великого французского писателя.

Как только в Париж пришла весть о Февральской революции в России, Горожанин принял решение возвратиться на родину. Уже в апреле 1917 года он был в Петрограде и с головой окунулся в политическую деятельность партии, сотрудничал в большевистских газетах. Именно тогда Горожанин познакомился и подружился с Маяковским.

После Октября партия направила Горожанина на работу в украинскую ЧК, где в полной мере раскрылись его исключительные способности к оперативной деятельности. Он продолжил учебу в Новороссийском университете. В 1919 году вступил в члены РКП(б). Являлся следователем по особо важным делам Одесской губЧК. В период деникинской оккупации находился в Одессе, был арестован и приговорен к расстрелу. Освобожден Красной Армией. Затем снова работал на руководящих должностях в

различных подразделениях украинского ГПУ: уполномоченным по борьбе с контрреволюцией и членом коллегии Николаевской губЧК, заместителем начальника киевского губотдела ГПУ.

ВСТРЕЧИ В ХАРЬКОВЕ

С 1923 по 1930 год Горожанин проживал в Харькове, являясь начальником секретно-политического отдела ГПУ Украины. Именно в этот город часто приезжал «трибун революции»), чтобы выступить перед читателями и встретиться со своим близким другом. В Харькове Маяковский, как правило, останавливался на квартире у Горожаниных. Жена Валерия Михайловича Берта Яковлевна позже рассказывала: «Владимир Владимирович всегда был у нас желанным гостем. О чем только он не толковал с Горожаниным. Они находили общий язык. Если бы это было не так, то, очевидно, разные области работы, разные интересы навряд ли могли составить ту надежную дружбу, которая существовала между ними. Горожанин восхищался Маяковским, всячески ему помогал. Такой же заботой отвечал Владимир Владимирович».

В ходе одной из встреч в Харькове в январе 1924 года Горожанин рассказал Маяковскому о том, что накануне восьмидесятилетия Анатоля Франса Ватикан включил его сочинения в список запрещенных. Святые отцы выдвинули множество обвинений против писателя, разделив их на тринадцать обвинительных пунктов. Горожанин отметил, что собирается написать книгу об этом, превратив обвинения Ватикана в приговор черному мракобесию. Маяковский горячо поддержал намерение друга. Вскоре книга «Анатоль Франс и Ватикан» вышла в свет в харьковском издательстве «Пролетарий» и получила высокую оценку специалистов.

Очень лестно отозвался о работе Валерия Михайловича Алексей Максимович Горький. А Сталин, которому Горький направил произведение Горожанина, на одной из глав написал: «Лучшее, что было сделано до сей поры об Анатоле Франсе. И. Сталин».

Во время посещений Харькова Маяковский с удовольствием встречался с украинскими чекистами, выступая перед ними в местном чекистском клубе. Зал был всегда набит до отказа, молодежь горячо приветствовала своего любимого поэта. Маяковский без перерыва читал восторженным слушателям «Левый марш!», «Бюрократиаду», «Неразбериху», «Облако в штанах», «Марш комсомольца».

«ЗОРЧЕ И В ОБА, ЧЕКИСТ, СМОТРИ!»

В 1927 году в Харьков поэт приезжал четырежды. В те тревожные дни консервативное правительство Англии и английские спецслужбы проводили против молодой Республики Советов провокацию за провокацией. Так, 12 мая 1927 года лондонская полиция внезапно оцепила офис «Аркаса» — торговой компании, выполнявшей функции коммерческой части Торгпредства Советского государства в Великобритании — и провела обыск его помещений. Эта акция послужила поводом для разрыва дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом. На страницах «Комсомольской правды» и других центральных газет из номера в номер печатались боевые оборонные материалы. Нарастала угроза новой войны против СССР.

Однажды, беседуя с Маяковским, Горожанин подробно рассказал поэту о происках «твердолобых» в Великобритании и поддержке этих происков троцкистами внутри страны, о том, как были задержаны шпионы и диверсанты, направлявшиеся через границу, о работе чекистов-«секретчиков», то есть сотрудников секретно-политического отдела, и чекистах контрразведывательного отдела (КРО).

Маяковский понимал, какое значение имеет в этой трудной обстановке для страны его поэтическое слово. Он должен был дать ответ. За себя, за тех, кто борется с врагом с оружием в руках.

Из воспоминаний жены Горожанина Берты Яковлевны:

«Вечером мы собрались обедать. На стол было все подано, но Маяковский попросил нас задержаться. У нас было три комнаты. В одной из комнат он что-то писал, ходил из угла в угол. Садился за стол и снова вскакивал. Мы не мешали ему. Я с сожалением подумала о том, что приготовленный мной украинский борщ окончательно остынет; как вдруг в комнату-столовую вошел с доброй улыбкой на лице Маяковский. В руках он держал клочок бумаги.

— Послушайте, Валерий Михайлович, это вам мой набросок посвящается, — и начал читать:

Есть твердолобые вокруг и внутри —
зорче и в оба, чекист, смотри!
Мы стоим с врагом о скулу скула,
и смерть стоит, ожидая жатвы.
ГПУ — это нашей диктатуры кулак сжатый...

Горожанин, смущенный и взволнованный, стоя слушал друга.

— Нет, — тихо возразил чекист, — это, пожалуй, будет неточно. Не только мне, но всем солдатам Дзержинского».

Стихотворение «Солдаты Дзержинского», прочитанное в Харькове, было, что называется, первым черновым вариантом. В дальнейшем поэт тщательно его доработал и добавил ряд строк.

«В ЯЛТЕ С ГОРОЖАНИНЫМ...»

«Живу я в Ялте с Горожаниным, с ним в большинстве случаев разъездываю», — сообщал Маяковский в одном из своих писем в Москву в начале августа 1927 года. Как и было оговорено ранее, Маяковский и Горожанин проводили свой летний отпуск вместе. Живя в Ялте в той же самой гостинице, где, по преданию, Н.А. Некрасов закончил поэму «Кому на Руси жить хорошо», Маяковский завершал поэму «Хорошо!». Горожанин не спеша обдумывал план своей новой книги об Анатоле Франсе.

Как-то вечером в первые дни отпуска Валерий Михайлович предложил Маяковскому написать совместный киносценарий «Инженер д'Арси» («Борьба за нефть») — об истории захвата персидской нефти Англией. У Горожанина накопились интереснейшие материалы по данному вопросу. Маяковский с большой охотой согласился с этим предложением. Друзья подписали договор с ялтинской фабрикой «Всеукраинское фотокиноуправление» и дружно принялись за работу. Уже 25 августа 1927 года сценарий был сдан художественному совету фабрики.

Однажды в номер гостиницы, где жили поэт и чекист, неожиданно пришел фотограф. Он запечатлел Маяковского и Горожанина в том виде, в котором они находились в утренние часы. Наголо бритый Маяковский — в свободной мягкой пижаме, а рядом с ним Горожанин — в рубахе с отложным воротничком.

Эта фотография является украшением начальной экспозиции Зала истории внешней разведки и всегда вызывает живой интерес у посетителей.

21 июля 1928 года поэт направил телеграмму другу: «Дорогой Валерий Михайлович. Выезжаю в Севастополь двадцать третьего. Если ваш отпуск совпадает, хорошо поехать вместе. Обеспечиваю боржомом, стихами, изысканной дружбой. Встречайте. Привет Берте Яковлевне, друзьям. Маяковский».

ФИНАЛ

О смерти поэта Горожанину сообщил руководитель Харьковского ОПТУ. Валерия Михайловича никогда не видели плачущим, но здесь он не выдержал.

В Москву на похороны Горожанин вылетел попутным самолетом. Когда возвратился, харьковские чекисты настойчиво попросили Валерия Михайловича рассказать о случившемся с Маяковским. В клубе имени Дзержинского собрались все свободные от работы чекисты.

— Владимир Владимирович Маяковский был надежным другом настоящих солдат Дзержинского, непревзойденным певцом нашего народа и бойцом ленинской партии, — с этих слов начал свой рассказ В.М. Горожанин. — Своим он был и будет для каждого честного советского человека...

Свое выступление Горожанин не смог закончить. Ушел со сцены в слезах. В дальнейшем, что бы Валерий Михайлович ни вспоминал из своей жизни, он все связывал с именем Маяковского. «Используя свое служебное положение», он активно участвовал в увековечении памяти поэта.

В мае 1930 года Горожанин был откомандирован на работу в центральный аппарат ОПТУ СССР. Занимал должность заместителя начальника секретно-политического отдела ОПТУ.

В 1933 году Горожанина переводят на руководящую работу во внешнюю разведку. Вскоре он становится заместителем начальника внешней разведки. Ему присваивается специальное звание старшего майора госбезопасности (генерал-майор).

С февраля 1937 года В.М. Горожанин — заместитель начальника Особого отдела НКВД СССР.

Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ОПТУ».

19 августа 1937 года Валерий Михайлович Горожанин был арестован по делу «о заговоре в НКВД УССР». 29 августа 1938 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР за участие в антисоветской подрывной деятельности, приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

27 июля 1957 года определением ВК ВС СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Владимир Маяковский

Тебе, поэт,
тебе, певун,
какое дело
тебе
до ГПУ?! Железу —
незачем
комплименты лестные. Тебя
нельзя
ни славить
и ни вымести. Простыми словами
говорю —
о железной
необходимости. Крепче держись-ка! Не съестъ
врагу. Солдаты
Дзержинского Союз
берегут. Врага вокруг республики рыскают. Не к месту слабость
и разнеженность весенняя. Будут
битвы
громче,
чем крымское
землетрясение. Есть твердолобые вокруг
и внутри —
зорче
и в оба, чекист,
смотри! Мы стоим
с врагом
о скулу скула, и смерть стоит,
ожидает жатвы. ГПУ —
это нашей диктатуры кулак сжатый.
Храни пути и речки, кровь
и кров, бери врага,
секретчики, икрой,
КРО!
[1927]

Глава 4.

«НЕПРОФИЛЬНАЯ» ФОТОГРАФИЯ

В экспозиции Зала истории внешней разведки, находящейся в штаб-квартире Службы внешней разведки России в московском микрорайоне Ясенево и посвященной деятельности разведки в предвоенные годы, внимание посетителей часто привлекает вроде бы «непрофильная» фотография, относящаяся к октябрю 1932 года. На палубе ледокольного парохода «Александр Сибиряков», прибывшего в японский порт Иокогаму, с гордостью смотрят в объектив фотоаппарата два советских ученых — профессор Владимир Юльевич Визе и академик Отто Юльевич Шмидт. Рядом с ними — знаменитый покоритель Арктики, капитан ледокола Владимир Иванович Воронин. На втором плане — генеральный консул СССР в Японии, он же видный советский разведчик Владимир Павлович Алексеев-Железняков.

СУДЬБА ЧЕКИСТА

Судьба чекиста Алексеева (после работы за границей под фамилией Железняков — Алексеева-Железнякова) оказалась достаточно сложной и изменчивой, как и судьбы других основных героев нашего повествования, объединенных единым именем и фамилией — замечательного русского исследователя Арктики Александра Михайловича Сибирякова и ледокольного парохода, названного его именем.

Владимир Алексеев родился в 1900 году. С 1920 года он начал служить в Гомельской губернской ЧК, а уже через год 21-летний чекист был назначен заместителем ее председателя. В 1922 году Алексеева командировали в Башкирию, где возникла критическая ситуация, связанная с серьезными разногласиями между руководством местной ЧК и национальными башкирскими лидерами, повлекшими за собой вспышки буржуазного национализма среди башкир и обострение национальной розни между башкирами и татарами.

В целях исправления создавшегося положения ЦК РКП(б) принял решение сменить руководство ЧК автономной республики. Алексеев был назначен заместителем председателя Башкирской ЧК.

С 1925 года вся дальнейшая оперативная деятельность Алексеева была связана с Дальним Востоком: после окончания Восточного факультета Военной академии РККА он был направлен на разведывательную работу в Харбин. А затем до середины 1935 года возглавлял «легальную» резидентуру советских органов государственной безопасности в Токио. По прикрытию являлся 1-м секретарем полпредства СССР, а позже — генеральным консулом. Именно в это время ему довелось первым из советских людей ступить на борт ледокола «Александр Сибиряков» в Иокогаме после завершения им исторического прохода по Северному морскому пути.

С июля 1935 года Алексеев-Железняков являлся политическим референтом по Японии секретаря Исполкома Коминтерна Отто Куусинена. Перед ним открывались прекрасные политические и оперативные перспективы. Однако волею обстоятельств видный разведчик был отлучен от активной разведывательной работы в самый расцвет своих творческих сил и возможностей.

В 1938 году Алексеев-Железняков стал жертвой необоснованных репрессий. По клеветническому доносу он был арестован и осужден Военной коллегией Верховного суда СССР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на 5 лет. В 1949 году последовало осуждение на ссылку с поселением в Красноярском крае. Лишь в 1954 году Владимир Павлович Алексеев-Железняков был освобожден из ссылки, а в 1955 году последовала его полная реабилитация.

Скончался В.П. Алексеев-Железняков в 1988 году в доме ветеранов в поселке Переделкино, что под Москвой.

ПОДВИЖНИК-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

А теперь коснемся других действующих лиц, запечатленных на фотографии из Зала истории внешней разведки, с которыми невольно свела судьба разведчика Алексева-Железнякова.

На протяжении ряда столетий многие отважные мореплаватели стремились открыть новые морские дороги, которые бы соединили Северную Европу с Дальним Востоком и Азией вдоль побережья северо-восточных районов России. Мореходы Англии, Голландии, Швеции и других стран Старого Света пытались претворить эту идею в жизнь. Ведь попасть из Европы на Дальний Восток или в Азию вдоль российского

побережья Северного Ледовитого океана — это значит значительно сократить время перехода и его стоимость (расходы на горючее, пошлины за проход по Суэцкому каналу и другие затраты).

Однако отправлявшиеся на разведку многочисленные иностранные экспедиции либо погибали, либо возвращались, не достигнув заветной цели. В борьбе за северо-восточный морской путь иностранцы всегда терпели поражение. Впрочем, и русское царское правительство не проявляло особого интереса к полярным и дальневосточным исследованиям.

Но, как и во всяком деле, отвечающем насущным интересам Отечества, в стране нашлись люди, которые сознавали необходимость освоения северных регионов и не жалели для этого своих сил и даже личных средств. Таким человеком, в частности, стал Александр Михайлович Сибиряков — русский золотопромышленник, который глубоко понял стратегическую важность для России Северного морского пути. Именно ему, нашему великому соотечественнику, принадлежит это выдающееся по своей значимости географическое открытие.

Александр Сибиряков принадлежал к одному из самых древних, богатых и влиятельных родов Сибири. Его отец был купцом 1-й гильдии, совладельцем винокуренных заводов, богатых золотых приисков, Бодайбинской железной дороги, пароходства.

Александр родился 26 сентября 1849 года в Иркутске. Закончил гимназию, затем Политехникум в Цюрихе. После смерти отца получил значительное наследство. Но предпринимательская деятельность не была для Сибирякова единственной целью. Как он сам подчеркивал позже, им владела идея развития Сибири путем «улучшения сообщений, устройства в ней дорог и каналов, морских сношений ее с соседними странами». На протяжении почти полувека Александр Сибиряков практически в одиночку финансировал международные полярные экспедиции, постройку кораблей, портов, дорог, твердо веря в то, что регулярная северная навигация и возможна, и выгодна России. Он и сам совершил немало самостоятельных арктических и таежных экспедиций.

Подвижническая деятельность Александра Сибирякова по освоению Арктики не осталась незамеченной: в 1876 году шведские полярные исследователи назвали его именем остров в устье Енисея, а в 1914 году русское правительство присвоило его имя ледокольному пароходу, приписанному к Архангельску.

Мечта Александра Михайловича Сибирякова об освоении Северного морского пути осуществилась только после Октябрьской революции. В

1932 году по решению советского правительства на ледоколе «Александр Сибиряков» была организована экспедиция во главе с О.И. Шмидтом. Сибиряковцам предстояло впервые в истории изучения Арктики совершить за одну навигацию сквозное плавание по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕЙС

Экспедиция покинула Архангельск 28 июля 1932 года. Ледокол под командованием капитана Воронина, начальника экспедиции академика Шмидта и его заместителя профессора Визе обогнул с севера архипелаг Северная Земля и в августе достиг Чукотского моря. Здесь участникам экспедиции пришлось преодолеть значительные трудности: районы сплошного мощного льда, ремонт на плаву гребного винта с заменой срезанной лопастной лопасти.

В конце маршрута обломался гребной вал. Судно осталось без винта — беспомощное, неуправляемое — и полностью оказалось во власти ветров, течений и льдов. Тогда экипаж поднял самодельные паруса, скроенные из кусков брезента, старых одеял и простыней. Ледокольный пароход приобрел совершенно фантастический вид, но ожил, задвигался, «помчался» со скоростью... полмили в час и 1 октября, на шестьдесят шестые сутки плавания, вырвался на чистую воду у самого входа в Берингов пролив. Здесь его взял на буксир рыболовный траулер «Уссуриец». Ну а затем в Иокогаме состоялась встреча «Александра Сибирякова», запечатленная на фотографии.

Северный морской путь был впервые пройден за одну навигацию. Задание Родины было с честью выполнено. Ледокол «Александр Сибиряков» был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Высокие государственные награды получили и все участники этого исторического похода. Важнейшим результатом экспедиции стало также создание в декабре 1932 года Главного управления Северного морского пути (Главсевморпути) во главе с академиком Отто Юльевичем Шмидтом.

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Несколько слов о судьбе легендарного исследователя Арктики Александра Михайловича Сибирякова. Случилось так, что он оказался «похоронен» при жизни. Дата его смерти — 1893 год — была обозначена

во всех энциклопедических словарях и позже перекочевала в Большую советскую энциклопедию. Но он жил после этой даты еще целых сорок лет.

Отважная деятельность первопроходца, которой по праву могло бы гордиться Отечество, закончилась самым неожиданным и загадочным образом в конце XIX века. Разорившись, Сибиряков оказался вдали от родины, в полной безвестности и крайней нужде. Жил одиноко в Ницце на небольшую пенсию, назначенную ему шведским риксдагом за то, что в бытность самым крупным меценатом России в области арктических исследований он бескорыстно субсидировал несколько шведских полярных экспедиций. Эта пенсия была спасением для Сибирякова, она продлила ему жизнь. Точно известно, что в период всеобщего интереса к героическому плаванию ледокола «Александр Сибиряков» этот одинокий старик никому из своего окружения не сказал, что он и есть тот самый знаменитый Сибиряков, именем которого назван пароход, совершивший исторический рейс.

Скончался Александр Михайлович Сибиряков 2 ноября 1933 года в больнице Пастера в Ницце. На русском кладбище Кокад, что на окраине города, в последний путь его провожали всего четыре человека: шведский консул, директор бюро путешествий «Нордиск Вояж», хозяйка пансионата, где он жил, и корреспондент газеты «Свенска Дагбладет».

Так завершился жизненный путь почетного гражданина России, члена научного и литературного обществ города Гётеборга, почетного члена Шведского общества антропологии и географии, кавалера ордена Святого Владимира 3-й степени и Серебряной медали Русского географического общества, почетного гражданина городов Иркутска и Томска, члена-корреспондента шведского Общества военных моряков, кавалера ордена Полярной звезды, почетного члена Томского университета, почетного члена германского Общества северополярной экспедиции города Бремена, кавалера французского ордена «Пальмовая Ветвь».

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ

Судьбу Александра Сибирякова невольно разделил и ледокольный пароход, носивший его имя. До начала Великой Отечественной войны «Александр Сибиряков» трудился в Арктике как грузовое и снабженческое судно. В августе 1941 года он вошел в состав ледокольного отряда Беломорской военной флотилии. Ровно через год — в августе 1942 года — «Александр Сибиряков», лишь символически вооруженный небольшими

орудиями, принял неравный бой в Карском море с фашистским тяжелым крейсером «Адмирал Шеер» и погиб, отказавшись сдаться.

Приведем некоторые подробности о бессмертном подвиге сибиряковцев, о которых недавно рассказал историк военно-морского флота нашей страны С. Доморощенок:

Во второй половине июля 1942 года из Владивостока в Кольский залив по Северному морскому пути вышла экспедиция особого назначения (ЭОН-18) в составе лидера «Баку» и двух эсминцев. По пути к ним присоединились еще несколько судов и ледокол.

Немецкое командование приняло решение перехватить и уничтожить караван, для чего в Карское море были тайно направлены тяжелый крейсер «Адмирал Шеер» и 5 подводных лодок обеспечения. По пути крейсер должен был обстрелять порты Диксона и Андермы. Эта операция носила кодовое название «Вундерланд» («Страна чудес»). Она началась 10 августа 1942 года выходом подводных лодок в заданные районы Карского моря. Крейсеру, вышедшему из норвежского порта Нарвик, также удалось скрытно пересечь Баренцево море и 20 августа войти в Карское море со стороны северной оконечности Новой Земли.

21 августа с «Адмирала Шеера» обнаружили караван судов в составе трех ледоколов, восьми транспортов и танкера. Однако из-за тяжелой ледовой обстановки немецкий рейдер не смог сблизиться с караваном на дистанцию артиллерийской стрельбы, и караван ушел к проливу Вилькицкого.

Петляя, «Адмирал Шеер» начал поиск прохода через ледяные поля для выхода на караванные пути русских судов. Днем 25 августа он встретил ледокольный пароход Беломорской военной флотилии «Александр Сибиряков», шедший из Диксона с оборудованием и персоналом для новой полярной станции на Северной Земле.

Сибиряковцы немедленно сообщили на Диксон о появлении немецкого рейдера вблизи острова Белуха. В свою очередь немцы потребовали немедленно прекратить работу рации, спустить флаг и сдаться и сделали предупредительный выстрел. В ответ советские моряки открыли огонь из своих четырех маломощных орудий. После второго залпа «Шеера» на «Сибирякове» взорвались сложенные на корме бочки с бензином. Судно охватило пламя, но оно продолжало стрелять из всех орудий.

Через 20 минут горящий пароход медленно скрылся в водах Карского моря. В бою героически погибли 79 моряков и полярников. Но тайны операции «Вундерланд» больше не существовало. На Диксоне уже знали о приближении фашистского рейдера. Совсем недалеко, в проливе

Вилькицкого, остановились корабли ЭОН-18. «Александр Сибиряков» ценой своей гибели спас десятки судов и сотни людей от грозившей им опасности.

В 1965 году координаты гибели ледокольного парохода «Александр Сибиряков» (76 градусов северной широты и 91 градус 31 минута восточной долготы) объявлены местом боевой славы.

Так закончились трагические истории, связанные с жизнью и деятельностью двух замечательных русских людей и с судьбой героического ледокольного парохода.

Глава 5.

СОБЫТИЯ У РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ

Сотрудники внешней разведки, особенно разведчики-нелегалы, никогда не были обделены государственными и ведомственными наградами. В витринах Зала истории внешней разведки широко представлены боевые и трудовые награды нашего государства, а также почетные ведомственные знаки, которыми была отмечена деятельность лучших представителей Службы и которые были переданы на вечное хранение в Музей истории разведки ближайшими родственниками этих разведчиков.

НАГРАДЫ ГОВОРЯТ О МНОГОМ

Среди наград, выставленных на обозрение, есть и довольно экзотические: Мальтийский крест и венесуэльский орден Франсиско де Миранды со звездой разведчика-нелегала Иосифа Григулевича; кубинская медаль «XX лет Монкады» члена «Кембриджской пятерки» Кима Филби; три высших ордена Монгольской Народной Республики командира Отдельной мотострелковой бригады особого назначения Вячеслава Гриднева; югославская «Партизанская звезда» в золоте руководителя советской внешней разведки периода Великой Отечественной войны Павла Фитина; два высших ордена Китайской Народной Республики видного ученого и разведчика Сергея Тихвинского и многие другие.

Однако особое внимание посетителей Зала истории внешней разведки непременно привлекает необычная и довольно редкая награда, принадлежавшая одному из ветеранов внешней разведки, — нагрудный знак Монгольской Народной Республики «Участнику боев у Халхин-Гола». Он представляет собой покрытый голубой эмалью круг, в центре которого изображен золотистый всадник с саблей в руке. Над всадником развивается красное знамя с надписью «Август 1939», а на красной лепте внизу — надпись золотистыми буквами «Халхин-Гол» (надписи сделаны на латинице). Знак был изготовлен на Московском монетном дворе.

В РАЙОНЕ РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ

Интересна история данной награды.

В 2013 году исполнилось 75 лет со дня трагических событий в истории нашего государства, связанных с вооруженным нападением японских милитаристов на территорию СССР в районе озера Хасан. Советским пограничникам и воинам Красной Армии удалось тогда одержать убедительную победу и вышвырнуть агрессоров со священной земли нашей Родины. Ожесточенные бои на нашей дальневосточной границе проходили с 29 июля по 11 августа 1938 года.

Практически через год агрессия японских милитаристов повторилась в гораздо более крупных масштабах против братской Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Основной задачей агрессивных действий японской военщины являлся захват части монгольской территории с целью создания удобного плацдарма для повторения военных действий против Советского Союза.

Опасное обострение обстановки на своих дальневосточных рубежах вынудило советское правительство сделать заявление о том, что границу Монгольской Народной Республики, в соответствии с имевшимся между СССР и МНР договором о взаимной помощи, Советский Союз будет защищать так же решительно, как и свою собственную. Для этого использовались части советских войск, находившиеся на монгольской территории, исходя из имевшегося соглашения. Вооруженный конфликт, названный позже военными историками необъявленной войной, продолжался с весны по осень 1939 года на территории Монголии недалеко от границы с Маньчжурией (Маньчжоу-го).

События в районе реки Халхин-Гол развивались стремительно. На начальном этапе конфликта японское командование подтянуло к границам МНР крупную группировку своих войск (1 пехотная дивизия, 2 пехотных полка, 2 танковых полка, 3 кавалерийских полка). Она насчитывала 38 тысяч человек, 310 орудий, 135 танков, 225 самолетов. Перед японскими войсками была поставлена задача окружить и уничтожить советско-монгольские войска на восточном берегу реки Халхин-Гол.

После многочисленных провокаций японские милитаристы, создав численное превосходство, при поддержке танков, артиллерии и авиации перешли в наступление. Завязались тяжелые бои, в результате которых советско-монгольским войскам удалось отбросить захватчиков с монгольской земли. Но враг не унимался и подтягивал свежие силы. Для подготовки нового наступления японским военным командованием была дополнительно сформирована специально предназначенная для ведения боевых действий в районе конфликта 6-я отдельная армия. Она

насчитывала свыше 75 тысяч человек, 500 орудий, около 200 танков и свыше 300 самолетов. Новое «решительное наступление» предполагалось начать 24 августа.

Все это обусловило принятие соответствующих мер со стороны советско-монгольского командования. Активную информационную поддержку ему оказывали действовавшие на территории Монголии, Китая и Японии резидентуры советской военной разведки и внешней разведки органов государственной безопасности нашей страны. На базе уже находившихся в МНР советских войск, а также подтянувшихся новых соединений была сформирована 1-я армейская группа, имевшая в своем составе 57 тысяч человек, около 500 танков, 385 бронемашин, более 540 орудий и минометов, более 500 самолетов. Группу возглавил комдив Григорий Жуков. Монгольскими войсками руководил маршал Хорлогийн Чойбалсан. Операция по упреждению удара противника готовилась скрытно. Мощный, хорошо спланированный и подготовленный авиационно-артиллерийский удар советско-монгольских войск на рассвете 20 августа застал противника врасплох.

В результате ожесточенных четырехдневных боев противник был окружен. С 24 августа советско-монгольские войска приступили к ликвидации группировки японских войск и к 31 августа полностью очистили от агрессора территорию МНР.

Японские потери за время конфликта превысили 60 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. 6-я отдельная японская армия перестала существовать. Япония обратилась к советскому правительству с просьбой о перемирии. Перемирие между СССР и Японией было заключено 15 сентября 1939 года. На другой день боевые действия в данном районе были прекращены.

ЗА МУЖЕСТВО И СТОЙКОСТЬ

Указом Великого Народного Хурала МНР от 16 августа 1940 года был учрежден нагрудный знак «Участнику боев у Халхин-Гола». Он предназначался для награждения командиров, солдат и гражданских лиц как Монголии, так и Советского Союза, принимавших непосредственное участие в боях. Дата на знаке «Август 1939» напоминала о решающем моменте в противостоянии.

Интересна и дальнейшая судьба награды. Указом Президиума Великого Народного Хурала № 181 от 29 декабря 1966 года нагрудному

знаку «Участнику боев у Халхин-Гола» был придан статус медали.

К сожалению, среди советских военнослужащих эта награда оказалась крайне редкой. Она была вручена в основном тем военнослужащим РККА, которые после окончания событий продолжили служить в Забайкальском военном округе. Почетной наградой были отмечены и ряд сотрудников резидентур, принимавших непосредственное участие в получении информации в ходе конфликта. Те же из военнослужащих, кто после окончания боевых действий убыл к постоянным местам службы, остались в то время без заслуженных наград. А разразившаяся вскоре Великая Отечественная война не позволила завершить процесс награждения всех участников событий у реки Халхин-Гол.

К этому рассказу следует добавить, что большинство военнослужащих РККА, а также других граждан СССР, принимавших участие в данном вооруженном конфликте, получили советские награды — орден Красной Звезды или медаль «За отвагу». Всего было награждено 17 121 человек. 70 военнослужащих были удостоены звания Героя Советского Союза, из них три летчика — вторично.

В современной военной литературе подчеркивается, что в ходе военного конфликта в районе реки Халхин-Гол «советские войска получили значительный опыт, особенно по использованию танков и авиации и их взаимодействию со стрелковыми подразделениями». Одновременно отмечается, что «поражение Японии серьезно повлияло на внешнеполитические позиции ее правительства и удержало ее от выступления против СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов».

Со своей стороны необходимо добавить, что события в районе реки Халхин-Гол позволили ряду резидентур, в частности — в Харбине, испытать себя и свои возможности по добыванию оперативной информации непосредственно в период военного конфликта, в котором был задействован Советский Союз.

Касаясь данного периода деятельности внешней разведки нашей страны, в «В очерках истории российской внешней разведки» указывается:

«Наиболее успешно работала харбинская резидентура. Оккупированный японцами Харбин был тогда центром политической и военной активности в регионе. В нем раскидывали свои сети и разведслужбы различных государств. Харбинской резидентуре удалось получить сведения о подготовке к нападению на Монгольскую Народную Республику незадолго до боев на реке Халхин-Гол, своевременно сообщить в Центр о концентрации у границ Советского Союза частей Квантунской

армии перед боями на озере Хасан, информировать о подготовке японцами захвата Пекина, Тяньцзиня и Шанхая».

Глава 6.

ПОД ФЛАГОМ РЕВАНША

Вторая мировая война была развязана Германией и ее союзниками, пытавшимися установить «новый мировой порядок», поработить народы всего мира и навсегда закрепить господство стран оси Рим — Берлин — Токио над остальным миром. Она родилась не вдруг, а логически вытекала из итогов Первой мировой войны, когда Германия потерпела сокрушительное поражение, была лишена части своей территории и всех колоний.

НЕ МИР, А ПЕРЕМИРИЕ

Навязанный Берлину мир, подписанный между Германией и странами Антанты в Компьенском лесу под Парижем 11 ноября 1918 года, был тяжелым и унижительным для Германии, которая не смирилась со своим поражением и тайно стремилась к пересмотру соглашений. Как и предсказывал французский полководец маршал Фердинанд Фош еще в 1919 году, этот мир оказался на деле лишь перемирием, которое не продлилось и двадцати лет. Германия, восстановившая свою экономику за счет многомиллиардных вливаний США и Англии в ее промышленность, жаждала реванша за поражение в Первой мировой войне и стремилась к мировому господству.

Эти настроения германских политиков, промышленников и военных чутко уловил Гитлер, который пришел к власти в стране на волне шовинизма и во всеуслышание заявил об отмене Версальских соглашений и своих претензиях на господствующую роль Германии в Европе и во всем мире. Для маскировки своих захватнических настроений Гитлер в книге «Моя борьба» заявил об устремлениях Германии на Восток, где она должна была завоевать себе жизненное пространство. Западные державы во главе с Великобританией с восторгом встретили эти заявления бесноватого фюрера, рассматривая их как счастливую возможность чужими руками разделаться с ненавистной для английской plutократии Россией и покончить с мировым коммунизмом, смертельным врагом которого они себя считали. В этом плане Гитлер становился их идеологическим

союзником. Если у британских империалистов и были разногласия с нацистской Германией, то только в вопросе о том, кто должен господствовать в мире и какими средствами этого можно достичь. Объединяла же их патологическая ненависть к Советскому Союзу.

Советская внешняя разведка органов государственной безопасности внимательно отслеживала планы империалистических государств в отношении нашей страны. В зависимости от складывавшейся международной обстановки изменялись и приоритеты в ее деятельности. Если после Гражданской войны в России «главным противником» СССР считалась белогвардейская вооруженная эмиграция и стоящие за ней Англия и Франция, то уже в начале 1930-х годов к ним добавилась милитаристская Япония, вторгшаяся в Китай и захватившая территорию Маньчжурии. Еще в конце 1920-х годов советская внешняя разведка сумела добыть «меморандум Танаки», в котором излагались захватнические планы Японии в Азии и ее устремления к установлению японского мирового господства.

Несмотря на то, что к началу 1930-х годов Советскому Союзу удалось выйти из международной изоляции (к концу 1936 года СССР поддерживал дипломатические отношения уже с 36 странами. — *Авт.*), Москва не исключала, что Гитлеру удастся создать широкую антисоветскую коалицию на базе Антикоминтерновского пакта и развязать новый крестовый поход против нашей страны. Тем более что по мере роста военного могущества гитлеровской Германии правящие круги Англии и Франции предпринимали лихорадочные усилия не к тому, чтобы предотвратить агрессию Гитлера, а к тому лишь, чтобы направить ее на Восток.

МОСКВА ПРИНИМАЕТ МЕРЫ

В начале 1930-х годов обстановка в Германии складывалась далеко не в пользу дальнейшего развития всесторонних отношений с Советским Союзом. Правящие круги Берлина во главе с канцлером Францем фон Паленом пришли к выводу о том, что Германия уже все получила от соглашения с Советским Союзом в Рапалло, поэтому будет лучше, если она присоединится к единому антисоветскому фронту Антанты, не исключая организации совместной с ней интервенции против нашей страны.

Положение значительно ухудшилось в связи с приходом к власти в Германии Гитлера в феврале 1933 года. Став канцлером страны, он немедленно разорвал соглашение о сотрудничестве рейхсвера с Красной

Армией и отозвал на родину всех немецких специалистов, участвовавших в реконструкции народного хозяйства Советского Союза. Взятый им курс на милитаризацию экономики и отмену ограничений, налагавшихся на Германию Версальской системой договоров, говорил о том, что Гитлер готовит агрессию в Европе, жертвой которой может стать наша страна. Агентурно-оперативная обстановка в Германии значительно осложнилась.

В декабре 1933 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об активизации внешнеполитической деятельности Советского государства в целях предотвращения войны на основе плана коллективной безопасности в Европе.

Задача эта была непростой. Большинство стран, с которыми СССР имел общие границы, проводило в отношении нашего государства откровенно враждебную политику. Некоторые из них, такие как Финляндия, Польша, Румыния и Япония, открыто выступали с территориальными претензиями к нашей стране. Лимитрофы Прибалтики, в которых установились откровенно фашистские режимы, в любой момент могли превратиться в плацдарм нацистской агрессии против СССР.

Особенно непримиримую антисоветскую позицию, граничившую с антирусским расизмом, занимала Польша. Курс руководства Польши во главе с лидером страны Ю. Пилсудским и министром иностранных дел Ю. Бекком на сотрудничество с нацистской Германией стал роковым для польского народа. Польское правительство подписало в январе 1934 года германо-польскую декларацию о неприменении силы. Одновременно оно уведомило Гитлера о своих планах восстановления Польши в границах 1772 года — Польши «от моря до моря». Польская дипломатия, полагая, что безопасность ее границ на западе обеспечена, методически отвергала все предложения Советского Союза о создании системы коллективной безопасности в Европе и заигрывала с Берлином.

Так, в августе 1939 года в Москве начались переговоры советской, английской и французской делегаций, явившиеся, как оказалось, последней возможностью воспрепятствовать планам германской военщины осуществить вторжение в Польшу и тем самым развязать Вторую мировую войну. Однако обсуждение вопроса о системе коллективной безопасности в Европе путем создания антигитлеровской коалиции в очередной раз провалилось. СССР, не имея общей границы с Германией, мог реально участвовать в такой коалиции при условии пропуска его армии через польскую территорию, что позволяло войти в прямое соприкосновение с германскими вооруженными силами. Это, собственно, и стало камнем преткновения на переговорах.

Польское руководство категорически воспротивилось этому, не осознавая всей полноты угрозы для собственного суверенитета. Варшава заняла позицию, исключающую возможность заключения военного соглашения между СССР, Англией и Францией при участии польской стороны.

ПОЗИЦИЯ ПОЛЬШИ

Как свидетельствуют рассекреченные СВР документы, такая позиция польского руководства не была спонтанным решением, она формировалась годами. Еще во время визитов «нациста № 2» Г. Геринга в Варшаву в 1935 и 1937 годах стороны достигли соглашения о том, что Польша поддержит требования Германии о снятии ограничений на вооружение и идею аншлюса Австрии. Германия в свою очередь выразила готовность вместе с Польшей противодействовать политике Советского Союза в Европе. В ходе беседы с маршалом Рыдз-Смиглы 16 февраля 1937 года Геринг заявил, что «канцлер Гитлер поручил ему самым категорическим образом подчеркнуть, что он теперь в большей, чем когда бы то ни было, степени является сторонником политики сближения с Польшей и будет ее продолжать». Геринг отметил: «Гитлер однозначно придерживается тезиса о том, что всякий контакт с коммунизмом, а тем самым и с СССР, исключается... Необходимо всегда помнить, что существует большая опасность, угрожающая с Востока, со стороны России, не только Польше, но и Германии. Эту опасность представляет не только большевизм, но Россия как таковая, независимо от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй. В этом отношении интересы Польши и Германии всецело совпадают».

Со своей стороны маршал Рыдз-Смиглы, ставший преемником маршала Пилсудского после смерти последнего, подчеркнул, что «в случае конфликта Польша не намерена становиться на сторону СССР» и что «по отношению к СССР она все более усиливает свою бдительность».

Следует отметить, что советская внешняя разведка накануне войны располагала в Варшаве хорошими агентурными возможностями, позволявшими получать совершенно секретную информацию из польского МИДа и документы, готовившиеся в МВД и Генштабе Польши. Содержание этих документов существенно дополняло информационную картину событий тех лет и раскрывало советскому руководству побудительные мотивы решений, принимавшихся польским руководством.

Так, 31 августа 1937 года 2-й отдел польского Генштаба инициировал директиву № 2304/2/37, посвященную работе польской разведки против СССР, в которой указывалось, что конечной целью польской политики является «уничтожение всякой России», а в качестве одного из действенных инструментов ее достижения называлось разжигание сепаратизма на Кавказе, Украине и в Средней Азии с использованием, в частности, возможностей польской военной разведки.

Казалось бы, в той угрожающей ситуации, в которую втягивалась Польша, приоритеты должны были бы быть иными. Тем не менее предусматривалось сосредоточить кадровые, оперативные и финансовые ресурсы для усиления работы с кавказской эмиграцией сепаратистского толка, имея в качестве сверхзадачи дестабилизацию всеми силами и средствами, в том числе и инструментами тайной войны, внутривойсковой обстановки в этой части Советского Союза, которая во время войны превратится в тыл Красной Армии. Рассекреченные и опубликованные в конце 2009 года СВР имеющиеся в ее распоряжении документы свидетельствуют о том, что в польском Генштабе даже было создано специальное подразделение по работе с национальными меньшинствами на территории СССР.

Обнародованные материалы наглядно свидетельствуют о том, что политика польского руководства и его надежды на германо-польский антисоветский альянс и привели к тому, что англо-франко-советские переговоры военных делегаций пришлось свернуть всего за неделю до начала Второй мировой войны, первой жертвой которой оказалась именно Польша.

Варшава давала понять Берлину, что при определенных условиях Польша может принять участие в войне Германии с СССР, если будут удовлетворены ее захватнические аппетиты, в том числе предоставлен выход к Черному морю. В то же время нацистское руководство Германии имело совершенно иные взгляды на этот вопрос, поэтому не случайно, что Польша стала в 1939 году первым объектом германской экспансии и утратила свою национальную независимость. После того как Западная Украина и Западная Белоруссия были в 1939 году освобождены от польской оккупации и в руки советских органов госбезопасности попали некоторые документы польской «двуйки» (внешней разведки. — *Авт.*), выяснилось, что Варшава вела активную шпионскую работу против СССР и имела разветвленную агентурную сеть в Москве, Киеве, Одессе, Минске и даже в Ташкенте.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Откровенно милитаристский курс Берлина, угрожавший самому существованию Советского Союза, потребовал коренной реорганизации советских спецслужб, в первую очередь внешней разведки органов государственной безопасности. В начале 1932 года начальник ИНО ОГПУ Артур Артузов внес в Коллегию ОПТУ предложение о перестройке разведывательной работы за рубежом в связи с реальной угрозой прихода к власти в Германии нацистов. Ввиду острой нехватки квалифицированных кадров Артузов поставил перед руководством ОПТУ вопрос об организации специальных курсов для подготовки и переподготовки разведчиков. Эти курсы, рассчитанные на 25 человек, комплектовались специально подобранными оперативными сотрудниками ОПТУ. При этом предпочтение отдавалось лицам, имевшим опыт оперативной работы за рубежом и владевшим иностранными языками. Создание курсов способствовало дальнейшему повышению уровня разведывательной работы за рубежом.

2 ноября 1932 года Артузов подписал распоряжение о реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось:

«Перестроение всей агентурно-оперативной деятельности провести на основе возможного переключения всей работы в случае каких-либо осложнений с “легальных” рельс (берлинская резидентура) исключительно на подполье.

Для этого:

- а) правильно распределить агентуру по нелегальным группам;
- б) организовать промежуточные пункты сдачи материалов по линии связи как с “легальной” резидентурой (Берлип), так и магистральной связи с Советским Союзом;
- в) подготовить подпольное руководство нелегальными группами, предусматривая создание нескольких нелегальных резидентур.

По мере осуществления этой работы проводится постепенное сокращение берлинской “легальной” резидентуры и объема ее работы. При этом центр тяжести переносится в подполье».

По указанию Артузова в 1930-е годы была проведена коренная реорганизация работы разведки в Германии, сочетавшая ведение разведки с «легальных» и нелегальных позиций. На базе нелегальных групп были организованы крупные нелегальные резидентуры, которым поручалось подготовить условия для ведения разведывательной работы в условиях

войны. Были созданы нелегальные резидентуры в Англии, Германии, Франции и других странах. При этом был запрещен переход сотрудников нелегальных резидентур в «легальные» и наоборот. В отличие от прежнего периода, когда резиденты самостоятельно решали вопрос вербовки агентов, отныне любая вербовка должна была получить предварительную санкцию Центра. Это повысило ответственность резидентур за источники информации и позволило избавиться от второстепенных и малоценных контактов.

Фактически же работа по реорганизации работы разведки в связи с угрозой нацизма в Германии началась с 1931 года при активном участии резидента Бориса Бермана в Берлине, начальника 3-го отделения ИНО Отто Штейнбрюка — в Центре, а также Михаила Кедрова, представителя Центра в Европе. Отто Штейнбрюк еще в марте 1931 года в записке на имя Артура Артузова предлагал «сосредоточиться на разработке и освещении деятельности антисоветских групп и партий внутри Германии, в руках которых могут оказаться правительственные учреждения». Ясно, что речь в ней шла прежде всего о нацистской партии.

В сентябре 1931 года Борис Берман писал в Центр:

«Необходимо создать в резидентуре или при ней группу вербовщиков из трех человек. Мы должны использовать это время для создания крупной квалифицированной агентуры, ибо события будут разворачиваться, и вслед за террором против Германской компартии может наступить время, когда соответствующие органы подойдут к более конкретной работе с нами. Но тогда уже поздно будет думать об организации работы».

4 февраля 1933 года, через несколько дней после прихода Гитлера к власти в Германии, Центр направил в Берлин директиву, в которой указывал:

«Исходя из того, что новый режим сделает все, чтобы выявить новые доказательства нашей работы как козыри против Союза при переговорах на Западе или с ним, необходимо форсировать перестройку работы резидентуры».

УГРОЗА РЕВАНША ВОЗРАСТАЕТ

В мае 1934 года, когда угроза гитлеровской агрессии стала реальностью и не исключалось создание блока западных стран на антисоветской основе, Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о координации деятельности военной и политической разведок. Принятым

решением начальник ИНО ОГПУ Артур Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника Разведывательного управления РККА. Одновременно была реорганизована политическая разведка органов госбезопасности.

Эта реорганизация внешней разведки позволила коренным образом улучшить ее работу, сконцентрировать усилия заграничных аппаратов разведки на решение первоочередных вопросов. Улучшилась информационная работа резидентур, от которых стала поступать информация по приоритетным вопросам. Центр интересовали в первую очередь вопросы политического курса соседних с СССР стран, их роль и место в реализации захватнических планов Гитлера в отношении нашей страны.

Следует подчеркнуть, что уже к середине 1930-х годов разведке НКВД удалось создать в Западной Европе и на Дальнем Востоке мощный агентурный аппарат, располагавший более чем 300 источниками информации. Особая роль в приобретении важных источников принадлежала нелегальной разведке. Агент-нелегал Арнольд Дейч привлек к сотрудничеству на идейной основе знаменитую «Кембриджскую пятерку» в составе Кима Филби, Энтони Бланта, Дональда Маклейна, Джона Кернкросса и Гая Берджеса. В 1939 году шанхайской резидентурой была установлена связь с ценным агентом Вальтером Стеннесом («Друг»), в прошлом командовавшим отрядом штурмовиков и входившим в руководящие эшелоны нацистов. Разведка имела прочные позиции в правящих кругах Франции, Италии, США и других стран. Из донесений разведки следовало: война начнется весной 1941 года. Однако Сталин до самого начала войны в этом не был уверен и требовал от подчиненных «не поддаваться на провокации».

Почему так происходило? Все донесения о том, что военное столкновение с Германией приближается, звучали для Сталина как косвенный намек на то, что это вызвано уничтожением им командных кадров, дезорганизацией экономики и спадом военного производства в 1938 году в результате репрессий и, следовательно, неготовностью страны к большой войне, что и подтвердила Финская кампания.

Особое внимание в 1930-е годы советское руководство уделяло политике Польши, Румынии и Финляндии в отношении СССР, поскольку территории этих стран могли стать плацдармом для агрессии Гитлера против нашего государства.

Представляла определенный интерес и информация о политике стран, стремившихся расширить свои территории за счет СССР. Не отставала от

Польши и Румынии в этом вопросе и соседняя Финляндия, которая жаждала урвать свой кусок территории от Советского Союза и создать «Великую Финляндию», включающую территории нынешней Карелии, Мурманской, Архангельской и Вологодской областей. Правда, ни Польше, ни Финляндии, а позднее и Турции, мечтавшей присоединить к своей территории советский Крым, Закавказье и Поволжье, реализация этих экспансионистских устремлений была в одиночку явно не по зубам, и поэтому все они стремились найти себе более сильного покровителя на Западе, чтобы вместе с ним напасть на Советский Союз.

После прихода к власти Гитлера в Германии положение в Европе коренным образом изменилось. Руководство СССР из донесений советской внешней разведки еще в 1932 году было в курсе планов веймарской Германии разорвать Раппальские соглашения с СССР и перейти на позиции конфронтации с нашей страной. Однако захват Гитлером власти в Германии и его откровенно агрессивные планы, направленные против СССР, радикальным образом меняли ситуацию в мире. Советской внешней разведке, имевшей свою агентуру в германских правительственных кругах, было ясно, что новой мировой войны не избежать. Оставалось только выяснить, куда Гитлер направит свой первый удар — на Запад или на Восток.

Творцы Версальских соглашений Англия и Франция прилагали лихорадочные усилия к тому, чтобы направить агрессию Гитлера на Восток и его руками расправиться с Советским Союзом. Ради достижения этой цели они, как показало дальнейшее развитие событий в Европе, были готовы пожертвовать даже своими союзниками Чехословакией и Польшей, отданных Лондоном и Парижем на растерзание Гитлеру в 1938 — 1939 годах. И это несмотря на то, что Польша и Чехословакия были связаны с Англией и Францией союзными договорами.

Разорвав ограничения, навязанные Германии Версальской системой договоров, Гитлер первым делом присоединил к Третьему рейху демилитаризованную Рейнскую область и Саарский бассейн и стал открыто вооружаться. В 1938 году в результате аншлюса он присоединил к рейху Австрию. Затем настала очередь Чехословакии, которая в 1939 году была превращена в германский протекторат Богемия и Моравия и в марионеточное Словацкое государство во главе со ставленником Гитлера Тиссо. Эти территориальные захваты сразу удвоили военный потенциал Германии.

«Мюнхенцы» заплатили громадную цену за свою предательскую политику «умиротворения» агрессора. В 1940 году Гитлер напал на

Францию, которая капитулировала спустя полтора месяца слабого сопротивления. Причиной столь бесславного поражения «прекрасной Франции» была политика правивших в тот период в этой стране «двухсот семей», которые считали, что Гитлер лучше, чем Народный фронт. В результате этого завоевательного похода Германия вновь удвоила военный потенциал, а Англия, ежедневно подвергавшаяся ударам с воздуха бомбардировочной авиацией люфтваффе, оказалась на краю гибели и утраты национальной независимости.

В условиях близящейся мировой войны меры по реорганизации советской внешней разведки были своевременными. Однако развязанная в 1937 году кампания по искоренению «врагов народа» обрушилась и на органы государственной безопасности. В 1938 году волна репрессий коснулась и внешней разведки, руководству которой было выражено политическое недоверие. Эта расправа над честными и преданными коммунистами, получившая в народе название «ежовщины», нанесла непоправимый урон всем уровням власти нашей страны, ее промышленности, армии и органам государственной безопасности. В результате необоснованных репрессий было уничтожено свыше 60 процентов опытных, квалифицированных разведчиков, которых в связи с приближавшейся войной заменить было просто нечем. Жертвами оговора и ложных обвинений стали в первую очередь руководители внешней разведки, включая ее наиболее одаренного организатора Артура Христиановича Артузова.

В «Очерках истории российской внешней разведки» по этому поводу указывается:

«Успешную в целом работу советской внешней разведки в предвоенные годы серьезно подорвали обрушившиеся на нее репрессии. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, связи с ценнейшими источниками информации оказались утраченными. Впоследствии потребовались значительные усилия, чтобы их восстановить. Однако некоторые источники были потеряны навсегда. Порой в “легальных” резидентурах оставалось всего 1 — 2 работника, как правило, молодых и неопытных. Аресты создали в коллективах обстановку растерянности, недоверия и подозрительности...

Потери состава были столь велики, что в 1938 году в течение 127 дней подряд из внешней разведки руководству страны вообще не поступало никакой информации. Бывало, что даже сообщения на имя Сталина некому было подписать, и они отправлялись за подписью рядовых сотрудников аппарата разведки».

Л в направленном руководству НКГБ отчете о работе внешней разведки с 1939 по 1941 год отмечалось:

«К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке.

Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном».

В середине 1939 года внешнюю разведку возглавил 32-летний выпускник ускоренных курсов Центральной школы НКВД Павел Михайлович Фитин. Способный, энергичный, горячо преданный делу человек, он быстро освоил азы разведывательного мастерства, показал себя талантливым организатором. На плечи нового начальника внешней разведки легло бремя залечивания нанесенных ей репрессиями ран, восстановления ее боеспособности.

Наша справка

Павел Михайлович Фитин родился 28 декабря 1907 года в селе Ожогово Ялуторовского уезда Тобольской губернии в крестьянской семье.

В период учебы в школе и после ее окончания занимался комсомольской работой. В 1927 году вступил в ВКП(б).

После окончания в 1932 году инженерного факультета Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева работал заведующим редакцией индустриальной литературы издательства «Сельхозгиз». В 1934—1935 годах служил в Красной Армии. После демобилизации работал заместителем главного редактора «Сельхозгиза».

В марте 1938 года был направлен по партийному набору на учебу в Центральную школу НКВД. После окончания специальных ускоренных курсов в ноябре того же года зачисляется стажером в центральный аппарат внешней разведки и вскоре становится заместителем ее руководителя.

С мая 1939 по июнь 1946 года руководит советской внешней разведкой. Комиссар госбезопасности 3-го ранга.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом

Красной Звезды, орденом Красного Знамени Тувы, многими медалями, орденами и медалями ряда иностранных государств, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В конце июня 1946 года по распоряжению Берии освобожден от занимаемой должности. Работал на руководящих постах в МТБ — МВД.

В ноябре 1953 года уволен из органов внутренних дел.
Скончался 24 декабря 1971 года.

Итак, Павлу Михайловичу Фитину предстояло руководить советской внешней разведкой весь период Великой Отечественной войны. Предпринятые им шаги по восстановлению разгромленных резидентур вскоре принесли свои плоды, однако полностью предусмотреть в полном объеме все необходимые мероприятия по подготовке разведки к работе в условиях уже начавшихся в Европе военных действий ему не удалось. Этим молодому генералу и его заместителям пришлось записаться непосредственно в годы обрушившегося на нашу страну военного лихолетья.

В том же цитированном выше отчете руководства внешней разведки указывалось:

«В середине 1940 года в центральном аппарате разведки работало 695 человек. К 1941 году благодаря самоотверженной работе сотрудников она сумела восстановить работоспособный агентурный аппарат в Германии, Италии, Англии, Франции, США, Китае. Наиболее крупные резидентуры были в США (18 человек), Финляндии (17 человек), Германии (13 человек). Всего к этому времени внешняя разведка имела 40 резидентур. В них работало 242 разведчика, у которых на связи находилось в общей сложности около 600 различных источников информации».

Активно используя эти источники, разведка регулярно получала накануне войны важную информацию о внешней и внутренней политике блока фашистских государств и ведущих западных держав.

Часть третья.

В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ

Я раздвину, как ветки,
Те года, что вдали...
Дело было в разведке —
Посередке земли!

Анатолий Пшеничный

В данном разделе книги пойдет речь о ратных подвигах сотрудников советской внешней разведки в годы Великой Отечественной войны, о тайных перипетиях борьбы — «зримой» и «незримой», которая развернулась в 40-х годах прошлого столетия между Германией и ее сателлитами — с одной стороны, стремившимися к установлению мирового господства «арийской расы», и антигитлеровской коалицией — с другой, решившей во что бы то ни стало отстоять свою свободу и независимость. В этой борьбе, полной драматизма, жертв и потрясений, особая роль принадлежала спецслужбам противоборствующих сторон, которые были призваны вскрывать истинные планы и устремления противника, его реальные замыслы и акции.

Сегодня, когда после Великой Победы над немецко-фашистскими захватчиками прошло уже почти семь десятилетий и мы знаем практически все о том, как начиналась и чем закончилась Великая Отечественная война, не мешало бы вспомнить, что было известно о предстоящей войне советской внешней разведке и, следовательно, высшему руководству нашей страны. Это тем более необходимо, что в нынешних средствах массовой информации можно порой встретить безапелляционные утверждения о том, что, дескать, Сталин из донесений разведки и сообщений дипломатов за границей знал все подробности плана «Барбаросса» и даже точную дату нападения Гитлера на Советский Союз, которую ему якобы сообщил военный разведчик-нелегал Рихард Зорге. Однако он доверился Гитлеру, которому удалось обвести советского руководителя вокруг пальца.

Вместе с тем анализ документов внешней разведки, рассекреченных ею еще в 1995 году, свидетельствует несколько об ином. События в

предвоенный период развивались следующим образом.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал Директиву № 21, получившую название плана «Барбаросса».

Наша справка

План «Барбаросса» — условное наименование комплекта документов, в которых нашли отражение методы и средства ведения агрессивной войны фашистской Германией против Советского Союза.

Название плана происходит от имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, который в XII веке возглавлял походы крестоносцев на Восток.

Разработка плана началась по распоряжению Гитлера 21 июля 1940 года и была окончена к 18 декабря этого же года. В разработке приняли активное участие В. Браухич, В. Кейтель и Ф. Паулюс.

Первое предварительное обсуждение плана «Барбаросса» состоялось 5 декабря 1940 года. По результатам этого совещания Гитлер 18 декабря 1940 года подписал директиву Верховного главнокомандования № 21, которая требовала закончить подготовку к нападению на Советский Союз к 15 мая 1941 года.

В последующем в дополнение к директиве № 21 была издана и «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск» Главного командования сухопутных войск от 31 января 1941 года, которая конкретизировала и уточняла задачи и способы действий вооруженных сил, изложенные в директиве № 21. Помимо этих директив план включал в себя директивы и распоряжения Верховного главнокомандования и главных командований видов вооруженных сил по материально-техническому обеспечению, подготовке театра военных действий, маскировке, дезинформации и другие документы.

Осуществление плана «Барбаросса» высшее руководство фашистской Германии предусматривало начать в мае 1941 года. Однако в связи с агрессивными военными действиями немецкой армии против Югославии и Греции этот срок был перенесен.

Главная цель плана — полный разгром и ликвидация СССР, выселение коренного населения за Урал, замена его немецкими колонистами.

Предполагалось нанести внезапные массированные удары в направлении Москвы, Ленинграда, Украины, Северного Кавказа, захватить жизненно важные центры СССР, выйти на линию Волга — Архангельск, за которой, по мнению немецкого командования, организованного сопротивления со стороны Красной Армии уже не будет.

Войну планировалось закончить до зимы 1941 года.

Для осуществления плана «Барбаросса» немецкое военное командование сконцентрировало на границе с Советским Союзом 181 дивизию, а также 18 бригад войск союзников — Румынии, Венгрии и Финляндии (превосходство по личному составу в 2 раза, но тяжелым и средним танкам — в 1,5 раза, но самолетам — в 3,2 раза).

Разведка НКВД, ослабленная предвоенными репрессиями, этот план получить не сумела. Он был отпечатан в шести экземплярах, три из которых были вручены командующим родами войск, а остальные три хранились в личном сейфе Гитлера. План «Барбаросса» не смогли получить ни британская, ни американская разведки, имевшие «своих людей» в окружении Гитлера. Лондон узнал из радиоперехвата о готовности Гитлера напасть на СССР только в Середине апреля 1941 года. Премьер-министр У. Черчилль направил телеграмму Сталину о концентрации трех немецких танковых армий в Польше, однако Сталин не придавал этой информации большого значения в связи с тем, что он не доверял Англии: 10 мая 1941 года в Лондон на самолете перелетел заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, который был интернирован британскими властями. Он пытался вести переговоры с англичанами о заключении сепаратного мира. Однако какой-либо официальной информации по данному факту англичане нам не сообщили.

Шифровка, составленная на основании сведений на этот счет, полученных от Кима Филби, поступила из лондонской резидентуры в Центр 14 мая. В ней указывалось, что Гесс, по словам источника, прибыл в Англию для заключения компромиссного мира и добивается создания англо-германского союза в борьбе против СССР.

Центр немедленно разослал телеграфные запросы в свои резидентуры в Вашингтоне, Берлине, Стокгольме и Риме. Вскоре от источника в госдепартаменте США, находившегося на связи у агента-групповода резидентуры НКВД в Вашингтоне «Звука», в Москву поступило следующее сообщение:

«Гесс прибыл в Англию с полного согласия Гитлера, чтобы начать переговоры о перемирии. Поскольку для Гитлера было невозможно предложить перемирие открыто без ущерба для немецкой морали, он

выбрал Гесса в качестве своего тайного эмиссара».

Источник берлинской резидентуры «Юн» сообщил:

«Заведующий американским отделом Министерства пропаганды Айзендорф заявил, что Гесс находится в отличном состоянии, вылетел в Англию с определенными заданиями и предложениями от германского правительства».

Другой источник («Франкфурт») докладывал из Берлина:

«Акция Гесса является не бегством, а предпринятой с ведома Гитлера миссией с предложением мира Англии».

В информации, полученной берлинской резидентурой от источника «Экстерна», говорилось:

«Гесс послан Гитлером для переговоров о мире, и в случае согласия Англии Германия сразу выступит против СССР».

Несмотря на то, что Гитлер отмежевался от Гесса и назвал его «сумасшедшим», английский министр иностранных дел Антони Идеи и лорд Бивербрук посетили нацистского эмиссара и провели зондаж его намерений. Хотя консервативный кабинет У. Черчилля не откликнулся на предложения Гитлера поделить территорию СССР между обеими странами, Сталин не исключал в будущем сговора между ними на антисоветской основе. Он обратил внимание на то, что англичане формально отвергли предложения Берлина, однако не поставили в известность Москву об их сути.

Кроме того, из донесений разведки Сталину было известно и о том, что Англия через свои спецслужбы натравливает Гитлера на Советский Союз, чтобы избежать прямого вооруженного вторжения Германии на Британские острова.

Хотя план «Барбаросса» советская разведка получить не смогла, тем не менее ей удалось вскрыть военные приготовления Германии к нападению на Советский Союз. В частности, была получена достаточно детальная информация по данному вопросу от немецкого антифашиста «Спаршины» (Харро Шульце-Бойзен, сотрудник разведотдела Имперского министерства авиации) и от агента советской разведки «Корсиканца» (Арвид Харнак, правительственный советник Имперского министерства хозяйства). Только с января 1941 года из разведки НКВД на имя Сталина поступило свыше ста сообщений на этот счет.

Так, 9 июня 1941 года разведка доложила Сталину следующую информацию, полученную от «Старшины» и «Корсиканца»:

«Со слов начальника русского отдела группы атташе при штабе авиации подполковника Геймана:

— На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет наивысшей точки, и вопрос о войне будет окончательно решен. Германия предъявит Советскому Союзу требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине, об увеличении поставок хлеба и нефти, а также об использовании советского военного флота, прежде всего подводных лодок, против Англии.

— Все подготовительные военные мероприятия, в том числе составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на балканских аэродромах германской авиации, действующей сейчас на Ближнем Востоке, должны быть закончены к середине июня. Гитлер дал распоряжение о полном прекращении военных операций в Сирии и Ираке.

Со слов майора авиации Гертца:

— Все начальники аэродромов в генерал-губернаторстве и в Восточной Пруссии получили задание подготовиться к принятию самолетов. Спешно оборудуется большой аэродром в Инстербурге.

— Сформировано будущее административное управление оккупированной территорией СССР во главе с Розенбергом».

Наша справка

Альфред Розенберг родился в 1893 году в Ровеле, учился в Риге и Москве, где в 1918 году окончил Высшее техническое училище по специальности инженер-строитель. Свободно владел русским языком. Являлся одним из основных идеологов национал-социализма. 17 июля 1941 года как теоретик фашистской «восточной политики» и знаток России был назначен главой Имперского министерства восточных территорий.

11 июня 1941 года из Берлина поступает новая информация, основанная на сообщении «Старшины»:

«В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены предварительно какие-либо требования Советскому Союзу — неизвестно, и поэтому следует считаться с возможностью неожиданного удара.

Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен прибыть в новое место расположения своей штаб-квартиры. Воздушные силы второй линии

к этому же сроку должны быть переведены из Франции в район Познани.

Переговоры о совместных действиях между германским, финским и румынским генштабами ведутся в ускоренном темпе.

В ежедневных разведывательных полетах над советской территорией принимают участие также и финские летчики».

И, наконец, 16 июня 1941 года из Берлина поступает телеграмма, основанная на сообщениях «Старшины» и «Корсиканца», в которой говорится о том, что война может разразиться со дня на день:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удара можно ожидать в любое время.

В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

Произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений будущих округов оккупированной территории СССР.

Для общего руководства хозяйственным управлением оккупированных территорий СССР назначен Шлотерер — начальник иностранного отдела Министерства хозяйства.

На состоявшемся в Министерстве хозяйства совещании хозяйственников, предназначенных для оккупированной территории СССР, выступил Розенберг, который заявил, что понятие «Советский Союз» должно быть стерто с географической карты».

Как показывает анализ этих сообщений, они носили исчерпывающий характер. В той ситуации берлинская резидентура сделала все, что было в ее возможностях. Она однозначно предупредила Москву о том, что нападение Германии произойдет в двадцатых числах июня. Информация поступила из таких важных источников, как штаб авиации Геринга и Министерство хозяйства, которым руководил Розенберг.

17 июня 1941 года начальник внешней разведки Павел Михайлович Фитин доложил Сталину о том, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного нападения на СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время». Непосредственно перед нападением разведка установила и его точную дату — 22 июня 1941 года.

На рассвете 22 июня Фитин, работавший и ночью, как требовала обстановка, вышел из своего рабочего кабинета на Лубянке. Он приехал домой и прилег, однако отдохнуть ему не удалось: зазвонил телефон. Было пять часов утра.

В трубке раздался голос дежурного по Наркомату госбезопасности:

— Товарищ генерал, вас срочно вызывает нарком.

Павлу Фитину была понятна причина столь срочного вызова к наркому: подтвердилась информация разведки. Сотрудников наркомата, прибывших по вызову наркома Меркулова, пригласили в его кабинет. Нарком выглядел подавленным. Он сообщил, что на всем протяжении западной границы — от Балтийского до Черного моря — идут бои. Надо продумать план действий органов госбезопасности, учитывая сложившуюся обстановку. Обратившись к Фитину, он сказал:

— А вам необходимо подготовить соответствующие указания закордонным резидентурам. Через полтора-два часа я вас вызову.

В резидентуры ушли телеграммы, подписанные начальником разведки, в которых уточнялись их задачи в связи с начавшейся войной. Главная задача — выявить реальные военно-политические планы нацистской Германии и ее союзников в отношении СССР. Однако в связи с быстрым продвижением германской армии в глубь территории СССР наладить работу внешней разведки за рубежом в соответствии с требованиями военного времени в полном объеме сразу не удалось.

Особенно в сложном положении оказалась резидентура внешней разведки в Берлине. В первый же день войны гестапо блокировало советское посольство в германской столице, запретив любые выходы персонала в город. Правда, заместителю резидента Александру Короткову удалось встретиться с «Корсиканцем» и «Старшиной» и передать им радиостанцию и инструкции на период военных действий. Тем не менее в первые же дни войны связь с антифашистским подпольем в Германии была нарушена. До войны предполагалось, что свои зашифрованные сообщения участники «Красной капеллы» будут передавать по радио в приемный пункт разведки, развернутый под Брестом. Однако в связи с оккупацией Бреста он был эвакуирован в глубокий тыл, и связь с подпольем в Германии была утрачена.

В связи с успешным продвижением вермахта на Восток ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года принимает специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Одновременно принимается решение об очередной реорганизации внешней разведки органов государственной безопасности. Ее основной задачей определяется развертывание активной разведывательной работы за рубежом. Одновременно создается Четвертое (разведывательно-диверсионное) управление НКВД, главной задачей которого ставится ведение разведывательной и диверсионной работы в тылу германских войск. Начальником Четвертого управления назначается заместитель Фитина генерал Судоплатов.

С началом гитлеровского нашествия перед внешней разведкой остро встал вопрос о том, вступит ли Япония в войну на стороне Германии. Эту проблему регулярно отслеживали резидентуры разведки в Японии, Китае и в других странах. Уже в первые месяцы войны ими были получены достоверные сведения, говорившие о том, что Япония займет выжидательную позицию и в ближайшее время нападать на СССР не собирается. Эта информация политической разведки, подкреплённая данными военной разведки и из других источников, позволила Сталину в период битвы за Москву снять с Дальнего Востока и перебросить на Западный фронт сибирские дивизии, которые решили исход этого сражения и отстояли советскую столицу. Однако вопрос о возможном вступлении Японии в войну против СССР не снимался с повестки дня разведки до 1943 года, когда битва за Сталинград закончилась поражением гитлеровской армии.

В суровые годы Великой Отечественной войны работа советской внешней разведки была всецело подчинена борьбе с фашистской Германией и ее союзниками. Разведка сумела в кратчайшие сроки перестроиться в соответствии с требованиями военного времени, сохранить ценную агентуру и наладить с ней надёжную связь.

Уже в конце июня 1941 года только что созданный Государственный Комитет Обороны СССР рассмотрел вопрос о внешней разведке и уточнил ее задачи. Они были подчинены одной цели — скорейшему разгрому врага.

Внешняя разведка в этот период строила свою работу по двум основным направлениям. Первое из них — активизация деятельности «легальных» и нелегальных резидентур с целью своевременного получения важной политической и военной информации, а также результативного проведения активных мероприятий.

Разведывательные аппараты внешней разведки органов госбезопасности в США, Англии, Турции, Швеции, Иране, Афганистане, Китае и ряде других стран (в общей сложности 96 «легальных» и нелегальных резидентур) были нацелены на сбор сведений по Германии, Италии, Японии и оккупированным ими странам. Главной задачей ставилось создание агентурных возможностей в правительственных учреждениях, промышленных и научных организациях, разведывательных и контрразведывательных службах этих государств.

Особое место принадлежит резидентурам внешней разведки в Англии и США в получении секретов атомного оружия. Первая информация о том, что в Великобритании ведутся работы по созданию «супероружия», поступила от агента лондонской резидентуры Дж. Кернкросса. Нарком

Берия поначалу отрицательно отнесся к этой информации, расценив ее как попытку правящих кругов Великобритании отвлечь силы и средства Советского Союза на второстепенные цели. Однако благодаря настойчивости Фитина в июле 1943 года ГКО СССР принял специальное постановление о начале работ над атомным оружием в нашей стране и определил задачи внешней разведки по данному вопросу.

Настойчивость начальника внешней разведки неожиданно нашла поддержку у Сталина. Руководителем советского атомного проекта назначается молодой ученый И. Курчатов, а куратором этой тематики — Л. Берия. Разведка органов госбезопасности успешно справилась с поставленными перед ней задачами. Недаром работа по «атомному проекту» относится к одному из самых важных достижений советской внешней разведки за всю историю ее существования.

В 1944—1945 годах оперработник нью-йоркской резидентуры Александр Феклисов, работавший с эмигрировавшим в Лондон, а затем командированным в США германским ученым Клаусом Фуксом, который трудился там над созданием атомной бомбы в составе группы английских ученых, получил от него все необходимые расчеты и чертежи. В послевоенный период от Фукса поступили материалы о работе в США над созданием водородного оружия. Сведения, полученные от Клауса Фукса, позволили СССР не только сэкономить значительные средства и выиграть время, но и опередить США в создании водородной бомбы.

Помимо атомной проблемы разведка в годы войны решала массу других важных задач.

В период Великой Отечественной войны в США действовали четыре «легальные» и две нелегальные резидентуры советской внешней разведки. Только в правительственных учреждениях страны они имели около 30 источников ценной документальной информации.

В Великобритании резидентура НКВД поддерживала надежную связь с членами «Кембриджской пятерки». В годы войны они работали в самых секретных ведомствах страны и являлись для советской разведки самыми продуктивными источниками документальной информации. За 1941—1945 годы от «пятерки» было получено более 18 тысяч секретных и совершенно секретных документов.

В годы войны в Китае действовало 12 резидентур. Их сотрудники на регулярной основе получали надежную информацию относительно агрессивных устремлений Японии, а также о деятельности в стране спецслужб США и Англии.

С началом Великой Отечественной войны Иран с его незамерзающим

Персидским заливом и пересекающей всю его территорию железнодорожной магистралью мог стать и стал стратегическим путем для осуществления поставок в нашу страну по ленд-лизу вооружений, боеприпасов, продовольствия, медикаментов и иных грузов, необходимых для ведения войны.

Хотя после начала Второй мировой войны правительство Ирана заявило о своем нейтралитете, на деле оно открыто следовало прогерманскому курсу. В августе 1941 года Москва и Лондон приняли решение о вводе в Иран своих войск. 17 сентября советские и английские части вошли в иранскую столицу.

В Тегеране действовала главная резидентура советской внешней разведки в этой стране, которую возглавлял Иван Иванович Агаянц. Ему подчинялись 8 периферийных резидентур и разведпункты в различных иранских городах. Активно участвовали в ведении разведки на территории Ирана подразделения НКВД Азербайджана и Узбекистана, создавшие в ряде городов свои нелегальные резидентуры.

Разведывательные данные о военных намерениях противника помогали планировать боевые операции советских войск. Государственному комитету обороны и командованию Красной Армии были доложены важные сообщения, в том числе сведения о предстоящем наступлении немцев на Кавказ, о планах прорыва через Ростов к Сталинграду, о готовившихся крупных операциях противника в районе Курской дуги, регулярно направлялась информация о военно-экономическом потенциале Германии и ее сателлитов, а также о планах США и Англии по открытию Второго фронта.

Советской внешней разведке в период подготовки и проведения в Тегеране конференции руководителей СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 года) удалось сорвать попытку организации покушения на «большую тройку».

После того как в Великой Отечественной войне произошел коренной перелом в пользу Советского Союза, важное место в работе внешней разведки за рубежом стали занимать вопросы, связанные со сроками открытия второго фронта и сепаратными переговорами, которые Англия и США пытались вести с нацистской Германией за спиной СССР. Еще ранее Сталин в письмах к Черчиллю ставил вопрос о втором фронте, однако Англия под разными предлогами уклонялась от выполнения своих обязательств. Внешняя разведка регулярно информировала Центр о всех нюансах политики кабинета Черчилля по этому вопросу. Из добытых ею документальных материалов следовало, что именно британский премьер

под разными предлогами уклоняется от выполнения принятых на себя обязательств, рассчитывая, что затяжная война между Германией и СССР истощит эти страны, а это будет выгодно Англии.

Известно, что вопрос об открытии второго фронта был окончательно решен на Тегеранской конференции, когда стало ясно, что Советский Союз сможет в одиночку разгромить гитлеровскую Германию. Стремясь не допустить подобного развития событий, США и Англия открыли второй фронт в Европе только 6 июля 1944 года. Причем первоначально Черчилль настаивал на высадке союзных войск на Балканах, чтобы не допустить освобождения Советской Армией оккупированных Гитлером европейских стран и усиления влияния СССР в Европе.

Внешняя разведка внимательно следила и за сепаратными переговорами наших союзников по антигитлеровской коалиции. В мае 1942 года резидентура внешней разведки в Стокгольме сообщила в Центр, что сотрудник германского посольства тайно вылетел в Лондон для ведения переговоров с британской стороной об условиях выхода Германии из войны. В сообщении отмечалось, что за спиной кругов, оппозиционных гитлеровскому режиму, стоят предвоенный канцлер Германии фон Паппен и рад высокопоставленник военных и политических деятелей страны. Начальник внешней разведки Фитин доложил Сталину эту информацию, а также данные лондонской резидентуры о том, что на сей раз Англия отклонила предложения немцев и интернировала гитлеровского дипломата. В дальнейшем резидентура разведки регулярно информировали Центр о попытках германской стороны установить контакты с англичанами в Анкаре, Берне и Ватикане. Сепаратные контакты англичан с немцами имели место в 1943 году в Мадриде и Лиссабоне.

В феврале 1943 года в Швейцарию прибыл видный представитель германской аристократии князь Гогенлоэ, который установил контакт с региональным руководителем Управления стратегических служб (разведки) США в Европе А. Даллесом. В 1944 году с американским разведчиком в Берне встречался отставной нацистский генерал фон Браухич. В ходе переговоров обсуждались вопросы отстранения Гитлера от власти и создания в Германии военного правительства, которое будет поддержано со стороны Англии и США. Подобные контакты имели место и в 1945 году.

В годы военного лихолетья Фитин регулярно докладывал советскому правительству информацию внешней разведкой о сепаратных переговорах между представителями Германии и нашими западными союзниками. 7 апреля 1945 года, когда советские войска приближались к Берлину, Сталин направил личное послание президенту США Рузвельту, в котором

подчеркнул недопустимость сепаратных переговоров с Германией накануне ее поражения. Он настоятельно потребовал участия советской стороны во всех ведущихся переговорах об условиях капитуляции Германии. По указанию Рузвельта Даллес прервал переговоры с немцами, и Германии не удалось внести раскол в антигитлеровскую коалицию.

Вторым основным направлением деятельности внешней разведки в период Великой Отечественной войны являлось формирование и заброска на оккупированную немцами советскую территорию разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Как мы уже отмечали, для руководства зафронтной работой органов госбезопасности 5 июля 1941 года при наркомате НКВД была создана Особая группа, которая в январе 1942 года была преобразована в 4-е Управление НКВД. Его начальник генерал-лейтенант Судоплатов одновременно являлся заместителем руководителя советской внешней разведки. Костяк управления составили кадровые сотрудники внешней разведки.

В годы Великой Отечественной войны в тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп. В их рядах сражалось более половины кадровых сотрудников внешней разведки. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию, которая имела большое значение для советского военного командования.

В составе отрядов специального назначения сражались представители всех союзных республик Советского Союза, а также воины-интернационалисты ряда западноевропейских стран.

Можно с уверенностью констатировать, что в годы Великой Отечественной войны внешняя разведка и ее сотрудники выполнили свой долг перед Родиной. Даже бывший директор ЦРУ США Аллен Даллес вынужден был признать, что «информация, которую добывали советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла такого рода материал, который является предметом мечтаний для разведки любой страны».

За образцовое выполнение специальных заданий командования в тылу противника высокого звания Героя Советского Союза были удостоены девять кадровых сотрудников внешней разведки: руководители нелегальных резидентур в Киеве — Иван Кудря, в Николаеве — Виктор Лягин и в Одессе — Владимир Молодцов; командиры разведывательно-диверсионных отрядов и групп Станислав Ваупшасов («Местные», окрестности Минска), Дмитрий Медведев («Победители», Ровенская и

Львовская области), Кирилл Орловский («Соколы», Белоруссия), Николай Прокогаок («Охотники», Украина, Польша, Словакия), Александр Рабцевич («Храбрецы», Белоруссия, Польша), а также Николай Кузнецов — разведчик-нелегал отряда «Победители».

Война советского народа против немецко-фашистских захватчиков длилась 1418 дней. Она принесла всем воевавшим странам колоссальные потери. Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть войны, потерял свыше 27 миллионов человек, две трети из которых были мирные жители, ставшие жертвами бомбардировок, обстрелов, нечеловеческих условий гитлеровских концлагерей, блокады и голода. Свой весомый вклад в достижение Великой Победы внесла и внешняя разведка органов государственной безопасности, в том числе ее ценные источники, многие из которых отдали свои жизни в борьбе против нацизма.

Вторая мировая война закончилась в августе 1945 года разгромом милитаристской Японии. Разгром вооруженной до зубов миллионной Квантунской армии, оккупировавшей Маньчжурию, способствовал победе народной революции в Китае. В эти годы внешняя разведка постоянно информировала Кремль о планах Запада по оказанию противодействия китайской революции, попытках Великобритании и Франции сохранить колониальные порядки в Китае и Юго-Восточной Азии, Индии, Пакистане, к востоку от Суэца. Информация советской разведки, докладываемая политическому руководству страны, положительно оценивалась Сталиным и оказывала влияние на принимаемые им решения в этой области.

Глава 1.

БЕСПРИМЕРНЫЙ РЕЙД

Начальный период Великой Отечественной войны был особенно трудным для советского народа. Гитлеровская Германия, покорившая всю Европу, использовала свой военный потенциал для того, чтобы уничтожить Советское государство. Красная Армия отступала, нанося урон врагу в кровопролитных сражениях.

27 июня 1941 года Политбюро ВКП(б) и СНК СССР принимают решение о создании специальной группы войск — отрядов особого назначения при Народном комиссариате государственной безопасности, предназначенных для выполнения особых заданий Верховного командования на фронте и в тылу врага.

Уже в конце 1941 года за линию фронта отправляются несколько разведывательно-диверсионных отрядов под командованием чекистов Д. Медведева, Л. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко, М. Филоненко, сформированных из бойцов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР — легендарного ОМСБОНа. Последнему из них — Михаилу Филоненко — предстояло со своими бойцами совершить полуторамесячный рейд по тылам противника в Подмосковье в самый сложный период обороны Москвы. Круг интересов разведывательно-диверсионного отряда «Москва», которым командовал Филоненко, был очерчен на штабных картах населенными пунктами: Апрелевка, Рогачево, Ахматово, Дорохово, Петрищево, Бородино, Верея, Крюково. В ходе рейда, который продолжался сорок четыре дня, командир отряда вел оперативный дневник, фиксируя в нем ежедневную боевую работу своих подчиненных. К счастью, этот дневник сохранился в архивах внешней разведки. Думается, что читателям будет интересно узнать некоторые подробности этого беспримерного рейда.

Из военного дневника кадрового сотрудника внешней разведки, старшего лейтенанта госбезопасности Михаила Ивановича Филоненко, командира разведывательно-диверсионного отряда «Москва»:

«День первый — 3 декабря 1941 года. Среда. Температура минус 25 — 30 градусов. Метель, ветер северный.

Утром построил отряд: пятьдесят воинов-чекистов. Больше половины из них фашистов еще в глаза не видели. Напомнили с комиссаром Анатолием Ермолаевым, что рейд тяжелый и опасный, есть возможность отказаться. Никто не вышел из строя.

— Если кто стесняется товарищей, — сказал я, — то после индивидуальных бесед будет полное построение. Неуверенные в себе в строй могут не становиться.

Через час построились все пятьдесят. Я еще пробовал отговаривать восемнадцатилетнюю медсестру Тамару Малыгину, которая пришла добровольцем в отряд. Впрочем, здесь все добровольцы. Тамара отличная спортсменка-лыжница, прекрасно владеет автоматом, пистолетом. Но не женское ведь дело в снежной лесной чащобе устраивать ночлег, быть в холоде и голоде. Тамара сказала твердо:

— Я выносливая. За меня вам краснеть не придется. Подали три автомашины, и мы выехали в Останкино. Здесь получили и подогнали на всех лыжи. В двенадцать часов выехали в Апрелевку, оттуда в Рогачево.

Поздно вечером отряд миновал боевые порядки танковой дивизии полковника Ротмистрова, перешел линию фронта и растворился в снежных лесах.

Шли всю ночь. Утром начался сильный снегопад, наши следы замело пургой.

День второй— 4 декабря. Минус 25. Пасмурно, сплошная облачность, метель.

Утром, когда гасили костры, прибежал Федор Сафонов с двумя своими разведчиками:

— Идет немецкий обоз в десять подвод. Фрицы закутаны с ног до головы. По-моему, сопротивления особого не окажут.

Я принял решение: дать внезапный скоротечный бой. Старшине Сафонову с группой захвата приказал взять одного-двух офицеров в плен, остальных уничтожить.

Гитлеровцы даже не успели поднять оружие, как двенадцать из них полегли на месте, двух офицеров взяли в плен. Отряд на трофейных подводах углубился в лес.

Убито 14 фашистов, из них 4 офицера и 3 унтер-офицера. Захвачено 18 автоматов, 3 винтовки, 4 пистолета, 5000 патронов, 16 карманных часов, 10 000 рублей, пять ящиков боеприпасов, десять ящиков гранат, много продовольствия. Наших потерь нет. Раненых и обмороженных тоже нет.

Ночевали в лесу. Разгребли метровый снег до земли, наломали хвойных веток, настелили на землю, накрыли плащ-палаткой. Ложились по

пять — десять человек, прижимались друг к другу, накрывались второй плащ-палаткой, затем снова ветками и снегом. Минут через тридцать в таком снежном “шалаше” становилось тепло. Но через каждый час дежурные будили людей и переворачивали на другой бок, чтобы не замерзли. Часовые менялись через час, на каждом посту — двое. Подхода к месту ночлега заминировали.

День третий— 5 декабря. Минус 22, ночью — 28 — 30 градусов мороза. Пасмурно, метель, ветер умеренный.

С комиссаром и комсоргом отряда поздравили всех с днем советской Конституции, пожелали удачного рейда и быстрейшего изгнания фашистов с нашей земли.

У населенного пункта Ахматово Сафонов вместе с Михаилом Задковым и Иваном Грачевым вышли в поиск. На окраине села без шума захватили повозку с унтер-офицером. Пленный дал хорошие сведения: их рота находится на отдыхе, половина личного состава обмороженные и больные. Указал, в каких домах они разместились.

К Ахматово отряд вышел внезапно, с трех сторон. Сняли часовых, перерезали провода связи, забросали гранатами дома, где располагались фашисты. Весь гарнизон был уничтожен. Водрузили красный флаг над школой, разбросали листовки: «Возмездие фашистов всюду достигнет, и под Москвой им осталось быть считанные дни. Смерть немецким оккупантам!» Собрали документы, оружие у врага и ушли так же быстро, как и появились.

Убито фашистов — 68. Из них 10 офицеров. Захватили 70 автоматов и пистолетов, несколько тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Наших потерь нет.

День четвертый— 6 декабря. Минус 23 днем, ночью — минус 28 градусов. Пасмурно, тихо, снегопад.

Нас разбудила мощная канонада. Били по обороне фашистов тяжелые орудия, минометы, а затем поднялись десятки краснозвездных самолетов и стали бомбить врага.

Началось, видимо, наше контрнаступление. Гитлеровцы бегут в панике, в одних рубахах, некоторые падают в снег и замерзают, и уже никто не узнает, как поется в песне, “где могилка моя...”

Весь день мы вели наблюдение за отступающими войсками и перегруппировкой живой силы и техники. По железной дороге под охраной бронепоездов шли эшелоны — подвозили свежие силы, чтобы закрепить образующуюся брешь в обороне.

В 22 часа 30 минут заминировали мост и железную дорогу. В 23 часа

мост под вражеским эшелонем с солдатами и техникой взорвался. Вместе с мостом погибло около сотни фашистов, в реку слетели 10 танков и 21 орудие, три цистерны с бензином. Часовых у моста снимал Федя Сафонов с группой захвата. Минировали мост и подступы к нему пиротехники Феди Кувшинова. Храбрые ребята!

Почти всю ночь уходили на лыжах вглубь леса. И только утром, в тридцати километрах от места диверсии, сделали большой привал.

День пятый— 7 декабря. Минус 18, ночью — минус 22 градуса. Тихо, слабый снегопад.

На соснах, елках образовались огромные белые шапки снега, многие деревья напоминают сказочных витязей. Сегодня дал отдых всему отряду. Нашли спрятанные в лесу запасы продовольствия из обоза фашистов, разогрели на костре тушенку. По плану мы должны разведать город Верею, но возможности парализовать движение войск через реку Протва — взорвать мост и дать знать местному населению, что советская власть — штука прочная: она в состоянии разгромить фашистские полчища.

День шестой— 8 декабря. Минус 15 — 18 градусов, снегопад, метель во второй половине дня, ветер сильный.

Три разведчика обморозили себе кончики носов. Это первое обморожение. На привале под присмотром Тамары Малыгиной оттирала “троица” щеки и носы снегом. Тамара смазала их мазью, еще раз подробно проинструктировала всех, как уберечься от обморожения.

У Вереи полно фашистов. Движение непонятное: одни колонны идут в город, другие из него. Вызываю старшину Сафонова, даю задание группе захвата: достать “языка”, желательно офицера. Прошло не более двух часов, как Федя привел двух связанных гитлеровских офицеров. Один с рыцарским крестом — оберст, то есть полковник.

Пленные сказали, что в Верес находятся остатки разбитой пехотной дивизии, которая за три дня боев потеряла более восьмидесяти процентов своего состава и всю технику: вместо разбитой дивизии прибывают свежие части, пытаются сдержать наступление русских.

— Ваша проклятая зима нарушила все планы! Но придет' весна, и мы свободно займем Москву, дойдем до Урала, — с гонором заявил полковник.

Я приказал Сафонову расстрелять гитлеровцев. Всему отряду объявил тревогу. Надо срочно заметать следы: этих “видных” фашистов немедленно начнут искать.

Более трех часов были в пути. Идти по лесу очень тяжело: снег по пояс, лыжи то и дело слетают с ног, рвутся крепления — они полужесткие. Приходится использовать бинты, ремни, тесемки. Расположились на

ночлег. Заминировали подходы, развели костер.

Разработали план, как вывести из строя железнодорожную ветку. Надо срочно помогать своим частям бить фашистов в хвост и в гриву. Бить беспощадно, жестоко, с ненавистью, так, чтобы запомнили на всю жизнь и наказали своим детям...

День седьмой— 9 декабря. Минус 24, ночью — минус 27, метель, ветер северный.

Группа разведчиков ушла к населенному пункту Афанасьево. В селе был слышен лай собак, крики. Сафонов со своими людьми незаметно подошел к крайнему дому, вызвал хозяина. Фашисты прибыли неделю назад: злые, избитые, обмороженные. День и ночь пьянствуют, гуляют, насилюют женщин, убивают мужчин, вешают захваченных партизан.

— Сколько немцев в селе? — спросил Сафонов.

— Да примерно взвода три. Ждут танки и подкрепление, — ответил крестьянин Михаил Савельев. — А офицеры вон в том доме, что со ставнями, где свет горит. На ночь они ставни закрывают — боятся партизан — и еще двух часовых у дома ставят. Очень трусят! Им сообщили, что в одном гарнизоне партизаны уничтожили всех.

Из калитки соседнего дома вышли два пьяных и перевязанных гитлеровца, направились к избе Савельева. Разведчики в сенях разоружили и скрутили их. Оказалось: унтер-офицер и ефрейтор. Через час “языки” были доставлены в отряд. Они подтвердили все, что сказал Савельев.

Медлить не стали. Отряд был разбит на пять групп: три по десять человек делают налет на село сразу с трех сторон. Первую группу возглавляет старший лейтенант Казанков, вторую — комиссар отряда Ермолаев, третью — старшина Кувшинов. Группой прикрытия командует сержант Задков, которому сказано, чтобы следил за ходом боя и прикрыл отряд, когда он будет отходить в сторону Шустикова. Разведчики, само собой, идут впереди всех, и я с ними.

Операцию решено начать в 23.40, закончить в 0.25. Пароль — “Москва”, отзыв — “Штык”. Числовой пропуск — 17. Всем быть в маскхалатах — это основное различие “свой — чужой”.

Бесшумно подошли к селу. Разведчики первым делом взорвали дом, где находились офицеры, предварительно сняв часовых. Взрыв был сигналом к атаке.

В селе поднялось нечто невообразимое. Жители быстро сообразили, что к чему: выскакивали из домов с вилами, топорами и добивали фашистов. Гарнизон был полностью уничтожен. Сельчане просились к нам в отряд. Но взять мы их не могли, а посоветовали, как организовать

партизанский отряд.

Убито фашистов — 52, из них 5 офицеров. Более сотни единиц оружия роздано населению. Потерь нет. Обмороженных — двое.

День восьмой— 10 декабря. Минус 27 — 30, ночью до минус 45 градусов, ветер слабый, лес заиндевелый.

Ночь шли в Шустиково. Очень морозно. Выставили охрану, решили отдохнуть и согреться в пустой сторожке. После обеда и отдыха совершили переход в Борисово. Шли медленно. Впереди и по бокам — охранение. Встретили крестьян, прятавшихся от фашистов. Сказали, что в Борисове зверствуют гитлеровцы и полиция.

День девятый— 11 декабря. Минус 26 — 29 градусов, снегопад, тихо.

Весь день двигались в направлении Дорохово — Можайск. Всюду немцы. Их столько, что забиты все дороги. Сотни, тысячи убитых, замерзших.

День десятый— 12 декабря. Минус 28 градусов.

На дороге встретили три повозки фашистов, они везли продовольствие и боеприпасы. Уничтожили трех фашистов и одного полицая. Боеприпасы взорвали, продовольствие спрятали в лесу.

День одиннадцатый — 13 декабря. Минус 23 — 25 градусов, малый снегопад.

Совершили переход в Бородино. Встретили легковую машину в сопровождении автоматчиков. Две удачно брошенные противотанковые гранаты — и стрелять было не в кого. Забрали документы и оружие. В машине, где был фашистский полковник, кроме документов, взяли портфель с золотыми и серебряными изделиями, награбленными в нашей стране.

Быстро изменили маршрут и направились в Храброво.

День двенадцатый— 14 декабря. Минус 18 — 20 градусов, сильный снегопад.

Совершили переход в Губино. Встретили колонну фашистских танков. Они стояли на заправке. В бой не вступали, удалились в направлении Юрлова.

День тринадцатый— 15 декабря. Минус 17 градусов, метель, ветер.

Прибыли в Выселово. Немцы привезли в село много раненых и обмороженных. Бить их не стали, они и так из строя выведены. Вышли в Афанасьева. Разрушили линию связи противника — более трех километров. Сделали засаду, стали ждать немецких связистов. Те прибыли с охраной: шесть автоматчиков. Уничтожили 8 фашистов. Забрали документы и оружие. Направились к Верее.

День четырнадцатый— 16 декабря. Минус 15 градусов, ветер сильный.

В километре от Вереи три полицаи и четвертый в стороне от них преследовали неизвестного человека без верхней одежды. Они в него стреляли, а он все бежал в лес. Трех полицаев и четвертого, который оказался старостой, схватили. Выяснили, что преследовали они приговоренного к смерти партизана.

Фашистских прихвостней тут же, на месте, уничтожили, а партизану выдали немецкую одежду и отправили в лес. Он очень просился к нам в отряд, но неизвестных людей брать категорически запрещено.

День пятнадцатый— 17 декабря. Минус 25 — 30, снегопад, ветер умеренный, метель.

Вышли в Симбухово. Изрубили 300 метров кабельной связи врага.

День шестнадцатый— 18 декабря. Минус 24 — 27 градусов, ветер слабый, метель.

Прибыли в Назарьево. Ночью взорвали склад с боеприпасами и сожгли бензохранилище.

Всю ночь шли в Таширово.

День семнадцатый— 19 декабря. Минус 26 — 29 градусов, ветер северо-восточный, метель.

Колесим по лесу. Метель, даже маленькая, нас здорово выручает.

Встретили немецкий обоз в 50 подвод. Его сопровождали три танка и три бронетранспортера. В бой не вступили — не было возможности.

День восемнадцатый — 20 декабря. Минус 30 — 33 градуса, ветер умеренный, метель.

Мерзли сильно. В районе Дорохово — Шалыкино пытались совершить железнодорожную диверсию. Не получилось: убили трех гитлеровцев, но подоспело подкрепление. Ушли в лес, заминировали за собой дорогу, ждали преследования. Фашисты очень скоро пытались догнать пас, но подорвались на минах и прекратили преследование.

По пути в Петрищево Федя Сафонов со своей группой захвата добыл “языка”, офицера штаба пехотной дивизии. От него узнали, что паши войска освободили Волоколамск и что разбиты полностью самые отборные гитлеровские армии под Москвой. Он все время повторял: “Гитлер капут! Гитлер капут!”

В Петрищево узнали о казни 29 ноября 1941 года партизанки “Тани”. Дали клятву мстить беспощадно за нашу юную разведчицу, за кровь многих тысяч ни в чем не повинных советских людей. Каждый рвался в бой.

День девятнадцатый— 21 декабря. Минус 27 — 30 градусов, снегопад, метель.

Утром все продрогли до костей, но на душе было радостно: сегодня день рождения товарища Сталина. Миша Задков говорит:

— Надо бы за здоровье Верховного и выпить...

Пришлось разрешить по двести граммов шнапса для обогрева и в знак уважения своего вождя. В бой не вступали.

День двадцатый— 22 декабря. Минус 25 — 27 градусов.

При переходе Колодкино — Петрищево в лесу встретили фашистский обоз. Атаковали внезапно. Убили 7 фашистов, двух взяли в плен. Заполучили десять подвод с продовольствием, боеприпасами, теплой одеждой и обувью.

День двадцать первый — 23 декабря. Минус 18 — 21 градус, метель, ветер.

Совершили переход в Борисово. Произвели рекогносцировку местности. В бой не вступали.

День двадцать второй — 24 декабря. Минус 20 — 23, ночью — до 25 градусов мороза.

При переходе к Верее встретили колонну автомашине бочками бензина, они шли для заправки танков и бронетранспортеров. Все восемь автозаправщиков сожгли, сгорели и фашисты. Потерь нет. Отличились в бою Сафонов Федор, Задков Михаил, Грачев Иван, Правдин Виктор, Сосулькин Александр, Маркин Павел, Дубенский Богдан, Бахметьев Лев и другие. Красивый фейерверк устроили в лесу!

День двадцать третий— 25 декабря. Минус 21 — 24 градуса, ветер слабый.

Вели рекогносцировку местности в районе Афанасьеве. Откопали спрятанное продовольствие, отбитое у фашистов две недели назад. В бой не вступали.

День двадцать четвертый— 26 декабря. Минус 20 — 23 градуса, снегопад, ветер слабый, метель.

Вели разведку. В бой не вступали.

День двадцать пятый— 27 декабря. Минус 21 — 24 градуса.

Совершили переход в Шустиково. На дороге убили трех фашистов.

День двадцать шестой— 28 декабря. Минус 22 — 24 градуса, метель.

Вели разведку. В бой не вступали.

День двадцать седьмой — 29 декабря. Минус 21 — 23 градуса, ветер сильный.

Сожгли два бронетранспортера в лесу. При них одиннадцать фашистов — оказали сопротивление. Были уничтожены. Своих потерь нет.

День двадцать восьмой— 30 декабря. Минус 20—24 градуса, слабый снегопад, ветер слабый.

Немцы решили под Новый год помыться и попариться в бане. И мы решили поддать им жару. Баню взорвали, а выскочивших голых немцев перестреляли.

День двадцать девятый— 31 декабря. Минус 15—17 градусов, сильный снегопад, тихо.

Мы с комиссаром собрали весь личный состав и после завтрака подвели итоги за весь “наш” 1941-й год. Что мы, как добровольцы, коммунисты и комсомольцы, смогли сделать, как приблизить день Победы над врагом? Все подсчитали. И мы внесли вклад в разгром фашистских оккупантов. Но впереди еще тяжелые и опасные километры.

День тридцатый— 1 января 1942 года. Минус 23 — 25 градусов, во второй половине дня — сильный снегопад.

Вот уже месяц, как мы совершаем рейд по тылам фашистов. Утром мы вместе с комиссаром Анатолием Ермолаевым поздравили весь личный состав с Новым годом, с новым счастьем. Пожелали еще крепче бить фашистов, быть здоровыми и вернуться на Большую землю с победой!

Потерь в отряде по-прежнему нет. Хотя у половины изломались лыжи, маневренность отряда стала ниже. Несколько человек обморозили пальцы ног, рук... Принимаем меры защиты от мороза. По-прежнему в населенные пункты на ночлег не заходим — все ночи проводим в снежной “постели”.

День тридцать первый— 2 января. Минус 21 — 24, ночью — до 28 градусов мороза.

Целый день находились в районе Колодкино и Крюково. Вели наблюдение за войсками противника, за их передвижением. Вечером взяли одного “языка”. Он сообщил, что прибыло подкрепление в зимней одежде и что командование отдало приказ перейти к обороне. Двинулись в Таширово.

День тридцать второй— 3 января. Минус 22 градуса, снегопад, ветер западный, слабый.

В Таширово много фашистов. Приближаться опасно. Послал разведку. Через час старшина Сафонов доложил, что немцы выставили КПП и проверяют всех, кто входит в село и выходит из него.

Взяли курс снова в Крюково. Двое разведчиков обморозили пальцы ног, пришлось оттирать снегом и бинтовать. Люди очень устали. Перегрузки страшные. Холод.

День тридцать третий— 4 января. Минус 18 — 20 градусов, ветер сильный.

У Крюково мы в декабре спрятали продовольствие после разгрома вражеского обоза, убили несколько лошадей и засыпали снегом — это был наш НЗ. Продукты, которые несли с собой, на исходе. Отыскали НЗ и устроили пир горой: конина, тушенка, пшик, даже сохранился шнапс для обогрева.

День тридцать четвертый— 5 января. Минус 16—23 градуса, сильная метель.

Прибыли снова к Верес, разведали подходы, захватили двух пьяных фашистов. Они показали, что в Верею прибыл полк СС для борьбы с партизанами: командующий группой «Центр» фельдмаршал фон Бок вызвал еще карательный батальон белофиннов из-под Ленинграда для более эффективной борьбы с партизанами.

День тридцать пятый— 6 января. Минус 20—23 градуса, слабый снегопад.

Встретили на дороге по пути в Афанасьево две немецкие повозки с грузом. Фашисты оказали сопротивление. Пятерых солдат и офицера уничтожили. Пошли к Вышгороду.

День тридцать шестой— 7 января. Минус 23—25 градусов, метель.

Боевых действий не предпринимали. Нашли запасы одежды, боеприпасы, взрывчатые вещества — то, что требовало пополнения.

День тридцать седьмой— 8 января. Минус 25—27 градусов, метель.

Разрушили телефонную линию связи противника, уничтожили две повозки. В завязавшейся перестрелке убито пять солдат и два офицера. Наших потерь нет.

День тридцать восьмой — 9 января. Минус 26—29 градусов, снегопад.

Из засады застрелили шестерых немецких солдат и офицера, патрулировавших на дороге.

День тридцать девятый— 10 января. Минус 22 — 25 градусов, метель.

Вели разведку. Пополнили боеприпасы и продовольствие. Подошли к Борисово.

День сороковой— 11 января. Минус 22 — 24 градуса, метель, ветер сильный.

Атаковали вражеский обоз в 100 подвод. Огнем из автоматов и винтовок убили 45 фашистов. Подожгли два фургона с боеприпасами. Наших потерь нет.

Впервые за весь рейд некоторым фашистам удалось бежать. Надо ожидать преследования.

День сорок первый— 12 января. Минус 21 — 24 градуса, снег, метель.

Вырезали два пролета кабельной связи, в другом месте разрушили линию связи на протяжении 600 метров. Убили трех немецких солдат и офицера. Заминировали несколько участков дороги.

Работать приходится все труднее. После диверсии ушли в лес. Подступы к лагерю заминировали, начали ужинать. В это время раздался взрыв — взорвались наши мины.

Сафонов с ребятами обнаружили два трупа гитлеровцев, остальные бежали.

Итак, за нами идут по следу. Но пока фашисты боятся входить глубже в лес.

Вечером направились в Лхматово. Переход трудный. У восьмидесяти процентов состава лыжи изломаны. Завтра возвращаемся на Большую землю. Потерь пока нет.

День сорок второй— 13 января. Минус 23 — 25 градусов, метель.

Встали рано — готовились к переходу через линию фронта. Я построил отряд, коротко поставил задачу — вырваться из тыла противника. В это время прибежал наблюдатель: немцы идут по лесу на лыжах.

Даю команду: “К бою!” Решили мы их подпустить на 50 — 60 метров и ударить прицельным залповым огнем. Разглядели карателей: отряд белофиннов и несколько немцев. Более десятка их подорвались сразу на минах, расставленных накануне. Залповым огнем уложили еще более трех десятков. Остальные бежали.

Наскоро собрав документы и оружие, мы поспешно стали отходить.

Не прошли и двух километров, как снова стали нас наступать карательные отряды фашистов. Опять бой. Уничтожили несколько десятков врагов. Но было ясно: надо оставлять прикрытие и отходить — иначе весь отряд погибнет, и пропадут все добытые нами сведения.

Комиссар отряда Анатолий Ермолаев, старшина Федор Сафонов, Федор Кувшинов, старший лейтенант Андрей Казанков добровольно решили прикрыть отряд. Мы распрощались у деревни Ахматово. Я передал им вес патроны для пулеметов, автоматов, гранаты. Себе оставил лишь две гранаты и по одному магазину с патронами к автомату и пистолету.

Каждый понимал: прикрывать пас — значит пойти на верную смерть. Силы карателей превышали наши в десятки раз. Натренированные белофинны на лыжах чувствовали себя в лесу, как дома. Наши же разведчики измучены и без лыж. Даже малого отдыха не могла нам дать

обстановка, после которого мы снова могли бы успешно бить врага.

Мы отходили, а позади были слышны короткие очереди пулеметов, автоматная трескотня, взрывы гранат. Меня ранило в плечо, от потери крови мутилось сознание, но надо было собрать последние силы, сделать рывок и выводить отряд. Каратели бросились на горстку наших оставшихся товарищей.

День сорок третий— 14 января. Минус 21 — 23 градуса, снегопад, метель, ветер сильный.

Шли весь день и почти всю ночь. Измотались сильно. Питание кончилось, боеприпасы — по одной гранате, но 10 — 12 патронов. Я угодил в большую яму в лесу, она была засыпана снегом. Сам бы я не выбрался — сил не было. Хорошо, Миша Задков заметил. Он отстегнул ремень автомата, кинул один конец мне, и они вместе с Ваней Грачевым вытащили меня. Лежать бы мне в снежной могиле в прямом смысле слова.

Ночью в лесу заметили костры. Посмотрели по карте: эта территория занята гитлеровцами. Послали группу из трех человек разведать, что за люди. Оказалось, наши части заняли уже здесь оборону.

День сорок четвертый— 15 января 1942 года. Минус 20 — 23 градуса.

В три часа ночи нам разрешили подойти к кострам наших войск, а затем направили в штаб дивизии, армии и фронта.

Многие старшие военачальники в штабе фронта не поверили, что возможен был такой рейд. Но у нас были вещественные доказательства: принесли полный вещмешок жетонов, снятых с убитых фашистов, мешок офицерских и солдатских документов, мешок советских и немецких денег, около 300 металлических и золотых наручных, карманных и других часов, вещмешок золотых и серебряных изделий, отобранных у гитлеровских захватчиков. Вот только после этого нам поверили.

Наши потери: погибли четверо отважных разведчиков и четверо были ранены в последнем бою. Смертью храбрых погибли: комиссар отряда Анатолий Ермолаев, начальник разведки отряда коммунист Андрей Казанков, заместитель командира отряда по военной разведке комсомолец старшина Федор Сафонов, командир взвода пиротехников коммунист старшина Федор Кувшинов».

Необходимо сказать, что все перечисленные в отчете Михаила Филоненко погибшие впоследствии были похоронены со всеми воинскими почестями в Москве, рядом с могилами Героев Советского Союза В.В. Талалихина и Л.В. Доватора.

Рейд отряда «Москва» оказался наиболее результативным по сравнению с рейдами других разведывательно-диверсионных отрядов и групп, совершенными зимой 1941 — 1942 года. Командир отряда старший лейтенант госбезопасности Михаил Филоненко получил из рук генерала армии Г.К. Жукова орден Красного Знамени.

Вскоре Филоненко назначили комиссаром в партизанский отряд, который сражался в глубоком тылу врага. Воевал Михаил и на Украине. В оккупированном нацистами Киеве руководил разведывательно-диверсионной группой спецрезидентуры «Олимп» 4-го управления НКВД. Благодаря добытым Михаилом сведениям об обстановке на правом берегу Днепра командованию Красной Армии удалось подыскать оптимальные участки для форсирования реки нашими частями в ноябре 1943 года. Михаила хорошо знали в партизанских отрядах Ковпака, Федорова и Медведева. При выполнении диверсионной операции в Польше Филоненко был тяжело ранен. Врачам удалось спасти жизнь отважного разведчика, однако он стал инвалидом второй группы. Из военного госпиталя разведчик вышел с тросточкой, с которой уже не расставался всю жизнь.

После войны Михаил Иванович Филоненко вместе с супругой Анной Федоровной длительное время находился на нелегальной работе в Латинской Америке. Главной задачей разведчиков было выявление реальных планов США в отношении нашей страны, особенно — военно-политических. В латиноамериканских странах получить такую информацию было легче, чем в самих Соединенных Штатах: Вашингтон делился с партнерами из Западного полушария своими планами, имея в виду их возможное использование в будущей войне против СССР.

Важное место в деятельности супругов Филоненко занимало также освещение политики США и их западных союзников на международной арене. Накануне каждой сессии Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций на стол советской делегации ложились документы, содержавшие подробную информацию о позиции основных стран Запада. И советское руководство несколько раз делало удачные ходы на заседаниях генассамблеи благодаря информации, которую добывали разведчики-нелегалы.

В Москву разведчики-нелегалы возвратились лишь в начале 1960-х годов. Полковник Филоненко занял руководящий пост в Управлении нелегальной разведки. В 1982 году он скончался.

Глава 2.

БОЙ НА УГОДСКОМ ЗАВОДЕ

В первые месяцы Великой Отечественной войны в битве за Москву отличились истребительные отряды Особой группы при наркомне НКВД, преобразованные в январе 1942 года в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. Действуя на основных оперативных направлениях, перекрывавших подходы к столице, разрушая коммуникации и дезорганизуя вражеский тыл, они активно способствовали тому, что немецкие войска уже в ноябре 1941 года утратили свои наступательные возможности.

ОБОРОНЯЯ СТОЛИЦУ

Бойцы истребительных отрядов, сформированных в первую очередь для ведения диверсионно-разведывательной работы в тылу врага на оккупированной немцами советской территории, в самые тяжелые дни битвы за Москву была брошена в открытый бой с противником. И слова политрука Крючкова «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» стали призывом к действию и для воинов-чекистов.

Одним из ярких примеров активного участия сотрудников госбезопасности в обороне Москвы явилась операция по уничтожению штаба 12-го армейского корпуса вермахта, расположившегося в небольшом районном центре Московской области Угодский Завод (родина четырежды Героя Советского Союза Г.К. Жукова, ныне — поселок Жуково). И не случайно этой операции посвящены некоторые экспонаты, представленные в экспозиции Зала истории внешней разведки, рассказывающей о деятельности чекистов в период Великой Отечественной войны. Ведь трое из четырех командиров диверсионных отрядов, участвовавших в операции на Угодском Заводе, после войны стали кадровыми сотрудниками внешней разведки.

Тяжелая ситуация на подступах к Москве начала складываться, как известно, уже в начале октября 1941 года. 12 октября Государственный Комитет Оборона (ГКО) принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы оборонительной линии. В городе она проходила по

окружной железной дороге. События принимали все более напряженный характер. 14 октября пал Калинин, 18 октября были оставлены Можайск и Таруса... 19 октября постановлением ГКО в Москве и прилегающих к городу районах было введено осадное положение. Воины-чекисты приступили к минированию всех магистралей, ведущих с запада к столице. На заложенных минах подорвались многие танки и автомашины с живой силой противника, что серьезно сказалось на темпах наступления немецких войск.

С 15 ноября руководство НКВД начало забрасывать в оккупированные противником районы Московской области диверсионные отряды. Их задачи сводились к следующему: истребление живой силы и уничтожение материально-технических средств врага; диверсионные действия на коммуникациях и базах противника; разрушение телефонных и телеграфных линий связи; активное ведение разведки.

ПОДВИГ ТРЕХСОТ

Вскоре руководству НКВД стало известно от одного из разведывательно-диверсионных отрядов, действовавших в Угодско-Заводском районе, что в населенном пункте Угодский Завод разместились штаб 12-го немецкого армейского корпуса и около 4 тысяч немецких солдат и офицеров с вооружением и техникой. Было принято решение разгромить этот штаб силами сводного отряда в составе 300 бойцов. К реализации операции были привлечены диверсионные группы во главе со старшими лейтенантами госбезопасности Н.Ф. Архиповым, В.Н. Бабакиным и Д.К. Каверзневым. Руководил сводным отрядом капитан госбезопасности В.А. Карасев.

19 ноября 1941 года отряд сосредоточился в 2 километрах от хутора Ясная Поляна и приступил к активной разведке. Операция была назначена на 23 ноября. В 23.00 группы вышли на исходную позицию — опушку леса в 500 метрах от города. Группа Бабакина должна была захватить и разрушить телефонную станцию, радиоузел и почту. Группе Каверзнева поручалось уничтожение офицеров, размещенных в здании бывшего райкома ВКП(б), превращенного в офицерское общежитие. Перед группами Архипова и командира сводного отряда Карасева стояла задача разгромить центральное отделение штаба корпуса и солдатские общежития. Бойцы были вооружены пулеметами, автоматами, винтовками, гранатами РГД и противотанковыми гранатами, а также бутылками с

зажигательной смесью. Штурм всех намеченных объектов начался одновременно.

Внезапность налета ошеломила немцев. В ходе операции был полностью уничтожен штаб, захвачены важные документы, уничтожены склад с горючим, авторемонтная база, 80 грузовых и 25 легковых автомобилей, 4 танка, бронемашина, обоз с боеприпасами и несколько пулеметных точек. Противник потерял убитыми около 600 человек, среди которых — много офицеров.

Потери сводного диверсионного отряда Особой группы НКВД составили 16 человек убитыми и 8 ранеными.

При выходе из района проведения операции подразделениями сводного отряда был разгромлен карательный отряд гестапо, потери которого составили более 40 солдат и офицеров убитыми и ранеными.

Информация об успешных действиях сводного диверсионного отряда 29 ноября вошла в вечернее сообщение от Советского информбюро, а на другой день была напечатана во всех центральных советских газетах.

Газета «Правда» сообщила также читателям, что в ходе операции бойцы сводного отряда также расстреляли десятника лесничества Батана, который регулярно сообщал гестапо о местах расположения партизан в лесах.

ДАЛЬШЕ БЫЛА ВОЙНА

Командир сводного отряда Виктор Карасев в феврале 1943 года возглавил разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Олимп», который действовал на территории Белоруссии, Украины, в Польше, Чехословакии и Венгрии. Бойцы «Олимпа» провели более 130 успешных операций против фашистских захватчиков.

5 ноября 1944 года Виктору Карасеву было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны, окончив Военную академию имени Фрунзе, он работал в системе МГБ — КГБ СССР.

Товарищи Виктора Карасева, командиры входивших в сводный отряд диверсионных групп, участвовавших в операции в Угодском Заводе, Николай Архипов, Дмитрий Каверзнев и Вадим Бабакин, также активно сражались с врагом до Великой Победы. После войны они успешно работали во внешней разведке, неоднократно выезжали в долгосрочные загранкомандировки для решения важных оперативных задач.

Глава 3.

ПО СТРАНИЦАМ ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ

Я, пожалуй, прожила три жизни, и каждая из них по-своему счастливая.

Зоя Воскресенская-Рыбкина

Зоя Воскресенская... У людей послевоенного поколения это имя вызывает трепетные школьные ассоциации: «программные» книги о Володе Ульянове и его семье, повести и рассказы о советских детях — пионерах и октябрятах.

Почти до последних дней своей жизни Зоя Ивановна была известна у нас в стране только как детский и юношеский писатель — лауреат Государственной и ряда других литературных премий, лауреат премии Ленинского комсомола, автор книг, переведенных на многие языки, как теперь говорят — ближнего и дальнего зарубежья. Ее книги были изданы немислимым тиражом: 21 миллион 642 тысячи экземпляров. И лишь самые близкие люди и товарищи по работе знали, что Зоя Ивановна, прежде чем стать знаменитым писателем, двадцать пять лет прослужила в советской внешней разведке.

Сегодня, когда за давностью событий приоткрываются архивы секретных служб довоенного и военного времени и становятся общественным достоянием доселе неизвестные имена сотрудников внешней разведки, внесших значительный вклад в обеспечение безопасности нашего Отечества, следует подчеркнуть, что Зоя Воскресенская (по мужу — Рыбкина) входила в элиту советских разведчиков. И не случайно на стендах Кабинета истории внешней разведки, рассказывающих о виртуозах-разведчиках, проникавших в самые сокровенные тайны противника, добывая для Родины, порой с немалым риском для жизни, важнейшую информацию, почетное место отведено и Зое Воскресенской-Рыбкиной.

Уже смертельно больная, Зоя Ивановна узнала, что ее неожиданно «рассекретили». И она спешно принялась за книгу, свою последнюю книгу. Быстро написала ее, но, к сожалению, не дожидая ее выхода в свет

несколько месяцев.

БАРОНЕССА ИЗ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ

«Теперь я могу сказать правду» — так Зоя Воскресенская назвала свое последнее произведение, в котором рассказала не только о себе и своей работе в советском сверхсекретном ведомстве, но и о многих своих товарищах — Василии Михайловиче Зарубине, Павле Михайловиче Фитине, Павле Матвеевиче Журавлеве, Георгии Ивановиче Мордвинове, Павле Анатольевиче Судоплатове и других, имена которых давно уже стали легендой не только в российской, но и в большинстве иностранных секретных служб.

Удивительной была жизненная и оперативная судьба этой мужественной и обаятельной женщины изысканной красоты.

Зоя Воскресенская родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии. Детство провела в городке Алексине. В 1921 году, в четырнадцать лет, Зоя начала работать библиотекарем в 42-м батальоне войск ВЧК Смоленской губернии. Затем служила в штабе Частей особого назначения (ЧОН), была политруком-воспитателем в колонии малолетних преступников в селе Старожище под Смоленском, работала на заводе имени М.И. Калинина в Смоленске, находилась на комсомольской работе.

В конце 1928 года Воскресенская переехала из Смоленска в Москву, а в августе 1929 года стала сотрудницей Иностранного отдела ОПТУ. В начале 1930 года она выехала на разведывательную работу в Харбин.

В течение двух лет «Ирина» (оперативный псевдоним Зои Воскресенской) успешно выполняла ответственные задания Центра во время острейшей борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Позже в облике знатной баронессы, роскошно одетая, она появлялась на улицах Риги, в городах и поместьях старой Латвии. Затем судьба разведчицы перебрала «Ирину» в Центральную Европу — в Германию и Австрию, а через некоторое время на север — в Финляндию и Швецию. В последних двух странах она провела большую часть своей закордонной разведывательной жизни: с 1935 по 1939 год работала в Финляндии и с 1941 по 1944 год — в Швеции.

В Финляндии «Ирина», являясь заместителем резидента, осуществляла связь с нелегальными сотрудниками советской внешней разведки и с агентурой, собирала информацию, в том числе о планах

Германии в отношении этой страны. Для решения разведывательных задач она неоднократно выезжала из Хельсинки в Стокгольм, а также в Норвегию, где координировала работу нелегальной разведывательной группы.

После возвращения в Москву в 1939 году Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой, став одним из основных аналитиков в разведке (специальное аналитическое подразделение в разведке было создано лишь в 1943 году).

Заместитель начальника советской внешней разведки того периода генерала Судоплатова по этому поводу вспоминал:

«Зоя Воскресенская-Рыбкина и ее непосредственный начальник Павел Журавлев завели литерное дело под кодовым названием “Затяя”, в котором сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза... Информация из этого литерного дела регулярно поступала к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику по отношению к Гитлеру».

Именно к Воскресенской-Рыбкиной стекались разведданные от знаменитой «Красной капеллы» — группы антифашистов, действовавшей в гитлеровской Германии.

ВАЛЬС В ГЕРМАНСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Зоя Ивановна была не только хороша собой, но и необычайно умна. Именно она подготовила известную аналитическую записку для И.В. Сталина, в которой утверждалось, что нападения Гитлера на Советский Союз можно ожидать в любой момент. Вспоминая этот период, Зоя Ивановна писала: «Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме — краткое и четкое: мы на пороге войны».

В подготовке гитлеровской Германии к войне против СССР Зоя Воскресенская-Рыбкина смогла убедиться и лично.

Желая опровергнуть слухи о якобы готовящемся нападении на СССР и продемонстрировать свою приверженность заключенному в 1939 году германо-советскому договору, руководство Германии в начале июня 1941 года прислало в Москву группу солистов балета Берлинской оперы. Германский посол в Москве граф Вернер фон Шуленбург устроил в здании посольства прием в их честь и пригласил на него солистов балета Большого театра. Присутствовала на приеме и некая госпожа Ярцева (под этой фамилией выступала Зоя Ивановна), якобы представлявшая Всесоюзное

общество культурных связей с заграницей (ВОКС). В ее задачу, как разведчика, в частности, входило оценить обстановку в посольстве и настроение его сотрудников.

На приеме Ярцева выглядела настолько привлекательно, что, когда начались танцы, именно ее граф Шуленбург пригласил на тур вальса. Танцуя с послом, Зоя Ивановна прошла с ним в вальсе по всему залу и обратила внимание на то, что на стенах примыкавших к залу комнат были видны светлые квадраты пятен от снятых картин. А в одной из комнат напротив приоткрытой двери возвышалась груда чемоданов. Вызывали озабоченность и другие детали, подмеченные Зоей Ивановной в беседах с немецкими дипломатами.

Разведчица сделала вывод о том, что германское посольство готовится к отъезду, а акция с Берлинским балетом была устроена для отвода глаз. Об этом и было доложено в тот же вечер руководству разведки.

НАСТАВНИК ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ

С первых дней Великой Отечественной войны Воскресенская-Рыбкина являлась сотрудницей Особой группы, возглавляемой заместителем начальника внешней разведки генералом П.А. Судоплатовым. Она занималась подбором, организацией, обучением и переброской в тыл врага диверсионных и разведывательных отрядов. Зоя Ивановна, в частности, стала одним из создателей первого партизанского отряда.

Первоначально в отряд входили всего четыре человека, которых подбирала и инструктировала разведчица.

Командиром отряда был назначен Никифор Захарович Каляда — кадровый военный, воевавший с немцами еще в Первую мировую войну. Бывший партизан на Украине, он в 1920-е годы являлся заместителем командующего армией на Дальнем Востоке.

Начальником штаба еще не существовавшего отряда назначили Леонида Васильевича Громова — бывшего начальника геологической экспедиции на острове Врангеля.

В группу были также включены: в качестве специалиста-механика — Самуил Абрамович Вильман, который до войны был резидентом нелегальной резидентуры в Монголии под «крышей» владельца частной авторемонтной мастерской, и лейтенант запаса Константин Павлович Молчанов, как специалист-оружейник.

Перед группой была поставлена задача создать партизанский отряд из

местных жителей Вельского, Пречистенского и Батуринского районов Смоленской области.

8 июля 1941 года группа, официально именовавшаяся отрядом № 1, на грузовой автомашине выехала в северный лесной массив по направлению Москва — Смоленск — Витебск.

Вскоре в отряде уже было более ста человек из десяти районов Смоленской области. В лесу Никифор Каляда отпустил бороду, за что партизаны прозвали его «Батей». Из истории Великой Отечественной войны хорошо известно легендарное партизанское соединение «Бати», которое уже в 1941 — 1942 годах практически восстановило советскую власть в районе треугольника Смоленск — Витебск — Орша.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина была также причастна к созданию и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, которая, кстати, работала под необычным, церковным прикрытием. Вот как об этом она вспоминает в своих мемуарах:

«Я узнала, что в военкомат обратился епископ Василий, в миру — Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, чтобы “послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов православную церковь”.

Я пригласила епископа к себе на квартиру. Беседовали несколько часов. Василий Михайлович рассказал, что ему 54 года. Сразу же после начала войны он был назначен Житомирским епископом. Но Житомир вскоре был занят немецкими оккупантами, и тогда его назначили епископом в Калинин. Он рвался на фронт и потому обратился в райвоенкомат.

Я спросила его, согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он “прикроет” их своим саном. Василий Михайлович не сразу согласился, подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением войсковых частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов.

Епископ согласился.

— Если это дело серьезное, я готов служить Отчизне.

— В качестве кого вы сможете их “прикрыть”?

— В качестве моих помощников. Но для этого им надо основательно подготовиться.

Мы договорились, что я доложу руководству и на следующий день встретимся.

Руководителем группы назначили сотрудника службы внешней разведки, капитана госбезопасности Василия Михайловича Иванова (оперативный псевдоним — “Васько”). Вторым членом группы стал Иван Иванович Михеев (оперативный псевдоним — “Михась”), 22-летний выпускник авиационного училища, являвшийся с начала войны сержантом госбезопасности истребительного батальона войск НКВД.

Владыку Василия с его будущими помощниками знакомила каждого в отдельности. Они епископу понравились. Между собой “Васько” и “Михась” тоже установили добрый контакт. Владыка Василий каждый день у меня на квартире обучал их богослужению: молитвы, обряды, порядок облачения. К слову скажу, облачение для епископа и его помощников мы получили из фондов музея. Одно из них, шитое жемчугом, епископ отклонил, заметив, что это одеяние для священнослужителей более высокого ранга и применяется в более торжественных случаях. Обменяли его на другое.

Группа сложилась дружная, удачная. 18 августа 1941 года ее направили в прифронтной Калинин. Службу они начали в Покровской церкви Пресвятой Богородицы, но 14 октября вражеская авиация разбомбила ту церковь, и епископ со своими помощниками перешли в городской собор.

Вскоре немцы заняли Калинин. Владыка Василий послал “Михася” к бургомистру, попросил взять его и помощников на довольствие, магазины в городе опустели. Бургомистр обещал, но тут же епископа вызвали к начальнику гестапо. Через переводчицу, православную немку Линду, владыка объяснил местному фюреру, что при советской власти был посажен в тюрьму и отбывал наказание на Севере, в Коми. Он подчеркнул, что его главной заботой является духовная жизнь паствы, ею он крайне озабочен, к этому обязывает его высокий духовный сан».

Молва о владыке Василии, столь ревностно пекущемся о своих прихожанах, быстро распространилась в городе. Жители потянулись к собору. А молодые, статные и красивые, отличавшиеся скромностью и строгостью нравов помощники владыки завоевали симпатии у людей, и в особенности у девушек.

Разведгруппа оперативно выполняла задания Центра. Разведчики налаживали связи с населением, выявляли пособников оккупантов, собирали материалы о численности и расположении немецких штабов, складов и баз с военным имуществом, вели учет прибывающих пополнений. Собранные сведения немедленно передавались в Центр через заброшенную к ним радистку-шифровальщицу Любовь Бажанову (оперативный псевдоним — «Марта»). Она сняла комнату у местной

жительницы, и «Михась» регулярно с ней виделся.

Город находился в руках оккупантов два месяца, это были адовы дни.

После освобождения города к нашему командованию посыпались заявления о «подозрительном» поведении епископа и его служек. СМЕРШ готов был арестовать группу, но Москва приказала взять ее под охрану. Тем временем при выходе из собора откуда-то появившийся милиционер схватил епископа за руку и, скомандовав: «Пошли в НКВД», увел его. «Васько» и «Михась» последовали за владыкой. Дежурному по НКВД милиционер заявил, что привел «попов, продавшихся немцам». Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в дело не вмешался заместитель начальника местного управления НКВД Крашенинников (только он знал о группе «Васько»), и инцидент был исчерпан.

Результаты работы разведгруппы были убедительными. Кроме переданных в Центр шифрованных радиодонесений, «Васько» и «Михась» выявили две резидентуры и более тридцати агентов, оставленных гестапо в тылу советских войск, составили подробное описание мест тайных складов оружия: гитлеровцы, видимо, еще надеялись вернуться в город.

Патриотический подвиг епископа Василия Ратмирова был высоко оценен. За то, что он проявил мужество и не бросил в трудный час свою паству, решением Синода ему был присвоен сан архиепископа. Позже по указанию патриарха Алексия владыка Василий был назначен архиепископом Смоленским. От советской разведки Василий Михайлович получил в знак благодарности золотые часы. «Васько», «Михась» и радистка «Марта» были награждены орденами «Знак Почета» и медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

В конце 1941 года Зоя Ивановна вместе с мужем выехала в свою очередную заграничную командировку — в Стокгольм. Официально «Ирина» значилась пресс-атташе советского посольства, которое возглавляла знаменитая Александра Коллонтай. По линии разведки она являлась заместителем резидента.

Сбор разведывательной информации, активная вербовочная работа, поддержание контактов с участниками антифашистского сопротивления в ряде европейских стран — таков неполный круг оперативных вопросов, которыми пришлось заниматься «Ирине» в Швеции.

После окончания войны Зоя Воскресенская-Рыбкина работала некоторое время заместителем, а затем начальником немецкого отдела внешней разведки.

В 1955 году полковник Воскресенская-Рыбкина вышла в отставку и занялась литературной деятельностью. Ее ратный и писательский труд был

отмечен высокими наградами Родины: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В апреле 1940 года она была награждена нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

8 января 1992 года З.И. Воскресенская-Рыбкина скончалась. В день ее похорон одна из центральных газет писала, что «Зоя Ивановна всю свою жизнь служила делу, служила своей Родине».

Глава 4.

ДЕЛО БЫЛО В РАЗВЕДКЕ

*Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.*

Николай Тихонов

Ранним утром в день начала Великой Отечественной войны на стол наркома НКГБ СССР Лаврентия Берии лег рапорт от находившегося тогда в запасе бывшего капитана государственной безопасности Дмитрия Медведева. Обращаясь к наркому, почетный сотрудник ВЧК выражал желание и готовность «отдать всего себя на борьбу с фашизмом».

РАПОРТ ВЕТЕРАНА

В документе, в частности, говорилось:
«Народному комиссару государственной безопасности СССР тов. Берия Л.П. от почетного работника ВЧК, бывшего капитана госбезопасности Д.Н. Медведева

Рапорт

В ноябре 1939 года, после двадцатилетней оперативной работы в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД, я был из органов уволен.

В первые же дни войны как с польскими панями, так и с финской белогвардейщиной я обращался к Вам, полный готовности на любую работу, на любой подвиг.

Теперь, глубоко осознавая свой долг перед Родиной, я снова беспокою Вас, товарищ народный комиссар, своим непреодолимым желанием отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом.

Жду Вашего приказа. Медведев.
22 июня 1941 года.

Станция Томилино Ленинской железной дороги, поселок бывший Егорова, Центральная улица, дом № 8, Медведев Д.Н.».

Одновременно знаменитый чекист написал докладную записку на имя наркома НКГБ, а затем — личное письмо Сталину, в которых изложил концепцию партизанской войны в тылу врага и роли спецотрядов НКГБ в налаживании сбора разведывательной информации о противнике и нанесении по нему диверсионных ударов.

Идея чекиста Медведева Сталину понравилась, и он дал указание Берии проработать ее. Для руководства разведывательно-диверсионными группами НКГБ в тылу врага 5 июля 1941 года была образована Особая группа при наркоме НКГБ во главе с заместителем начальника внешней разведки генералом Судоплатовым. В руководство Особой группы вошли в основном кадровые сотрудники внешней разведки.

В дальнейшем Особая группа была преобразована в 4-е управление НКВД, которыми также руководил генерал Судоплатов. Для проведения операций в тылу немецких оккупантов в октябре 1941 года приказом наркома НКВД сформированные Особой группой отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) в составе двух полков. Командиром 1-го полка, а с августа 1942 года — командиром бригады был кадровый сотрудник внешней разведки полковник Гриднев.

Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо», расположенный в старинном Петровском парке. Помимо чекистов в бригаду влились свыше 800 спортсменов, среди которых было немало заслуженных мастеров спорта, известных тренеров, чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира. Среди них — знаменитые легкоатлеты братья Знаменские, чемпион СССР по боксу Николай Королев, группа футболистов минского «Динамо» и многие другие известные спортсмены. Общая численность бригады составляла в тот период 10 500 человек. В первые годы войны не каждая стрелковая дивизия могла сравниться с ней по численности и по обученности.

На подмосковном стрельбище «Динамо» в Мытищах вновь созданные оперативные группы особого назначения изучали минное дело, подрывную технику противника, овладевали тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиodelом, совершали марш-броски, прыжки с парашютом. Короче, учились всему, что необходимо на войне.

Верховное командование поставило перед бригадой особого назначения следующие задачи:

- оказание помощи Красной Армии средствами разведывательно-диверсионных и боевых действий;
- содействие развитию партизанского движения;
- дезорганизация тыла противника;
- осуществление агентурной разведки на временно оккупированных территориях;
- проведение контрразведывательных операций.

Таким образом, предложение опытного чекиста о заброске в тыл врага мобильных разведывательно-диверсионных отрядов и групп, сформированных из хорошо обученных командиров и бойцов, в основном — чекистов, было принято. Уже в первых числах августа 1941 года Медведева восстановили на службе в органах госбезопасности и поручили возглавить специальный оперативный отряд «Митя» (а для немногих посвященных — разведывательно-диверсионную резидентуру № 4/70 Особой группы при наркомне НКВД СССР). Помимо командира в него входило 34 человека.

ВОЙНА ВОЙНОЙ, А ОБЕД ПО РАСПИСАНИЮ

Районом действий отряда была определена родина Медведева — Брянщина, которая по тогдашнему административному делению входила в Орловскую область. Иными словами, воевать отряду чекистов предстояло на одном из важнейших стратегических направлений наступления гитлеровских войск на Москву.

23 августа к вечеру на трех потрепанных полуторках отряд выехал на фронт. Путь к фронту лежал через Брянск. Город встретил чекистов заревом пожарищ — Брянск и Орджоникидзеград (так тогда называлась Бежица) пылали после очередного налета фашистской авиации.

Наконец отряд прибыл в окрестности районного центра Жуковка. Здесь он должен был перейти линию фронта.

Первые пять попыток проникнуть в тыл врага закончились неудачно: выбирали самое глухое время ночи, продвигались, можно сказать, не дыша, но едва углублялись на 20 — 30 шагов во вражеское расположение, как немцы поднимали осветительные ракеты и обрушивали бешеный огонь по каждой замеченной цели. Тогда Медведев решил перейти линию фронта... днем! И отряд перешел ее без единого выстрела!

Расчет командира был построен на том, что педантичные немцы обедают точно в полдень (война войной, а обед по расписанию!) и снимают

на это время часть постов, уверенные, что в ясный день никто на пушечный выстрел не приблизится к их позициям. Местом перехода он выбрал деревню Белоголовль, разделенную на две части речушкой. По одну сторону водной преграды держали оборону красноармейцы, но другую — были немцы.

Вот как рассказывал о переходе отряда «Митя» через линию фронта 7 сентября 1941 года его комиссар Георгий Кулаков:

«Занятая врагом часть деревни как вымерла — все жители убежали на нашу сторону, а гитлеровцы там жить боялись — только изредка делали вылазки на пасеку за медом. Единственной переправой служила полуразрушенная плотина у мельницы, пристрелянная гитлеровскими пулеметчиками.

Мы дождались 12 часов дня, когда у пунктуальных гитлеровцев началась раздача обеда, и бесшумно по противотанковому рву подошли к мельнице. Теперь надо было терпеливо ждать...

Солнце поднялось высоко, приблизилось к зениту. У противника все замерло. Видимо, приступили к обеду. Пора... Ползком, друг за другом, мы стали переправляться через плотину. Скользкие, мокрые бревна так и норовили выскользнуть из-под тел. Но все благополучно перебрались. Бесшумно переползли пустую улицу, через пасеку в овраг, затем в лес...»

... Рейд спецотряда «Митя» был успешным. Вернувшиеся на Большую землю в конце января 1942 года бойцы как о чем-то обычном рассказывали своим сослуживцам о разведке, ночных нападениях на врага, пущенных под откос поездах, а о своем командире говорили с восторгом, граничащим с обожанием: «Отважен и фантастически находчив!»

Расскажем еще об одном из эпизодов, связанных с деятельностью отряда «Митя».

ПОБЕДИЛ ЗА ЯВНЫМ ПРЕИМУЩЕСТВОМ

Первые разведывательно-диверсионные отряды специального назначения формировались на базе бойцов и офицеров Особой группы при наркомате госбезопасности, преобразованной позже в 4-е Управление НКВД СССР. Ядро этих отрядов составляли опытные чекисты, командиры внутренних и пограничных войск.

Как мы отмечали выше, для укомплектования будущих оперативных отрядов и групп была учреждена Отдельная мотострелковая бригада

особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР — прообраз будущих войск спецназа.

Бойцы в ОМСБОН подбирались с чрезвычайной строгостью. В основном преобладали добровольцы — студенты ряда столичных институтов, молодые рабочие с передовых московских предприятий. Среди бойцов бригады были и знаменитые советские спортсмены: штангист Николай Шагов, конькобежец Анатолий Капчинский, стайеры Серафим и Георгий Знаменские, гребец Александр Долгушин, боксер Сергей Щербаков, дискболы Леонид Митропольский и Али Исаев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Коржуев, борец Григорий Пыльнов, лыжница Любовь Кулакова, группа футболистов минского «Динамо» и другие.

Одним из первых в бригаду пришел выдающийся боксер, блиставший на всесоюзном и международных рингах довоенной поры, Николай Королев — многократный чемпион СССР в тяжелом весе, абсолютный чемпион Советского Союза, победитель Всемирной рабочей олимпиады 1937 года в Антверпене.

Именно Королеву было доверено место в отряде специального назначения «Митя», в котором он являлся адъютантом Медведева.

Незадолго до окончания рейда в районе населенного пункта Клетня отряд попал в окружение. В бою с карателями Медведев был в очередной раз ранен. Николай Королев стал выносить командира из-под огня, но неожиданно столкнулся с немцами. Разведчиков ждала неминуемая гибель. Однако Николай пошел на хитрость: он опустил командира на землю и поднял руки вверх. Солдаты под охраной проводили Королева к землянке, где находились немецкие офицеры. Неожиданными ударами Николай послал трех охранников в нокаут и бросил в землянку гранату. Воспользовавшись замешательством противника, бойцы отряда вырвались из кольца. Королев много километров нес Медведева на себе.

ВО ГЛАВЕ ОТРЯДА «ПОБЕДИТЕЛИ»

...С июня 1942 по сентябрь 1944 года Дмитрий Медведев командовал разведывательно-диверсионным отрядом специального назначения «Победители», действовавшим в Ровенской и Львовской областях.

Отряд специального назначения «Победители» обеспечивал разведывательно-диверсионную работу разведчика-нелегала, Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Действуя под видом

обер-лейтенанта Пауля Зиберта, Кузнецов провел серию актов возмездия в отношении высших представителей немецких оккупационных властей на Украине. Он целенаправленно добывал исключительно важную для советского командования разведывательную информацию.

Так, весной 1943 года Кузнецову удалось получить чрезвычайно ценную разведывательную информацию о подготовке противником крупной наступательной операции в районе Курска. Одно за другим в Центр ушли зашифрованные сообщения, подготовленные Кузнецовым: о передислокации из Франции в Белгород пехотной дивизии; о следовании из-под Ленинграда на Орел кружным путем танковой дивизии; о переброске немцами под Курск с африканского театра военных действий танковых частей.

Информация Кузнецова о стратегических наступательных замыслах гитлеровской Ставки с использованием новых танков «Тигр» и «Пантера» помогла советской разведке заблаговременно раскрыть тайну операции «Цитадель» (кодовое наименование наступательной операции немецких войск).

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года полковнику Медведеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В октябре 1946 года Д.Н. Медведев в звании полковника вышел в отставку по состоянию здоровья и занялся общественно-литературной деятельностью. Вначале это были устные выступления перед различными аудиториями, которые пользовались большим успехом. В частности, как-то в узком кругу литераторов он поделился воспоминаниями о подвигах Н.И. Кузнецова, и вскоре на экранах страны появился снискавший огромную популярность фильм «Подвиг разведчика». Откликом на выступления Д.Н. Медведева были и многочисленные письма от слушателей, призывавших его написать книгу о действиях партизан в годы войны. Письма легли на благодатную почву. Еще весной 1942 года в дневнике, который он начал писать, готовясь к предстоящему рейду в тыл врага, Медведев заметил: «Ведь когда-нибудь после победы над фашистами, если останусь жив, захочу написать книгу для юношества...»

Писательский труд — это тоже подвиг. Литературная работа была для Д.Н. Медведева новой, непривычной. Преодолев немалые трудности, стоящие перед начинающим литератором, он написал патриотические, правдивые произведения, главная тема которых — мужество, моральная стойкость, незабываемые подвиги советских людей в тылу врага. Его перу принадлежат широко известные книги «Это было под Ровно», «Сильные

духом», «На берегах Южного Буга», посвященные боевым действиям отряда «Победители» и самоотверженной борьбе героического подполья.

А каким Дмитрий Николаевич был в обыденной обстановке, находясь в кругу семьи, чем он интересовался и увлекался? Ответим на этот вопрос словами его вдовы Татьяны Ильиничны, воспоминания которой хранятся в Зале истории внешней разведки:

«Говоря о нем как о человеке, нужно сказать, что он себе не принадлежал, он любил свою работу и полностью отдавал ей всего себя. Он очень хорошо разбирался в людях, всегда искал в них хорошее, верил им и высоко ценил смелых людей. Его всегда тянуло к молодежи, очень любил детей. когда в отряде появились маленькие дети и было плохо с питанием, он послал в Центр телеграмму: “Высылайте манную кашу”. Понимаете, не крупу, а кашу. Потом бойцы часто вспоминали эту телеграмму и смеялись».

Жизнь Дмитрия Николаевича Медведева оборвалась в расцвете его творческих сил — в 56 лет. Он скончался 14 декабря 1954 года.

В день его похорон центральные газеты писали: «Всю сознательную жизнь Д.Н. Медведев участвовал в борьбе своего класса — подростком, юношей, зрелым мужчиной — до последнего удара сердца. Передышки в жизни ему не выпадало».

Глава 5.

ОПЕРАТИВНЫЕ ИГРЫ С ПРОТИВНИКОМ

Как мы отмечали выше, 18 января 1942 года, в связи с расширением партизанской борьбы на оккупированной германским вермахтом советской территории, было создано 4-е управление НКВД во главе с генералом П.А. Судоплатовым, являвшимся одновременно заместителем начальника внешней разведки нашей страны. Его заместителем по 4-му управлению был назначен полковник Наум Исаакович Эйтингон.

На 4-е управление НКВД возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы, но подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных отрядов и групп, организации резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечению групп специального назначения и агентов оружием, средствами связи и документами. Помимо решения этих задач сотрудники управления сыграли ведущую роль в проведении, в частности, оперативных радиоигр с противником «Монастырь» и «Березино».

ОПЕРАЦИЯ «МОНАСТЫРЬ». У ИСТОКОВ ОПЕРАЦИИ

В начале февраля 1942 года, когда немецкие войска впервые после начала Второй мировой войны потерпели сокрушительное стратегическое поражение в битве под Москвой, к немцам за линию фронта перешел агент органов госбезопасности «Гейне» — Александр Петрович Демьянов. Он являлся выходцем из знатного дворянского рода: прадед Демьянова, Антон Головатый был первым атаманом Кубанского казачества. В роду Демьянова все мужчины традиционно были военными. Завербован он был в 1929 году и использовался контрразведкой для разработки связей оставшихся в Советском Союзе лиц дворянского происхождения с зарубежной эмиграцией. Александр Демьянов работал в Москве в Главкинопрокате, был знаком со многими известными актерами театра и кино. Он часто бывал на бегах, держал в Манеже собственную лошадь и был широко известным человеком среди московской богемы.

Выбор «Гейне» в качестве подставы гитлеровским спецслужбам не был случайным. К моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз он уже был опытным агентом.

Из характеристики на секретного сотрудника «Гейне», относящейся к середине 1930-х годов:

«Надежный, способный и абсолютно честный во взаимоотношениях с органами госбезопасности работник. Он научился концентрировать волю, отличается активным восприятием жизни, умением глубоко проникать в психологию людей. Обладает великолепной памятью, молниеносной реакцией, способностью самостоятельно принимать решения».

Еще в довоенный период «Гейне» вышел на представителей германской торговой миссии в Москве и в разговоре с ними назвал ряд фамилий русских эмигрантов, поддерживавших контакт с его семьей в предреволюционный период. Германская разведка заинтересовалась «Гейне» и стала вести его разработку. Абвер присвоил ему кличку «Макс».

В поле зрения органов государственной безопасности в предвоенное время находились некоторые представители русской аристократии — бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, поэт Садовский, член-корреспондент Академии наук СССР Сидоров и некоторые другие. В свое время они учились в Германии, были известны немецким спецслужбам, а в Москве жили на территории Новодевичьего монастыря, где нашли прибежище потомки некогда знаменитых дворянских родов. Немцы проявляли интерес к этим лицам. Им, в частности, было известно, что поэт Садовский, практически не издававшийся в СССР, написал большую поэму в честь «немецких войск, освободителей Европы». В июле 1941 года руководство 4-го управления НКВД приняло решение создать из этих и других лиц с помощью агентуры легендированную прогерманскую подпольную церковно-монархическую организацию «Престол» и внедрить в нее агента «Гейне» с дальнейшим выводом его в Германию. Операция получила кодовое название «Монастырь».

В ЛОГОВЕ ВРАГА

В феврале 1942 года «Гейне» был доставлен на фронт в районе Можайска. Войсковая разведка перебросила его на нейтральную полосу, которая, как оказалось позже, была немцами заминирована. С рассветом «Гейне» встал на лыжи и направился к немцам с белым флагом. Только по

счастливой случайности он не подорвался на минах.

Сам «Гейне» о переходе нейтральной полосы писал так: «Когда я добежал до бруствера, немцы помогли мне перебраться, и один из них, отведя в укрытие, попросил по-русски немного подождать. Затем последовала серия непрерывных допросов, днем и ночью. Я находился под неустанным наблюдением. Меня привели в блиндаж к майору. Тот по-русски спросил меня, почему я предал Родину. Остро резанул его взгляд, полный холодного презрения, взгляд кадрового офицера, типичного тевтонца, гордого своим превосходством. Он демонстративно встал из-за стола, когда капитан усадил меня пить чай, брезгливо бросил реплику “предатель Родины” и вышел. Затем меня увезли в штаб».

«Гейне» рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, которая желает установить связь с немецким командованием и выполнять его задания. Ее цель — борьба с коммунизмом. Гитлеровцы вновь подвергли «Гейне» допросу, затем имитировали его расстрел. Разведчик держался стойко, спокойно отвечал на все вопросы, и немцы сделали вид, что ему поверили.

Однако проверка «Гейне» продолжалась. Он был отправлен в Смоленск. Его поместили в концлагерь вместе с предателями и изменниками Родины. В лагере продолжались допросы «перебежчика». Офицеры абвера постоянно интересовались историей его перехода через линию фронта, проверяли знания в области радио- и электротехники. Через некоторое время «Гейне» перевели на городскую квартиру в Смоленске, где два инструктора занимались его подготовкой в качестве агента абвера. Под их руководством он изучал тайнопись, шифровальное и радиодело. Впоследствии Александр Демьянов вспоминал, что труднее всего ему было скрывать свое умение бегло работать на телеграфном ключе.

Через некоторое время состоялась встреча «Гейне» с высокопоставленным представителем абвера, который сообщил, что скоро его отправят обратно в Москву с заданием по подрывной работе в столице. Были уточнены некоторые детали задания, способы и время связи. Условились, что курьеры, прибывающие в Москву, будут приходить к его тестю, профессору медицины, практикующему на дому, а тот, в свою очередь, будет связывать их с «Гейне».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

После этой беседы «Гейне» переправили в Минск, откуда он должен

был вылететь самолетом через линию фронта, прыгнуть с парашютом, а дальше добираться до Москвы. В Минске его поселили на частной квартире, в которой проживали несколько соседей, и в течение трех дней не беспокоили, оставив одного. Это тоже был один из элементов проверки разведчика со стороны гитлеровских спецслужб. В частности, под окнами квартиры постоянно прогоняли группы людей, жестоко избивая их при этом. «Соседи» поясняли, что на казнь ведут очередную группу партизан, а сами внимательно следили за его реакцией.

15 марта 1942 года за «Гейне» пришла машина. Его отвезли на аэродром, выдали деньги для организации «Престол» и посадили в самолет.

Приземлился «Гейне» в лесу около районного центра Арефино Ярославской области. Захватившим его в плен красноармейцам он сообщил свой оперативный псевдоним и попросил немедленно связаться с Москвой. Из Москвы поступило распоряжение доставить разведчика в Ярославль. Там он проживал некоторое время, затем в сопровождении сотрудников госбезопасности был доставлен в Москву. Первые две недели потребовались для написания подробного отчета. «Гейне» не выходил из дома, так как было не исключено, что немцы могли проверить, когда он вернулся, а слишком быстрое возвращение могло вызвать подозрение. Через две недели «Гейне» вышел в эфир и передал немцам первую дезинформацию, подготовленную Генеральным штабом Красной Армии. Одновременно он сообщил немцам, что устроился под другой фамилией на должность младшего офицера группы связи в Генштаб.

В течение первых четырех месяцев органы госбезопасности сознательно избегали ставить перед немцами какие-либо вопросы. Только в августе 1942 года им было передано, что имеющийся у организации «Престол» передатчик пришел в негодность и требует замены. Вскоре в Москву пожаловали курьеры абвера. 24 августа 1942 года они пришли к тестю «Гейне», а затем встретились и с ним. Курьерами оказались предатели Станкевич и Шакуров. Они вручили «Гейне» новую рацию, батареи, блокноты для шифрования и деньги. Одеты они были в советскую военную форму и прибыли в Москву для совершения диверсий. К вечеру Эйтингоном был отдан приказ усыпить курьеров. Пока курьеры спали, их сфотографировали, обыскали, заметит патроны в револьверах на холостые. Утром им дали возможность погулять по Москве под плотным наружным наблюдением, а затем одного из них арестовали на вокзале, когда он пытался подсчитать воинские эшелоны. Второй курьер был арестован на дому у женщины, с которой он успел познакомиться.

«Гейне» сообщил немцам по рации, что Станкевич и Шакуров

благополучно прибыли, но новую рацию не доставили, так как она якобы была повреждена при приземлении. 7 октября 1942 года абвер забросил еще двух курьеров, которые без лишнего шума были арестованы органами госбезопасности. «Гейне» проинформировал немцев, что и эти курьеры благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем радиоигра с немцами велась по двум линиям: по радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол» и по рации прибывших 7 октября 1942 года диверсантов, которые были перевербованы органами государственной безопасности. Руководство 4-го управления учитывало тот факт, что прибывшие первыми агенты Станкевич и Шакуров имели указание вернуться назад. Было принято решение скомпрометировать одного из них. «Гейне» сообщил немцам по радио, что Шакуров «трусит, много пьет и становится для нас опасным». Абвер приказал его ликвидировать.

12 октября 1942 года немцы предложили «Гейне» передать сведения о месте работы членов организации «Престол». Агент ответил, что члены его организации работают в Москве и некоторых других городах. Абвер интересовало наличие членов организации в Ярославле, Муроме и Рязани. Немцы потребовали переслать им адреса и пароли для связи с этими лицами. Чтобы не вызвать подозрений немцев, им было сообщено, что в названных городах организация «Престол» своих людей не имеет, однако располагает возможностью принять курьеров в Горьком. Немцы запросили адрес явочной квартиры и пароль. Игра с гитлеровской военной разведкой расширялась. Абвер высоко оценил работу «Гейне». 18 декабря 1942 года «Гейне» была передала шифровка из Берлина о том, что он и Станкевич (к тому времени он был перевербован советской контрразведкой и стал принимать активное участие в операции «Монастырь») награждены немецким Орденом с мечами за храбрость.

Вскоре «Гейне» информировал немцев, что его организация приобрела еще одну явочную квартиру. На самом деле в ней проживал сотрудник НКВД. Курьеры абвера все чаще прибывали в Советский Союз. Их встречали не только в Москве, но и в других городах, в том числе в Горьком, Свердловске, Челябинске, Новосибирске. Одному из курьеров даже разрешили вернуться обратно, чтобы подтвердить немцам, что организация «Престол» работает под контролем абвера.

РАДИОИГРА АКТИВИЗИРУЕТСЯ

Радиостанции «Гейне» и Станкевича продолжали передавать «важную стратегическую информацию», которая на самом деле готовилась в Генеральном штабе Красной Армии с целью дезинформации германского военного командования. Среди сведений, передаваемых за линию фронта, были донесения о «важнейших решениях» Ставки, данные о совещаниях у маршала Шапошникова и другая информация. Шифровки «Гейне» высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» германского Генерального штаба и учитывались при планировании операций на Восточном фронте.

«Гейне» активно передавал выгодные советскому командованию сведения о железнодорожных перевозках воинских частей, боеприпасов и военного снаряжения. Для подтверждения фактов о якобы проведенных организацией «Престол» диверсиях чекистами были организованы соответствующие публикации в прессе. Приходилось даже имитировать акты вредительства на железных дорогах страны, в частности, под городом Горьким. В отдельных случаях, когда это было выгодно советскому командованию, «Гейне» передавал немцам и настоящую информацию определенного целевого назначения. В ее подготовке принимал непосредственное участие начальник оперативного управления Генерального штаба генерал С.М. Штеменко. Некоторые важные операции Красной Армии на фронте действительно осуществлялись там, где их предсказывал «Гейне», но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Характерными в этом отношении стали дезинформационные мероприятия, проведенные через «Гейне» в преддверии Сталинградской и Орловско-Курской операций.

Так, накануне контрнаступления под Сталинградом Ставка Верховного командования довела до немцев стратегическую дезинформацию относительно направления главного удара Красной Армии на Западном фронте. При разработке и подготовке Сталинградского котла Сталин пригласил 13 ноября 1942 года в Кремль членов Политбюро и членов Государственного Комитета Обороны. На этом совещании присутствовали также генералы Василевский и Жуков. При обсуждении плана контрнаступательной операции Жуков и Василевский обратили внимание присутствующих на то, что германское командование может перебросить в район Сталинграда на помощь группировке Паулюса часть своих войск из района Вязьмы. Чтобы этого не случилось, необходимо было дезинформировать германское командование относительно направления удара Красной Армии, сделав вид, что наступление на советско-германском

фронте планируется осуществить в районе Ржевского выступа.

На Жукова возлагалась задача подготовить наступление Калининского и Западного фронтов, чтобы убедить немцев, что именно здесь наносится главный удар. Действительно, появление Жукова на Западном фронте дезориентировало немецкое военное командование, которое сочло, что именно здесь Красная Армия планирует перейти в контрнаступление. Более того, сосредоточение стратегических резервов Красной Армии в районе Москвы также укрепило немцев в этой мысли. На самом деле задача Жукова была более скромной — сковать силы немцев на этом участке советско-германского фронта. Для перехода в контрнаступление у него не было достаточным сил и средств.

Германское командование стало срочно усиливать группировку своих войск в районе Ржевского выступа. Предупрежденные «Гейне» о том, что Красная Армия готовит удар именно под Ржевом, немцы предприняли меры по его отражению, а с началом Сталинградской наступательной операции оказались не в состоянии перебросить из-под Ржева войска на помощь окруженной группировке генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Сражение под Ржевом носило ожесточенный и затяжной характер, хотя контрнаступления здесь, как уже отмечалось, не планировалось. В наши дни отдельные средства массовой информации пытаются доказать, что Жуков-де под Ржевом потерпел поражение. Как мы видим, Жуков сумел блестяще выполнить поставленную перед ним задачу, сковав в районе Ржевского выступа немецкие войска, и тем самым способствовал их разгрому под Сталинградом. Следует отметить, что только под Сталинградом армии фашистского блока потеряли до 1,5 миллиона человек, то есть четверть всех сил, действовавших тогда на Восточном фронте.

Относительно летней кампании 1943 года «Гейне» информировал немцев о том, что советское командование планировало осуществить военные операции к северу от Курска и на южном фронте. В результате переход советских войск в районе Курска и Орла к стратегической обороне, а затем к наступлению оказался для немцев неожиданным.

Интересно отметить, что стратегическая дезинформация, передававшаяся советскими разведчиками для гитлеровского командования в ходе операции «Монастырь», подчас возвращалась в органы госбезопасности от их источников в абвере и британской разведке. Так, в 1942 году внешней разведкой в одной из оккупированных немцами стран удалось наладить непродолжительное, но весьма продуктивное сотрудничество с одним из руководителей шифровальной службы абвера

полковником Шмитом. До своего провала он успел передать нам ряд ценных разведывательных материалов абвера, полученных из Москвы. При анализе этих материалов было установлено, что они являются «информационными» сообщениями «Гейне».

Кроме того, британская разведка, имевшая свою агентуру в абвере, также получала по своим каналам материалы «Гейне», которые возвращались в Москву в виде агентурных донесений от члена «Кембриджской пятерки» Энтони Бланта. Англичане настолько уверовали в то, что абверу удалось завербовать агента в окружении маршала Шапошникова, что даже Черчилль сообщил Сталину в 1943 году, что в Генштабе Красной Армии есть немецкий агент.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Объем зашифрованной переписки «Гейне» с абвером, включавший в себя помимо «информационных» материалов множество запросов и ответов по организационно-оперативным вопросам, составил три объемных, ныне архивных тома.

Оперативная игра «Монастырь» продолжалась до конца Великой Отечественной войны. В ходе операции органами государственной безопасности было арестовано более 50 агентов абвера и семь пособников противника, а также получено несколько миллионов рублей на деятельность легендированной организации «Престол».

За успешное содействие стратегическим операциям Красной Армии руководители операции «Монастырь» Павел Судоплатов и Наум Эйтингон были награждены орденами Суворова 2-й степени, что в системе органов государственной безопасности было единственный раз. Сам «Гейне» — Александр Петрович Демьянов — получил орден Красной Звезды, его жена, Татьяна Георгиевна Березанцева, и ее отец — медали «За боевые заслуги».

Но эти награждения последовали уже в ноябре 1945 года. А пока наступил 1944 год. Война шла к концу, Красная Армия подходила к государственной границе СССР. Близилась к завершению и одна из наиболее удачных операций разведывательных органов государственной безопасности военного периода — операция «Монастырь». Однако на совещании с руководством государственной безопасности, состоявшемся в Кремле 4 апреля 1944 года, Сталин предложил наркому Меркулову и начальнику диверсионно-разведывательного управления НКГБ

Судоплатову изучить вопрос о продолжении радиоигры и расширении ее рамок.

Первоначально чекистами обсуждалась возможность заслать к немцам координатора от «Престола». Прорабатывался также вопрос о повторном направлении «Гейне» за линию фронта. Сам «Гейне» предлагал направить одного из якобы активных членов организации «Престол» в качестве переводчика Красной Армии в лагерь немецких военнопленных с тем, чтобы в дальнейшем организовать его «побег» совместно с несколькими немецкими офицерами. Явившись к немцам, этот переводчик должен был создать условия для более активной связи «Гейне» с абвером. Операция «Монастырь» была продолжена. Теперь основные ее усилия были направлены на проведение дезинформационных мероприятий в отношении противника с целью достижения стратегических преимуществ на заключительной стадии Отечественной войны.

В начале августа 1944 года «Гейне» был включен в новую оперативную игру с немецким командованием, разработанную органами государственной безопасности и получившую кодовое название «Березино». В очередной шифровке он проинформировал немецкую разведку о том, что переведен из группы связи Генштаба Красной Армии в технические части с присвоением звания инженер-капитана. В связи с этим ему требовалась еще одна рация для продолжения связи из Москвы, где его функции будет выполнять другой радист, подготовленный организацией «Престол». Свою рацию он берет с собой и свяжется с ними из тех мест, где будет находиться по долгу службы. Таким образом, связь с абвером по линии операции «Монастырь» не прекращалась, а введение «Гейне» в новую оперативную игру обеспечивалось быстрыми темпами.

ОПЕРАТИВНАЯ ИГРА «БЕРЕЗИНО»

Выше мы рассказали о проведенной органами государственной безопасности нашей страны в период Великой Отечественной войны оперативной игре со спецслужбами гитлеровской Германии, носившей кодовое наименование «Монастырь».

В результате этой операции, одним из активных действующих лиц которой являлся агент НКВД — НКГБ Александр Петрович Демьянов (оперативный псевдоним — «Гейне»), до немецкого военного командования и руководства абвера доводилась выгодная Генеральному штабу Красной Армии направленная дезинформация стратегического

характера.

В начале августа 1944 года «Гейне» был подключен к проведению новой оперативной игры с немецким военным командованием, разработанной 4-м управлением НКГБ СССР и получившей кодовое название «Березино». Незадолго до этого в очередной шифровке он проинформировал немецкую разведку о том, что переведен из группы связи Генерального штаба Красной Армии в технические части с присвоением звания инженер-капитан.

ОПЕРАЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ

А начиналась оперативная игра «Березино» так. Летом 1944 года «Гейне» был командирован в освобожденный Минск. Вскоре он сообщил в Москву о том, что, по некоторым сведениям, в белорусских лесах скрываются попавшие в окружение разрозненные группы немецких солдат и офицеров, что соответствовало действительности. После осуществления наступательной операции «Багратион» военнослужащие разгромленных немецких частей в массовом порядке выходили на магистральные шоссе, складывали оружие и сдавались в плен.

Это обстоятельство было использовано руководством 4-го управления НКГБ СССР для продолжения радиоигры с немцами. По согласованию с Генштабом было решено до немецкого командования информацию о том, что в тылу Красной Армии действуют остатки немецких войск, попавшие в окружение в ходе нашего наступления. Замысел заключался в том, чтобы ввести германское командование в заблуждение, заставить его использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и побудить их сделать серьезную попытку пробиться к своим. В данном случае немцы были бы вынуждены открыть один из участков фронта для прохода «окруженцев», в который можно было бы ввести заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной Армии.

18 августа 1944 года «Гейне» проинформировал немцев о том, что в Белоруссии в районе реки Березины будто бы скрывается крупная немецкая воинская часть численностью более 2000 человек, потерявшая связь со своим командованием и испытывающая нужду в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Немецкие солдаты и офицеры якобы стремятся прорваться за линию фронта.

Командование вермахта приняло решение оказать помощь оказавшимся в беде своим военнослужащим. Таким образом, операция

«Березино» явилась логическим продолжением операции «Монастырь». Возглавлять комплекс оперативных мероприятий по данной операции, включая координацию действий с белорусскими чекистами, было поручено заместителю начальника диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР полковнику Науму Эйтингону.

По инициативе Эйтингона была сформирована специальная оперативная группа сотрудников 4-го управления НКГБ, которую направили в район Березино. Ей поручили подобрать подходящее место из числа бывших партизанских баз, где якобы укрывается легендируемая немецкая часть. Необходимо было подготовить площадки для приема груза и парашютистов, а также на случай возможного приземления немецких самолетов. Оперативной группе предстояло обеспечить встречу немецких десантников, в том числе и радистов, принимал» сброшенные немцами грузы и осуществлять другие мероприятия, связанные с проведением данной операции.

Помимо чекистов в оперативную группу были включены агенты-немцы, бывшие военнопленные, одетые в форму германской армии, 20 автоматчиков Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКГБ СССР и военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, которому предстояло сыграть роль командира легендированной части.

Из оперативной справки:

«Подполковник Генрих Шерхорн, кадровый офицер, но профессии администратор коммунального имущества. Член НСДАП с 1933 года. Командовал охранным полком одной из дивизий, входивших в состав группы немецких армий «Центр». Взят в плен 9 июля 1944 года в районе Минска. В период пленения был настроен пессимистично. В победу Германии не верит.

Завербован органами государственной безопасности. Оперативный псевдоним — «Шубин»».

Из материалов оперативного дела на «Шубина» следует, что вербовал его лично начальник диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР генерал-лейтенант Судоплатов.

На роль командира легендированной части Шерхорн был выбран в

связи с тем, что его охранный полк и он сам были мало известны в вермахте, что позволяло Центру использовать его в оперативной игре с противником.

Специальная оперативная группа 4-го управления НКГБ оборудовала расположение легендированной немецкой части во главе с Шерхорном на бывшей партизанской базе на восточном берегу озера Песочное, у деревни Глухое Червенского района Минской области.

Ответа из Берлина долго не было. Как стало известно позже, получив телеграмму «Гейне», германское командование дало указание контрразведке тщательно проверить по своим каналам и учетам личность командира подполковника Генриха Шерхорна. В случае положительных результатов планировалось использовать подразделение известного диверсанта Отто Скорцени, который намеревался под видом рабочих батальонов военнопленных передислоцировать свой отряд к линии фронта со стороны советских войск и совместно с отрядом Шерхорна ударить в тыл частям Красной Армии. Однако на начальном этапе от этого варианта решили отказаться.

В конечном итоге было принято решение сделать на «окруженцев» ставку как на возможный будущий очаг военных действий в тылу Красной Армии в случае, если удастся остановить тотальное советское наступление, а пока использовать их для диверсий на армейских коммуникациях и разнообразных мелких ударов тактического характера.

25 августа 1944 года «Гейне» получил ответную телеграмму следующего содержания:

«Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски груза.

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как радист придет в обмундировании Красной Армии.

Пароль — Ганновер».

В тот же день в район озера Песочное для руководства операцией на месте выехала группа из шестнадцати ведущих оперативных сотрудников 4-го управления НКГБ во главе с Эйтангоном. В ее состав входили, в частности, опытные сотрудники внешней разведки полковники Михаил Маклярский, Георгий Мордвинов и Яков Серебрянский, а также майор

Вильям Фишер, ставший в 1960-е годы известным под именем Рудольфа Абеля. Группе были приданы дополнительно десять надежных агентов из числа немцев, которые должны были принимать парашютистов в качестве солдат «части» Шерхорна.

«ГЕЙНЕ» НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Итак, «Гейне» приступил к реализации операции. Для абвера он пользовался легендой, что в последнее время был «прикомандирован» к 51-му отдельному дорожно-строительному отряду, расположенному в местечке Березино, что в 100 километрах западнее города Могилева. Уже 7 сентября он направил немцам радиogramму об «установлении контакта с воинской частью подполковника Шерхорна», сообщил ее координаты и подтвердил пароль «Ганновер». Одновременно им были переданы некоторые биографические данные на Шерхорна для подтверждения легенды встречи с ним. «Гейне» также проинформировал Берлин, что для сброски грузов и посадки самолетов «окруженцы» выбрали в районе озера Песочное удобную площадку — бывший партизанский аэродром, о котором немцам было известно в период оккупации Белоруссии.

Об информации «Гейне» было доложено Гитлеру и Герингу, которые дали указание сообщить Шерхорну, что со стороны Берлина будет предпринято все возможное для спасения его отряда, и распорядились оказывать отряду всемерную помощь боеприпасами, продуктами питания и медикаментами.

В ночь с 15 на 16 сентября 1944 года чекистами были задержаны два парашютиста, которые на допросе рассказали, что по приказу штаба группы армий «Центр» были направлены для установления связи с окруженной немецкой воинской частью. В дальнейшем немецкое командование неоднократно забрасывало своих военнослужащих в советский тыл для оказания помощи «немецкой группе в Белоруссии», регулярно направляло ей продовольствие и боеприпасы. Прибывавшие сотрудники абвера перевербовывались чекистами и включались в радиоигру с немецким командованием под контролем сотрудников оперативной группы.

В конце сентября 1944 года командующему группой немецких армий «Центр» генерал-полковнику Рейнгарду была доложена очередная информация, полученная от «Гейне». Согласно содержащимся в ней сведениям, часть подполковника Шерхорна насчитывала более 1500

человек, в том числе 200 русских — бывших полицейских, спасавшихся от возмездия. Отряд Шерхорна якобы был разбит на группы в целях мобильности и скрытности действий. Группы под командованием майора Диттмана, подполковников Шиффера, Михаэлиса и Эккардта (на самом деле все они были завербованы чекистами) продвигаются к линии фронта для соединения с частями вермахта.

С декабря 1944 года связь с вермахтом осуществлялась уже по трем каналам. Чтобы не допустить посадки немецких самолетов в районе дислокации легендированной части, «Гейне» по заданию Эйтингона направлял германскому командованию сообщения о мнимых боевых столкновениях отряда Шерхорна с подразделениями Красной Армии. В начале марта 1945 года «Гейне» радировал в абвер о выходе передовых групп отряда подполковника Шерхорна к границе с Литвой. Для обеспечения продвижения «соотечественников» в Восточную Пруссию командование вермахта направило Шерхорну большую группу своих агентов, состоявшую из поляков, которые по прибытии в СССР были арестованы сотрудниками НКГБ.

Верховное командование германской армии периодически присылало лично Шерхорну, а также солдатам и офицерам его «части» по случаю праздников поздравления с благодарностью за службу. Однажды с грузом боеприпасов были присланы боевые награды — Железные кресты с незаполненными бланками удостоверений к ним. Шерхорну предоставлялось право по своему усмотрению наградить отличившихся.

Как рассказывали позже очевидцы, заместитель руководителя оперативной группы полковник Георгий Мордвинов построил одно из подразделений обеспечения операции в две шеренги и раздал Железные кресты первой из них. Затем отдал команду «кругом» и, когда строй повернулся, приказал шеренге с крестами прикрепить их к штанам впереди стоящих в районе мягкого места.

— До конца дня так и ходить, не снимать! — перед тем как распустить строй, отдал Мордвинов последнее распоряжение.

Присутствовавший при этом Эйтингон, которого Мордвинов не посвятил в свое намерение перед построением, хохотал — не мог остановиться.

28 марта 1945 года подполковник Шерхорн получил телеграмму за подписью начальника штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Гудериана, в которой говорилось, что ему присвоено звание полковника и что он награжден Рыцарским крестом 1-й степени. Одновременно ему было приказано прорываться со своей частью через

линию фронта, а затем следовать в Польшу и Восточную Пруссию. Однако войска Красной Армии стремительно продвигались на Запад, и «часть» Шерхорна никак не могла их «догнать» — бои шли уже на территории Германии.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая по всем радиостанциям, участвовавшим в оперативной игре «Березино», немцы передали последнюю радиограмму:

«Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам *будущее*, наши мысли всегда *будут* с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

Это был конец оперативной игры. Из архивной справки по делу «Березино», составленной 8 марта 1947 года, следовало:

«Агентурное дело “Березино” заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания моральною и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское главное командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы.

Так, с сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы 4-м управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и один миллион семьсот семьдесят семь тысяч рублей советских денег.

Агентурное дело “Березино” состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

В начале 1950-х годов Генрих Шерхорн и его помощники из числа немецких военнопленных были освобождены и выехали на жительство в ГДР.

Александр Петрович Демьянов, как и до войны, жил в Москве и был связан с кинопрокатом. Скончался он в 1978 году и похоронен на Немецком кладбище.

5 ноября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Науму Исааковичу Эйтингону за успешно проведенную операцию было присвоено звание генерал-майор.

Глава 6. ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

*Чекисты,
Незримого фронта солдаты,
Готовы на подвиг любой...*

Из песни

О деятельности разведки и разведчиков в годы Великой Отечественной войны сейчас много говорят и пишут. И это не удивительно. Ведь в ходе пришедшихся на последние годы торжественных мероприятий, связанных с юбилейными датами судьбоносных сражений Великой Отечественной войны — битвы за Москву, Сталинградской и Курской, — нередко подчеркивалось, что в списках победителей достойное место по нраву принадлежит и бойцам невидимого фронта. История показала, что эти сражения положили начало разгрому немецко-фашистских войск и окончательно определили для Германии катастрофический исход войны на Востоке.

Профессия разведчика вызывает невольное уважение у всех тех, кто считает патриотизм, верность Присяге, любовь к Родине естественным состоянием всякого нормального человека, а не «последним прибежищем негодяев».

Мыслящие граждане нашей страны, которые интересуются истинной, а не перекоренной в очередной раз в угоду политической моде историей Отечества, черпают в подвигах советских, а сегодня — российских разведчиков моральные силы, позволяющие им выстоять перед натиском всякого рода баск и сказней о «злодеяниях чекистов», охотно тиражируемых отдельными российскими изданиями.

О подвигах разведчиков мы узнаем подчас по прошествии длительного периода времени, порой через десятки лет. И это не случайно: как правило, разведчики становятся известными общественности только после провала или в результате предательства. А об их ежедневных героических подвигах, совершаемых в обстановке полного умалчивания, подчас знает только весьма ограниченный круг сотрудников внешней разведки.

Руководитель советской внешней разведки в 1930-е годы Артур Христианович Артузов писал по этому поводу в обращении к чекистам-разведчикам:

«Наша профессия в тени. И не потому, что она непочетна. Просто наш труд не афишируется. Часто наши победы и наши слезы миру не видны. Но я не придаю нашей профессии какой-то исключительности. Считаю, что она в ряду других интересных и трудных профессий.

Наш фронт незрим. Прикрыт секретностью, некой дымкой таинственности. Но и на этом скрытом от сотен глаз фронте бывают свои звездные минуты. А чаще всего геройство чекиста заключается не в единственном подвиге, а в будничной напряженной кропотливой работе, в той возвышенно-значительной борьбе, не знающей ни передышек, ни послаблений, в которой он отдаст все, что имеет».

В этой главе нам хотелось бы рассказать о некоторых сотрудниках внешней разведки нашей страны, удостоенных за свою работу высоких званий Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации. Безусловно, таких людей в разведке значительно больше. Но о делах отдельных героев рассказывать время еще не пришло, а о других наступит (если вообще наступит) лишь через многие годы.

16 апреля 1934 года постановлением ЦИК СССР было учреждено почетное звание Героя Советского Союза — высшей степени отличия за заслуги перед государством. Героям Советского Союза вручались высшая награда СССР — орден Ленина и Грамота ЦИК СССР (с декабря 1937 года — Президиума Верховного Совета СССР). 1 августа 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден дополнительный знак отличия — медаль «Золотая Звезда».

Однако Герои Советского Союза среди кадровых сотрудников советской внешней разведки появились только в годы Великой Отечественной войны. За образцовое выполнение специальных заданий командования в тылу противника высокого звания Героя Советского Союза были удостоены девять кадровых сотрудников внешней разведки: руководители нелегальных резидентур в Киеве — Иван Данилович Кудря, в Николаеве — Виктор Александрович Лягин и в Одессе — Владимир Александрович Молодцов; командиры разведывательно-диверсионных отрядов и групп Станислав Алексеевич Ваупшасов («Местные»), Дмитрий Николаевич Медведев («Митя» и «Победители»), Кирилл Прокофьевич Орловский («Соколы»), Николай Архипович Прокопюк («Охотники»), Александр Маркович Рабцевич («Храбрецы»), а также Николай Иванович Кузнецов — разведчик-нелегал отряда «Победители».

В послевоенный период за выполнение специальных заданий и проявленные при этом героизм и мужество звание Героя Советского Союза было, в частности, присвоено разведчику-нелегалу Геворку Андреевичу Вартаняну.

20 марта 1992 года Законом Российской Федерации № 2553 было установлено звание Героя Российской Федерации и учреждена медаль «Золотая Звезда».

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны и проявленные при этом мужество и героизм звание Героя России было присвоено сразу пятерым ветеранам Службы внешней разведки: Леониду Романовичу Квасникову, Анатолию Антоновичу Яцкову, Леонтине Коэн — всем посмертно, а также Александру Семеновичу Феклисову и Владимиру Борисовичу Барковскому. Несколько ранее, 20 июля 1995 года, такого же высокого звания был посмертно удостоен другой легендарный советский разведчик, Моррис Коэн — муж и боевой товарищ Леонтины Коэн. Почти через 50 лет Родина по достоинству оценила труд этих сотрудников внешней разведки. Благодаря их усилиям в годы Великой Отечественной войны были добыты, в частности, важнейшие материалы по атомной энергии и ее использованию в военных целях. Это позволило нашей стране в послевоенный период в кратчайшие сроки ликвидировать монополию США в области ядерного оружия.

В 2007 году за успешное выполнение специальных заданий в тылу противника в период Великой Отечественной войны званием Героя Российской Федерации был отмечен ветеран внешней разведки Алексей Ботян.

Данные награды являются свидетельством того, что работа этих мужественных и скромных людей в разведке была приравнена к подвигу.

Следует особо подчеркнуть, что деятельность разведчиков, входивших в период Великой Отечественной в состав диверсионно-разведывательных отрядов и групп НКВД СССР, получила высокую оценку Г.К. Жукова. «Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки, например, весной 1943 года, — писал он, — мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед лешим наступлением... Хорошо работающая разведка... была одним из слагаемых в сумме прочих, обеспечивающих успех этого величайшего сражения».

Оценивая действия советских разведчиков и партизан, маршалу Советского Союза вторил гитлеровский генерал Г. Гудериан: «Малая война за линией фронта оказала решающее влияние на исход целых сражений,

например в 1944 году на центральном участке Восточного фронта».

Эти оценки можно по праву отнести и к чекистам-разведчикам, возглавлявшим во время войны с гитлеровцами в их тылу отряд специального назначения НКВД СССР.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ВАРТАНЯН ГЕВОРК АНДРЕЕВИЧ

(см.: Часть пятая, глава 3)

ВАУПШАСОВ СТАНИСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ

Станислав Ваупшасов родился 27 июля 1899 года в деревне Грузджяй Шауляйского уезда Ковенской губернии (Литва) в семье крестьянина, литовца по национальности.

В детские годы батрачил у помещика. Затем перебрался в Москву и трудился землекопом, арматурщиком. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Воевал сначала на Южном фронте, потом против банд Дутова и корпуса белочехов.

С 1920 по 1925 год находился на подпольной работе в западных областях Белоруссии, оккупированных белополяками, являлся командиром одного из партизанских отрядов.

После окончания школы командного состава Красной Армии в 1937 году был направлен в Испанию, руководил разведывательно-диверсионными операциями республиканцев в тылу франкистских войск.

С 1939 года — в органах государственной безопасности. Участвовал в боях с белофиннами, находился на разведывательной работе за границей.

В период Великой Отечественной войны более двух лет возглавлял отряд особого назначения «Местные», действовавший в тылу врага в окрестностях Минска. За 28 месяцев войны бойцы отряда подорвали 187 эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами. В боях и в результате диверсий было уничтожено свыше 14 тысяч немецких солдат и офицеров.

За умелое руководство боевыми операциями по разгрому врага, за

мужество и отвагу Ваупшасову Станиславу Алексеевичу 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

После освобождения Белоруссии Ваупшасов был направлен на Дальний Восток. Участвовал в боевых операциях против японских милитаристов.

Родина высоко оценила заслуги выдающегося разведчика-героя. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, многими медалями.

В 1954 году полковник Ваупшасов уволился в запас и занялся литературной деятельностью. Он опубликовал несколько книг, посвященных ратному подвигу партизан в годы Великой Отечественной войны. Наиболее известными из них являются: «На разгневанной земле», «Партизанская хроника» и «На тревожных перекрестках». Ветеран часто выступал перед молодыми сотрудниками внешней разведки.

В 1956 году, в дни, когда мир был поставлен под угрозу объединенным англо-франко-израильским нападением на Египет, названным историками Суэцким кризисом, полковник в отставке Ваупшасов направил рапорт на имя руководства советских органов государственной безопасности, в котором, в частности, подчеркнул:

«Советские люди никогда не были и не будут пассивными зрителями международного разбоя.

Считаю своим долгом коммуниста принять непосредственное участие в этой борьбе».

19 ноября 1976 года после продолжительной и тяжелой болезни Станислав Алексеевич Ваупшасов скончался.

КУДРЯ ИВАН ДАНИЛОВИЧ

Иван Кудря родился 24 июня 1912 года на Украине в селе Сальково Киевской губернии. Рос без отца, батрачил, учился в школе, трудился слесарем в МТС.

После окончания педагогических курсов некоторое время работал директором в сельской школе. Затем служил на пограничной заставе на западной границе. В 1938 году окончил Военно-политическое училище БКВД, был принят на работу в центральный аппарат внешней разведки и командирован со специальным заданием на Украину. Занимался

разработкой националистического подполья в западных областях республики. Война с фашистской Германией застала его в Киеве.

Когда стало очевидно, что паши войска будут вынуждены временно уйти из Киева, Центром было решено оставить Кудрю в городе в качестве нелегального резидента для руководства разведывательно-диверсионной группой, созданной во вражеском тылу из числа кадровых сотрудников госбезопасности и местных патриотов.

Уже в конце сентября 1941 года резидентура Кудри провела первые акции возмездия. Через некоторое время под началом Кудри действовало уже семь диверсионных групп. Одновременно резидентура добывала и передавала в Центр исключительно ценную разведывательную информацию о военных укреплениях врага в районе Киева, дислокации немецких штабов и учреждений. Разведчики внедрились в школу абвера. В итоге были получены подробные сведения на более чем 80 гитлеровских шпионов и диверсантов, заброшенных абвером в тылы Красной Армии.

5 июля 1942 года по предательскому доносу Кудря был арестован. В течение трех месяцев день за днем его жестоко истязали на допросах. Однако непрерывные шатки не сломили волю мужественного разведчика.

8 мая 1965 года, в канун 20-й годовщины победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов, Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в создании и руководстве нелегальной разведывательно-диверсионной резидентуры, мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Кудре Ивану Даниловичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

КУЗНЕЦОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Николай Кузнецов родился 27 июля 1911 года в уральской деревушке Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии, располагавшейся в 225 километрах от Екатеринбурга, в крестьянской семье.

В годы учебы в школе обнаружил незаурядные способности к изучению иностранных языков. Особенно легко ему давался немецкий язык. Постоянно общаясь со школьной учительницей, получившей образование в немецкой части Швейцарии и с проживавшими в поселке Талица многочисленными немцами из бывших военнопленных Первой мировой войны, Кузнецов освоил несколько диалектов немецкого языка.

Окончив Талицкий лесной техникум, Кузнецов стал работать лесостроителем в земельном управлении города Кудымкар Коми-Пермяцкого национального округа. Там он стал сотрудничать с местными чекистами. В 1934 году Кузнецов переехал в Свердловск, работал в конструкторском отделе Уралмашзавода и учился на вечернем отделении рабфака Уральского индустриального института. По линии местного управления НКВД изучал возможные связи работавших там немецких специалистов с гитлеровской разведкой. В 1938 году переехал в Москву. Совместно с сотрудниками отдела контрразведки центрального аппарата НКВД участвовал в разработке немецких дипломатов.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Кузнецов начал готовиться по линии внешней разведки к работе за границей с нелегальных позиций. Однако война внесла коррективы в эту подготовку. Летом 1942 года он был заброшен в тыл противника для проведения разведывательно-диверсионной работы с позиций отряда специального назначения «Победители». Кузнецов провел серию актов возмездия в отношении высших представителей немецких оккупационных властей на Украине.

Он целенаправленно добывал исключительно важную для советского командования разведывательную информацию.

В ночь с 8 на 9 марта 1944 года Кузнецов погиб в неравной схватке с украинскими националистами в селе Боратин Львовской области.

За образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу врага и проявленные при этом отвагу и мужество Николай Иванович Кузнецов в декабре 1943 года был награжден орденом Ленина, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года ему посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

ЛЯГИН ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Виктор Лягин родился 31 декабря 1908 года в семье железнодорожного служащего станции Сельцо Орловско-Витебской железной дороги, что в полутора десятках километров от Брянска.

В 1934 году окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «инженер-механик», затем работал инженером на Ленинградском станкостроительном заводе.

В 1938 году Лягин был направлен на работу в Управление НКВД по Ленинградской области, а через месяц переведен в Москву для

прохождения службы во внешней разведке. Неоднократно выезжал в краткосрочные командировки за рубеж для выполнения разведывательных заданий по линии научно-технической разведки (НТР). С июля 1939 года по июнь 1941 года находился в служебной командировке в США.

Возвратившись в Москву, Лягин некоторое время руководил центральным аппаратом НТР, а затем во главе группы сотрудников разведки выехал в город Николаев для создания там нелегальной резидентуры «Маршрутники». Перед резидентом Лягиным была поставлена задача организовать в городе разведывательно-диверсионную работу против фашистских захватчиков и возглавить деятельность подпольного антифашистского центра.

Резидентура Лягана провела в Николаеве крупные диверсионные операции по уничтожению нефтебазы, складов, оборудования заводов и морских судов врага. Диверсии следовали одна за другой, немцы не успевали подсчитывать свои потери. Самым значительным ударом для гитлеровцев явилось уничтожение Ингульского военного аэродрома в марте 1942 года. 10 марта на этом аэродроме в воздух взлетели 2 ангара, авиационные ремонтные мастерские, 24 самолета, 25 новых авиамоторов, бензохранилище. Двое суток пылал гигантский костер. Аэродром был выведен из строя.

Разведчики Лягина добывали и передавали в Центр ценную оперативную информацию о противнике.

В марте 1943 года фашистам удалось арестовать Лягина при проведении сложного оперативного мероприятия. На допросах он вел себя мужественно, перенес все ужасы фашистских пыток, но не выдал врагам членов резидентуры. 17 июля 1943 года Лягин был расстрелян.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и мужество капитану госбезопасности Лягину Виктору Александровичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

МЕДВЕДЕВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Дмитрий Медведев родился 22 августа 1898 года в Бежице — небольшом городке Брянского уезда Орловской губернии в семье квалифицированного сталелитейщика. Окончил гимназию. После

Октябрьской революции переехал в Брянск, где работал секретарем отдела Брянского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В 1918 году Медведев добровольно вступил в ряды Красной Армии, принимал активное участие в боях против армии Юденича. С мая 1920 года — в органах ВЧК. Работал в Брянской уездной ЧК, возглавлял ЧК города Старобельска, находился на руководящих должностях в подразделениях ГПУ — ОПТУ Одессы, Харькова, Днепропетровска, Херсона, Киева. В 1936 году окончил курсы высшего начальствующего состава НКВД. За успешную работу в органах государственной безопасности был награжден золотыми часами, дважды — личным именованным оружием, нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ОПТУ».

С началом Великой Отечественной войны Медведев был зачислен в Особую группу НКВД, созданную для ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу врага. С августа 1941 по февраль 1942 года возглавлял оперативный отряд «Митя», проводивший операции в Смоленской, Брянской и Могилевской областях.

С июня 1942 года по сентябрь 1944 года командовал отрядом специального назначения «Победители», действовавшим в Ровенской и Львовской областях. Бойцы отряда провели более 120 операций, уничтожив в боях до 2000 немецких солдат и офицеров, 11 генералов и высших государственных чиновников фашистской Германии, свыше 6000 украинских националистов и полицейских, служивших у гитлеровцев. Подрывники отряда взорвали 81 эшелон противника с живой силой и техникой. За время нахождения во вражеском тылу Дмитрий Николаевич был дважды ранен, получил контузию.

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника полковнику Медведеву в ноябре 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и многими медалями.

В 1946 году Дмитрий Николаевич Медведев вышел в отставку и занялся литературным трудом. Скончался 14 декабря 1954 года.

МОЛОДЦОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Владимир Молодцов родился 5 июня 1911 года в городе Сасово Рязанской губернии в семье железнодорожника. С 18 лет начал трудовую деятельность: был чернорабочим, слесарем. В октябре 1930 года по

комсомольской путевке приехал на шахту в Бобрик-Донской Подмосковного угольного бассейна, где проработал более четырех лет. Одновременно учился на рабфаке Московского инженерно-экономического института.

В 1934 году Молодцов был направлен на работу в органы госбезопасности. После окончания Центральной школы НКВД СССР стал сотрудником Главного управления НКВД по Москве и Московской области.

В марте 1941 года Молодцов получил назначение на работу во внешнюю разведку. Являлся начальником одного из подразделений политической разведки.

В середине июля 1941 года Молодцов был направлен во главе оперативной группы в Одессу для проведения специальных операций. 16 октября 1941 года советские кадровые части покинули город. Молодцов остался в Одессе в качестве резидента-нелегала для руководства созданной там агентурной сетью и организации разведывательной и диверсионной работы. В трудных условиях подполья, находясь в блокированных врагом одесских катакомбах, он создал два партизанских отряда. Бойцы резидентуры Молодцова провели ряд масштабных диверсий непосредственно в городе, в порту, на железной дороге, на аэродроме. Они добывали важную военную и политическую информацию.

Своими активными действиями сотрудники резидентуры Молодцова в течение нескольких месяцев отвлекали на себя крупные силы врага. Но чем успешнее они действовали, тем свирепее становились оккупанты. Они травили патриотов газом, замуrowали входы в катакомбы.

В июне 1942 года фашистам удалось схватить отважного разведчика. В тюрьме его жестоко пытали, но он не выдал своих товарищей. 12 июля 1942 года Молодцов был казнен.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм Владимиру Александровичу Молодцову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ОРЛОВСКИЙ КИРИЛЛ ПРОКОФЬЕВИЧ

Кирилл Орловский родился 18 января 1895 года в селе Мышковичи Могилевской губернии в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу, занимался сельским хозяйством, помогая родителям.

В 1915 году был призван на действительную военную службу. В чине унтер-офицера — командира саперного взвода воевал на Западном фронте. После Октябрьской революции принял решение стать на сторону новой власти.

В 1918 году Орловского направили на работу в ВЧК. До 1925 года, находясь на подпольной работе, командовал партизанскими отрядами в тылу оккупационных немецких войск на территории панской Польши. В 1930 году окончил Коммунистический университет национальных меньшинств запада. Затем в течение пяти лет находился на негласной оперативной работе по линии Особого отдела НКВД БССР. В 1937 — 1938 годах выполнял ответственные задания советской внешней разведки в Испании. За боевые заслуги был награжден орденом Ленина.

В период Великой Отечественной войны Орловский командовал отрядом специального назначения «Соколы», действовавшим на территории Белоруссии. Бойцы отряда участвовали во многих сражениях с оккупантами, провели в тылу у немцев ряд успешных диверсий по уничтожению военно-промышленных объектов и воинских эшелонов противника.

В одном из боев в августе 1943 года К.П. Орловский был тяжело ранен. Ему оторвало правую руку и сильно контузило, но командир не прекращал руководить операцией и вывел своих бойцов в безопасное место.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу противника полковник Орловский в сентябре 1943 года был удостоен звания Героя Советского Союза. Его ратный труд был также отмечен тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, другими боевыми наградами.

В 1944 году К.П. Орловский вышел в отставку и был избран председателем колхоза «Рассвет» в своем родном селе, который вскоре стал одним из лучших в стране. В 1965 году за выдающиеся трудовые достижения К.П. Орловскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он был награжден пятым орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Скончался Кирилл Прокофьевич Орловский в 1968 году.

ПРОКОПЮК НИКОЛАЙ АРХИПОВИЧ

Николай Прокопюк родился 7 июня 1902 года на Волыни, в селе Самчики Старо-Константиновского уезда Каменец-Подольской губернии (позже — Хмельницкой области) в семье рабочего местного сахарного завода. После окончания церковно-приходской школы работал в найме у помещика. В 1916 году сдал экстерном экзамены за курс гимназии.

После революции Прокопюк работал на заводе. В 1920 году добровольно вступил в Красную Армию, воевал с денкинцами и на польском фронте. В 1921 году его как опытного бойца направляют на работу в органы госбезопасности. Прокопюк становится сотрудником Шенстовского окружного отделения ГПУ, принимает участие в уничтожении диверсионно-террористических групп, засылаемых польской разведкой на нашу территорию. В 1923 году награжден почетным боевым оружием. Затем в течение семи лет находился на разведывательной работе в пограничных войсках (Славутский и Могилев-Подольский погранотряды).

Начальник отделения Особого отдела УГБ НКВД УССР Николай Прокопюк не остался равнодушным к событиям в Испании, вызванным военно-фашистским мятежом, который начался 18 июля 1936 года. Он стремится действенным образом оказать помощь испанским антифашистам. Советское правительство разрешило выезд в Испанию добровольцев, и 4 апреля 1937 года Н. А. Прокопюк подает рапорт на имя начальника Особого отдела НКВД Украины майора госбезопасности Исаака Купчика:

«...Имея опыт разведывательной работы и руководства специальными и боевыми операциями, а также теоретический опыт партизанской борьбы и диверсий, прошу Вашего ходатайства о командировании меня на специальную боевую работу в Испанию».

Рапорт пошел по команде, и в мае того же года в Москве было принято решение направить Николая Архиповича в Испанию по линии внешней разведки в качестве помощника резидента НКВД в Барселоне, закрепив его в дальнейшем за центральным аппаратом разведки. А уже 1 июля он принимал участие в боевых действиях.

В период нахождения в Испании «команданте Николас» являлся советником и командиром партизанского отряда на Южном фронте, старшим советником 14-го корпуса республиканской армии.

За участие в спецоперациях против фашистского режима в Испании Н.А. Прокопюк был награжден орденом Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны Николай Прокопюк находился в тылу немецко-фашистских оккупантов. С августа 1942 года он командовал

отрядом специального назначения «Охотники», действовавшим в Цуманьских лесах. В мае 1944 года отряд Прокпюка, выросший в бригаду, передислоцировался в Яновские леса Люблинского воеводства Польши, а уже в августе того же года развернул активную боевую деятельность на территории восточной части Словакии.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника 5 ноября 1944 года Николаю Архиповичу Прокопюку было присвоено звание Героя Советского Союза. Его ратный труд и служба в разведке были отмечены двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, многими медалями, а также восемью иностранными орденами.

После войны Прокопюк находился в спецкомандировке в Китае, возглавлял один из отделов советской военной администрации в Германии. В 1950 году в звании полковника вышел в запас по болезни.

Скончался Николай Архипович Прокопюк в 1975 году.

РАБЦЕВИЧ АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ

Александр Рабцевич родился 14 марта 1897 года в деревне Лозовая Буда Бобруйского уезда Минской губернии (ныне — Могилевская область Республики Беларусь) в крестьянской семье. После окончания сельской школы трудился в родной деревне. В 1916 году был призван в армию. Служил рядовым, затем — унтер-офицером.

В 1918 году Рабцевич добровольно вступил в Красную Армию. После окончания Школы комсостава РККА в 1920 году был направлен в командировку в Западную Белоруссию по линии «активной разведки» Разведывательного управления Штаба РККА. Более трех лет командовал партизанскими отрядами специального назначения под Барановичами и Пинском.

В 1925 году Рабцевич был переведен на работу в органы государственной безопасности. В 1937 — 1938 годах находился в командировке в Испании по линии внешней разведки. Принимал непосредственное участие в боях с франкистскими мятежниками, командовал разведотрядом 18-й бригады республиканской армии. После возвращения из Испании был командирован в Минск, в распоряжение НКВД БССР.

С июля 1942 года и до полного освобождения Белоруссии от немецко-

фашистских захватчиков Рабцевич руководил в тылу противника разведывательно-диверсионным отрядом специального назначения «Храбрецы». Бойцы отряда совершили более 200 диверсий, подорвали бронепоезд и 91 эшелон, 24 танка, 26 бронемашин, 102 автомашины, вывели из строя 5 шоссейных мостов и много других технических сооружений. Кроме того, отряд вел постоянную детальную разведку военных объектов немецких оккупантов, данные о которых передавались в Центр и использовались советской авиацией.

После полного освобождения Белоруссии отряд Рабцевича продолжил борьбу с немецко-фашистскими захватчиками на территории Польши.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу противника и проявленные при этом отвагу и мужество Александру Марковичу Рабцевичу 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Его ратные подвиги были отмечены орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и многими медалями.

После войны полковник Рабцевич продолжил службу в органах государственной безопасности. В 1952 году вышел в отставку по состоянию здоровья. Скончался 11 апреля 1961 года.

ГЕРОИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

БАРКОВСКИЙ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ

Владимир Барковский родился 16 октября 1913 года в городе Белгороде Курской губернии в семье служащего. В 1930 году пошел работать на завод слесарем. Одновременно учился на рабфаке. В 1934 году стал студентом Московского станко-инструментального института. В студенческие годы активно занимался планерным и парашютным спортом в Московском аэроклубе. Одновременно окончил летную школу и был приписан как нилот запаса к одному из истребительных полков ПВО Москвы.

В 1939 году Барковский был направлен на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности. Получив разведывательную подготовку в Школе особого назначения, он в ноябре 1940 года выехал в Англию в качестве оперативного сотрудника лондонской резидентуры. Занимался

научно-технической разведкой, приобрел ряд источников, через которых получал важную секретную информацию, в частности, по проблеме разработки и создания атомного оружия. В дальнейшем выезжал в командировки в США и страны Западной Европы. Прошел путь от рядового разведчика до резидента. Занимал руководящие должности в центральном аппарате разведки.

С середины 1960-х годов Барковский — профессор одной из кафедр Краснознаменного института КГБ. Разведывательному мастерству у него учились сотни будущих разведчиков. Он являлся кандидатом исторических наук, автором многих научных трудов по разведывательной проблематике.

В 1984 году вышел в отставку по возрасту.

За достигнутые высокие разведывательные результаты полковник Барковский был награжден орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». 15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны ему было присвоено звание Героя России.

Скончался Владимир Борисович Барковский 21 июля 2003 года.

БОТЯН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Алексей Ботян родился 10 февраля 1917 года в деревне Чертовичи Вильненской губернии Белоруссии (с марта 1921 года — территория Польши).

По окончании школы был призван в польскую армию, в составе которой, командуя расчетом зенитного орудия, в сентябре 1939 года участвовал в боях с немцами. Под Варшавой сбил три самолета «Юнкерс».

Когда восточные районы Польши заняли советские войска, Ботян стал гражданином СССР, преподавал в начальной школе. С 1941 года — в органах государственной безопасности. Окончил школу НКВД.

В период Великой Отечественной войны по линии 4-го управления НКВД выполнял специальные задания за линией фронта. Принимал непосредственное участие в уничтожении немецкого гебитскомиссариата на Житомирщине, разгроме немецкого гарнизона в польском городе Илжа, а также в спасении от уничтожения польского города Кракова.

После окончания войны и вплоть до выхода в отставку в 1983 году работал во внешней разведке, выполнял важные задания в странах со сложной оперативной обстановкой. Стоял у истоков создания спецподразделения «Вымпел».

Заслуги полковника Ботяна в годы Великой Отечественной войны и в период работы в разведке отмечены двумя орденами Красного Знамени, орденом Мужества, орденом Отечественной войны 1-й степени, многими медалями, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а также орденами и медалями Польши и Чехословакии. Он является почетным гражданином польского города Илжа.

За мужество и героизм, проявленные в ходе операции по освобождению польского города Кракова и предотвращению уничтожения его немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президента России В.В. Путина от 9 мая 2007 года Ботяну Алексею Николаевичу присвоено звание Героя Российской Федерации.

КВАСНИКОВ ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ

Леонид Квасников родился 2 июня 1905 года в семье железнодорожника на станции Узловая Тульской губернии. После окончания в 1926 году Тульского железнодорожного техникума работал помощником машиниста и машинистом паровоза.

В 1934 году Квасников с отличием окончил механический факультет Московского института химического машиностроения. Год работал инженером на Чернореченском химическом комбинате в городе Дзержинске Горьковской области, затем учился в аспирантуре МИХМ.

На работу в органы государственной безопасности Квасников пришел в сентябре 1938 года, будучи уже перспективным ученым. С 1939 по 1942 год работал заместителем, а затем — начальником отделения научно-технической разведки (НТР). Неоднократно выезжал в Германию и Польшу для выполнения разведывательных задач.

В январе 1943 года Квасников выехал на работу в нью-йоркскую резидентуру, где возглавил линию научно-технической разведки. Под его руководством была добыта важнейшая научная и военно-техническая информация, в частности материалы по использованию атомной энергии в военных целях. Из резидентуры в Центр поступала в большом объеме секретная документальная информация и образцы техники по авиации,

радиолокации, химии, медицине.

После успешного завершения командировки продолжил работу в центральном аппарате разведки. С 1948 по 1963 год являлся начальником отдела НТР. В 1964 — 1966 годах работал старшим консультантом при начальнике внешней разведки по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел в отставку.

За достигнутые высокие разведывательные результаты полковник Квасников был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, в также нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

Скончался 15 октября 1993 года.

Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года Леониду Романовичу Квасникову было посмертно присвоено звание Героя России.

КОЭН ЛЕОНТИНА

Леонтина Тереза Петке (в замужестве — Коэн) родилась в Массачусетсе (США) 11 января 1913 года в семье польских эмигрантов. До 15 лет училась в школе, а затем была вынуждена зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на кондитерской фабрике, являлась профсоюзной активисткой. В 1936 году вступила в ряды компартии США.

Со своим будущим мужем Моррисом Леонтина познакомилась на антифашистском митинге в 1937 году. В июне 1941 года молодые поженились.

Леонтина догадывалась о связях мужа с советской разведкой и без колебаний согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

В 1942 году Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу. Участвовал в боевых действиях против фашистов, имел боевые награды. А Леонтина в военные годы продолжала активно сотрудничать с советской разведкой. В 1945 году принимала непосредственное участие в операции по получению секретных документов, касающихся создания атомного оружия в США.

В 1949 — 1950 годах Леонтина Коэн входила в состав резидентуры

разведчика-нелегала Вильяма Фишера (Рудольфа Абея). С1951 по 1954 год находилась в Москве, где прошла специальную подготовку радиста-шифровальщика. С1955 года вместе с мужем работала в Лондоне в резидентуре разведчика-нелегала Конона Молодого. За период работы в Англии нелегальная резидентура получила и передала в Центр большое количество секретных документальных материалов, в частности по ракетному оружию.

В январе 1961 года в результате предательства Леонтина Коэн была арестована и приговорена к 20 годам тюремного заключения. В 1969 году была обменена на агента британских спецслужб, арестованного в СССР, и прибыла в Москву. В 1970 году получила советское гражданство.

До последних дней жизни Леонтина Коэн продолжала работать в нелегальной разведке: выполняла специальные задания, выезжала в различные страны для организации встреч с разведчиками-нелегалами. Скончалась 23 декабря 1992 года.

За заслуги в деле обеспечения безопасности нашей страны Леонтина Коэн была награждена орденами Красного Знамени и Дружбы народов, медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке». 15 июня 1996 года ей посмертно было присвоено высокое звание Героя России.

КОЭН МОРРИС

Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать родилась в Вильно. В начале XX века семья Коэнов эмигрировала в США.

После обучения в колледже Моррис поступил в Колумбийский университет, который окончил в 1935 году. Работал преподавателем истории в средней школе. В 1936 году вступил в компартию США.

Гражданская война в Испании не оставила равнодушным Коэна, и в июле 1937 года он отправился туда добровольцем. Воевал на стороне республиканцев в составе интербригады имени Авраама Линкольна. Был ранен.

В 1938 году Коэн был привлечен к секретному сотрудничеству с советской разведкой. В ноябре того же года по заданию Центра возвратился в США, где использовался нью-йоркской резидентурой в качестве агента-связника. В начале 1941 года женился на Леонтине Петке, которая стала его надежной помощницей в разведывательной деятельности.

В 1942 году Коэн был призван в армию, участвовал в боях против фашистских войск в Европе. В конце 1945 года демобилизовался и возвратился в Нью-Йорк. Вместе с женой Леонтиной он обеспечивал конспиративную связь с рядом наиболее ценных источников резидентуры.

В начале 1949 года супруги Коэны были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала Вильяма Фишера (Рудольфа Абея). В 1951 — 1954 годах находились в Москве, где проходили специальную разведывательную подготовку. В 1955 году выехали в Англию в качестве сотрудников резидентуры разведчика-нелегала Конона Молодого. В течение пяти лет резидентура успешно добывала в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО.

В январе 1961 года Коэн был арестован и приговорен к 20 годам тюремного заключения. В августе 1969 года обменен на арестованных в СССР подданных Великобритании и выехал в Москву. В 1970 году был принят в советское гражданство. До последних дней жизни продолжал трудиться в нелегальной разведке. Скончался 23 июня 1995 года.

За выдающийся вклад в обеспечение государственной безопасности нашей страны Моррис Коэн был награжден орденами Красного Знамени и Дружбы народов, многими медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке». Указом Президента Российской Федерации от 20 июля 1995 года ему посмертно было присвоено звание Героя России.

ФЕКЛИСОВ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

Александр Феклисов родился 8 марта 1914 года в Москве в семье железнодорожного стрелочника. Окончил железнодорожную школу-семилетку, затем фабрично-заводское училище при заводе им. Войтовича. Работал помощником машиниста на паровозе.

В 1939 году окончил Московский институт инженеров связи и был направлен на работу в органы государственной безопасности с зачислением на учебу в Школу особого назначения НКВД, готовившую кадры для внешней разведки.

В январе 1941 года Феклисов был командирован в США в качестве оперативного сотрудника нью-йоркской резидентуры по линии научно-технической разведки. Активно работал по проблемам разработки американцами атомного оружия. От его источников были также получены и

направлены в Центр ценные сведения в области военной авиации, ракетной техники, электроники, в том числе о новейших в то время сонарах, радарах, прицельных системах, зенитных радиовзрывателях, компьютерах.

В 1947 — 1950 годах Феклисов находился на руководящей работе в лондонской резидентуре. С 1960 по 1964 год возглавлял резидентуру советской внешней разведки в Вашингтоне. Принимал непосредственное участие в разрешении Карибского ракетно-ядерного кризиса 1962 года.

В начале 1965 года Феклисов был назначен начальником факультета Краснознаменного института КГБ (ныне — Академия внешней разведки). Много сил и энергии он отдал воспитанию будущих разведчиков.

В 1974 году полковник Феклисов вышел в отставку по возрасту. За заслуги в разведывательной работе он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за выдающийся вклад в обеспечение безопасности нашей страны Александру Семеновичу Феклисову было присвоено звание Героя России.

Скончался Александр Семенович 26 октября 2007 года.

ЯЦКОВ АНАТОЛИЙ АНТОНОВИЧ

Анатолий Яцков родился 31 мая 1913 года в бессарабском городе Аккерман, который ныне называется Белгород-Днестровский. В 1914 году семья переехала на жительство в Центральную Россию, в Большую Грибаповку, что на Тамбовщине.

После окончания средней школы Анатолий некоторое время трудился на местном сахарном заводе, а затем перебрался в Москву. В 1937 году закончил Московский полиграфический институт и начал работать инженером-технологом на столичной картографической фабрике имени Дунаева. Одновременно активно занимался парашютным спортом.

В конце 1938 года А.А. Яцков по рекомендации ЦК ВКП(б) направляется на работу во внешнюю разведку органов государственной безопасности и зачисляется на учебу в Школу особого назначения НКВД СССР.

Перед началом Великой Отечественной войны молодой разведчик

выехал на оперативную работу в нью-йоркскую резидентуру. В период командировки проводил ответственные операции по добыванию особо секретной и важной для советской оборонной промышленности информации, в частности, по созданию в США атомного оружия.

В послевоенный период Яцков занимал руководящие должности в центральном аппарате разведки, неоднократно выезжал в долгосрочные заграничные командировки, возглавлял факультет научно-технической разведки в Краснознаменном институте КГБ СССР имени Ю.В. Андропова (ныне — Академия внешней разведки).

За заслуги в разведывательной работе и большой личный вклад в дело обеспечения безопасности нашей страны полковник Яцков был награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

В 1985 году Яцков вышел в отставку по возрасту, но до последних дней продолжал активно участвовать в воспитании молодых сотрудников разведки, часто выступал в средствах массовой информации со статьями, воспоминаниями, рецензиями.

Скончался 26 марта 1993 года.

Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 года Анатолию Антоновичу Яцкову было посмертно присвоено звание Героя России.

Часть четвертая. СЕКРЕТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Хотим мы того или не хотим, но приходит время, и то, что было Великой Государственной Тайной, теряет свою исключительность и секретность в силу крутых поворотов в истории государства и становится общим достоянием — было бы желание знать правду

П.А. Судоплатов

На полях сражений Великой Отечественной войны советские войска отстаивали свободу и независимость не только своей страны. Это была и борьба за независимость стран, захваченных фашизмом. Освободительный характер войны отметил в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года И.В. Сталин. Единые цели в борьбе с фашизмом нашли отражение в создании антигитлеровской коалиции — военно-политического союза государств, в который вошли страны с диаметрально противоположными идеологическими и политическими системами.

Следует подчеркнуть, что антигитлеровская коалиция, объединившая в своих рядах коммунистический Советский Союз и западные страны — США и Англию, являлась уникальным военно-политическим явлением и преследовала, в первую очередь, необходимость устранения угрозы, которая исходила от германского нацизма и его военной машины. Союз этот был и с той, и с другой стороны вынужденным, рассматривался как нечто противоестественное и временное. Каждая сторона стремилась максимально использовать коалицию в своих интересах, чтобы подготовить выгодные для себя позиции на период после окончания войны.

До сих пор мало известно о том, что в период войны впервые между СССР, с одной стороны, Англией, а затем и США — с другой, устанавливались контакты по линии разведывательных служб. И хотя стороны относились друг к другу настороженно, тем не менее сам факт

такого сотрудничества знаменателен как знак поиска новых форм отношений между членами антифашистской коалиции, несмотря на разделявшие их социальные и политические разногласия.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКОЙ

ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ

Первым серьезным шагом к созданию антигитлеровской коалиции было заключение 12 июля 1941 года соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против фашистской Германии, предусматривавшее оказание взаимной помощи. Соглашение было подписано в Москве в результате переговоров с представительной правительственной делегацией из Лондона.

А уже в конце июля в развитие этого соглашения английское правительство сделало предложение советскому правительству о налаживании сотрудничества между разведками двух стран в борьбе против нацистских спецслужб. Для переговоров по этому вопросу 13 августа в Москву прибыл представитель британской разведки полковник Гнилее. Англичане усиленно пытались скрыть от советской стороны официальное название службы, которую представлял Гиннес. Позже выяснилось, что он являлся ответственным сотрудником «Специал оперейшен Экзекютив» (СОЭ) — специальной секретной службы по ведению подрывной работы против Германии и ее союзников, входившей в состав английского Министерства экономической войны. В оперативной переписке НКГБ эта служба получила кодовое название «Секта».

На другой день, 14 августа, начались переговоры о сотрудничестве между разведками двух стран. С советской стороны в них принимали участие опытные сотрудники внешней разведки: один из ее руководителей Василий Зарубин, который был представлен англичанам как генерал Николаев, и начальник англо-американского отдела разведки полковник Иван Чичаев.

Переговоры велись конспиративно, без привлечения переводчика и секретаря. Об их истинном содержании знали только Сталин, Молотов и Берия. Как докладывал Гиннес своему руководству, о чем своевременно информировала Центр лондонская резидентура, получавшая информацию от одного из членов «Кембриджской пятерки», «переговоры начинались после завтрака ежедневно и продолжались до трех-четырёх часов утра с перерывом на обед».

29 сентября были подписаны два документа по вопросам взаимодействия советской и британской внешних разведок: «Запись того, в чем согласились советские и британские представители в своих беседах по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников» и «Предварительный план общей линии поведения в подрывной работе для руководства советской и британской секций связи». Свои подписи под документами поставили Николаев (Зарубин) и Гиннес. В своем отчете в Лондон последний подчеркивал: «Как мной, так и русскими представителями, соглашение рассматривается не как политический договор, а как основа для практической работы наших связующих звеньев и не нуждается в официальной подписи».

Согласно этим документам обе стороны обязались оказывать друг другу помощь в обмене разведывательной информацией по гитлеровской Германии и ее сателлитам, в организации и проведении диверсий, заброске агентуры в оккупированные Германией европейские страны и организации связи с ней. Стороны также согласовали условия поддержки партизанского движения в оккупированных странах Европы. Главными объектами подрывной деятельности Англии и СССР в документах определялись все виды транспорта и военной промышленности противника.

В качестве связующих звеньев, которые должны были координировать усилия разведок двух стран в борьбе против гитлеровских спецслужб, документы предусматривали создание в Москве и Лондоне соответствующих миссий связи.

Руководителем советской миссии связи с британской разведкой в Лондоне был назначен полковник Чичаев.

СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК ИВАН ЧИЧАЕВ

Иван Андреевич Чичаев родился 24 сентября 1896 года в крестьянской семье, что проживала в селе Ускляй Рузаевского уезда Мордовии, затерянном на сотни верст вдали от больших городов.

Иван закончил церковно-приходскую школу, в которой овладел грамотой и письмом, и в 1910 году отправился на заработки в Москву. Работал посыльным в бакалейном магазине, грузчиком, агентом по продаже книг в издательстве «Универсальная библиотека». В свободное время выкраивал деньги и посещал театры: смотрел пьесы Горького, в Большом театре слушал Шаляпина, Собинова, Нежданову. Тяга к знаниям не покидала любознательного паренька, и Иван поступил на вечерние курсы

филиала университета Шаньявского.

Однако закончить курсы Ивану не удалось: началась война. Он возвратился в родной Ускляй и был призван в армию. Служил в запасном батальоне в городе Инсаре, где в 1917 году узнал о Февральской революции в Петрограде.

Иван Чичаев активно включается в революционную деятельность: является членом Совета солдатских депутатов, избирается председателем дивизионного комитета. В мае 1917 года в составе маршевой роты он направляется на Юго-Западный фронт. В районе Новосельцев получает боевое крещение. На Юго-Западном фронте его застаёт известие об Октябрьской революции.

В декабре 1917 года полковой комитет направляет Ивана Чичаева на родину для установления советской власти в Мордовии. Он становится председателем Исполкома Рузаевского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а по совместительству — бойцом местного отряда Красной Гвардии. В июле 1918 года в Рузаевке, где располагался штаб Первой Красной Армии под командованием М. Тухачевского, создается уездная Чрезвычайная комиссия (ЧК), и Чичаев, которому в ту пору не исполнилось еще и 22 лет, становится председателем ревкомиссии и Узловой транспортной ЧК. В 1920 году он назначается председателем ЧК на станции Алатырь. В 1921 — 1922 годах является представителем ГПУ на Московской железной дороге, обеспечивает восстановление разрушенного за годы Гражданской войны железнодорожного транспорта.

В начале 1923 года Чичаев переводится на работу в штат Наркомата иностранных дел и готовится к выезду за границу. Он активно изучает литературу по истории дипломатии, международному праву, поступает на курсы иностранных языков. В декабре 1923 года Чичаев назначается на должность заведующего консульским отделом советского полпредства в столице Монголии Угре. Одновременно занимается контрразведывательным обеспечением советского дипломатического представительства в этой стране.

В 1924 — 1925 годах был консулом СССР в Тувинской Республике. С 1925 по 1927 работал референтом в центральном аппарате НКВД, одновременно учился на курсах иностранных языков и в комвузе.

С 1928 года возглавлял резидентуру внешней разведки в Сеуле. От завербованного им источника Чичаев получил исключительно ценный материал — «меморандум Танаки». После разгрома милитаристской Японии в 1945 году «меморандум Танаки» фигурировал в качестве официального документа на Токийском трибунале, осудившем японских

военных преступников.

По возвращении из Сеула Чичаев окончил Институт права и некоторое время работал в центральном аппарате разведки. Затем последовали командировки в качестве резидента в Выборге, Эстонии, Латвии и Швеции.

С 14 августа 1941 года совместно с В.М. Зарубиным принимал участие в переговорах с представителем британской разведки о налаживании сотрудничества в борьбе против нацистских спецслужб, а затем был назначен руководителем советской миссии связи в Лондоне.

В начале октября 1941 года Чичаев со своими сотрудниками прибыл в английскую столицу. Официально он являлся советником посольства СССР и поверенным в делах при находившихся в Лондоне эмигрантских правительствах европейских стран, оккупированных Германией и Италией. Однако эта должность была лишь официальным прикрытием его негласной деятельности в качестве представителя советской внешней разведки при спецслужбах Великобритании. Англичане не афишировали истинное содержание его пребывания на берегах Туманного Альбиона, однако пристально наблюдали за деятельностью советского разведчика.

Для поддержания контакта с советской миссией английские коллеги сформировали группу работников «Секты» во главе с полковником Гейскеллом. Встречи с ним обычно проходили на подобранной англичанами конспиративной квартире, иногда — в доме советского представителя.

БРИТАНСКИЙ РАЗВЕДЧИК ДЖОРДЖ ХИЛЛ

В советской столице английскую разведку представлял полковник Джордж Хилл, которому вскоре было присвоено звание бригадного генерала.

Джордж Альфред Хилл родился в 1893 году в Лондоне. Его отец был британским коммерсантом, долгое время торговавшим в дореволюционной России и в Персии. Свое детство и юность Джордж провел в трех странах — Англии, России и Персии. Он великолепно владел русским, персидским и армянским языками. Благодаря русской няне, родом из Казани, воспитывавшей его, Джордж с детства хорошо говорил по-татарски. Позднее изучил французский, болгарский и немецкий языки.

Хилл очень гордился своим происхождением: он являлся наследником и продолжателем старинного английского рода Стюардов, эмблемой которого служила птица, вырывающая из своей груди перья для постройки

гнезда. Все его ближайшие родственники, как и сам Дж. Хилл, были масонами.

Участь в британском колледже, Джордж на время каникул приезжал в Россию к родителям. После окончания колледжа в 1910 году он стал компаньоном своего отца. В связи с коммерческой деятельностью много ездил по различным городам обширной Российской империи. Позже он часто рассказывал друзьям о своей встрече с великим пролетарским писателем Максимом Горьким, к которому всю жизнь относился с глубоким уважением.

Знание многих иностранных языков не могло не привлечь к Дж. Хиллу внимания британских спецслужб. Сам он в мемуарах пишет, что попал на службу в британскую разведку СИС в годы Первой мировой войны.

Первая мировая война застала Дж. Хилла в Канаде, где он служил в армии в пехотном полку. Вскоре полк был переброшен во Францию. Дж. Хилл стал переводчиком и занимался допросами военнопленных и изучением захваченных документов. В сражении под Нев-Шапелью он захватил с поличным германского шпиона. Привлекался к заброске британских агентов в оккупированные кайзеровской Германией страны. В 1915 году сам был заброшен с разведывательным заданием в Бельгию, где осуществлял визуальную разведку. Собранные сведения Дж. Хилл нанес симпатическими чернилами на оберточную бумагу, в которую были завернули бутерброды с очень жирной ветчиной. На границе с нейтральной Голландией немцы не обратили внимания на сальную бумагу, которая затем была выставлена в музее британской разведки СИС в качестве оригинального экспоната.

В годы Первой мировой войны Дж. Хилл по заданию СИС оказывал помощь русской контрразведке в борьбе с германским шпионажем. В августе 1917 года он был направлен в миссию генерал-лейтенанта Пула в Петрограде и причислен к Ставке Русской армии в Могилеве.

После победы Октябрьской революции английским руководством была поставлена перед СИС основная задача — не допустить сближения Германии с Россией и заключения мира между ними. В декабре 1917 года Дж. Хилл вместе с канадским полковником Бойлем по заданию британской разведки отправляется в Петроград с целью убедить советских руководителей продолжить дальнейшее сопротивление войскам кайзеровской Германии. В обмен Англия была готова взять на себя обязательство по снабжению Юго-Западного фронта.

Бойль и Хилл были приняты в Смольном. По словам последнего, они вели переговоры с Н.И. Подвойским и Н.И. Мурашовым и занимались

наведением порядка на российских железных дорогах и организацией снабжения продовольствием Москвы и Петрограда.

В марте 1918 года Дж. Хилл встречался в Москве с Лениным и Троцким, которые произвели на него большое впечатление. Однако молодая Советская Россия не имела сил сопротивляться наступлению кайзеровских войск и была вынуждена подписать с Германией Брестский мир. В ответ страны Антанты организовали заговор против советского правительства. Дж. Хилл принимал участие в деятельности резидентуры британской разведки под руководством Локкарта, в том числе в «заговоре послов» против советского правительства.

После того как Локкарта выслали из России, Дж. Хилл возвратился в Лондон и работал в русском отделе СИС. Вскоре он был направлен на юг России, на территорию, контролируемую Добровольческой армией Деникина. В годы оккупации британскими войсками русского Закавказья Хилл выполнял задания британской разведки в Грузии. После краха Белого движения был снова отозван в Лондон. В 1921 году направлен в Константинополь в качестве политического офицера Главной квартиры оккупационных войск, где объектом внимания британской разведки по-прежнему являлась Советская Россия.

В конце 1921 года подразделение политических офицеров в Константинополе упраздняется, и Дж. Хилл переводится в резидентуру («станцию») СИС в Софии, а затем — в Варне. Он по-прежнему ведет разведывательную работу по России с территории Болгарии. Примерно за месяц до начала Генуэзской конференции 1922 года Хилл был направлен британской разведкой в районы Баку, Майкопа и Грозного для выяснения положения в нефтяной промышленности России, которая в те времена была одной из крупнейших в мире. Принимая участие в Генуэзской конференции, он тесно сотрудничал с советской делегацией. После окончания конференции Дж. Хилл продолжительное время находился в командировках в столицах пограничных с Советской Россией стран — в Константинополе, Варшаве, Риге, Хельсинки.

В 1922 году вследствие послевоенного кризиса в Европе началось сокращение британских вооруженных сил. Одновременно произошло резкое сокращение субсидий на разведку, в результате чего многие разведчики были уволены из СИС, в их числе и Дж. Хилл. До 1939 года он переменил много профессий, однако не имел твердых источников дохода и перебивался случайными заработками. Но уже в апреле 1939 года, после аннексии Германией Чехословакии, Дж. Хилл как нужный в военное время специалист вернулся на службу в британскую разведку. Этому

содействовал У. Черчилль, неофициальным референтом которого Хилл был во время Гражданской войны на Юге России.

СИС в это время претерпела серьезные изменения. В Великобритании было создано Министерство экономической войны, которому стали подчиняться ряд британских разведывательных служб. При министерстве были учреждены секретные организации «специальных операций» СО-1 и СО-2. Каждая организация имела по несколько разведывательных пунктов (резидентур), но традиции называемых «станциями». «Станция-17» располагалась в населенном пункте Стратон-Стекмор парк, Брикендонбери, графство Хетфорд. Она представляла собой тренировочный лагерь для подготовки диверсантов. Ее начальником был коммодор Питерс. Дж. Хилл являлся его заместителем и главным инструктором по диверсионной работе.

КОМАНДИРОВКА В МОСКВУ

Выдвижению Дж. Хилла на ответственный пост представителя МИ-6 в Москве способствовал премьер-министр У. Черчилль, протезировавший Хиллу и присвоивший ему звание бригадного генерала. Несмотря на роль Хилла в «заговоре Локкарта», Москва согласилась его принять в качестве представителя британской разведки. На Лубянке учитывали и просоветские настроения Дж. Хилла, и тот факт, что консервативное британское правительство в Москву явно не пошлет коммуниста, тем более что в британских спецслужбах таковых официально не числилось. По этому поводу советский разведчик Ким Филби позже заметил в своих мемуарах: «Русские приняли это назначение с восторгом. Они знали о Хилле все». В Москву Дж. Хилл прибыл в конце 1941 года. При заполнении в посольстве СССР в Лондоне въездных документов он отразил свою прошлую деятельность в нашей стране и даже представил книгу своих мемуаров.

В советской столице постоянный контакт с Хиллом поддерживал бывший резидент НКВД в Нью-Йорке, а затем — заместитель начальника внешней разведки Гайк Овакимян. Он был представлен Хиллу как генерал Осипов. В 1943 году Овакимяна сменил начальник англо-американского отдела внешней разведки Андрей Граур, который до этого был заместителем Ивана Чичаева в миссии связи с британской разведкой в Лондоне. Граур был исключительно сильным разведчиком. Он работал во внешней разведке с 1938 года. До командировки в Лондон, где он приобрел ценный опыт взаимодействия с английскими коллегами, Граур выезжал на

оперативную работу в США и Швецию.

Миссия Дж. Хилла в Москве была успешной, поскольку ему удалось наладить рабочий контакт с советской разведкой. В этом, безусловно, сказались его симпатии к нашей стране, а также близость к британскому премьер-министру.

В 1942 году Дж. Хиллу даже показали одну из баз подготовки разведывательно-диверсионных отрядов под Можайском, входившую в состав 4-го Управления НКВД, которым руководил генерал-лейтенант Павел Судоплатов. Эта база произвела на Дж. Хилла серьезное впечатление, поскольку в выгодную сторону отличалась от его «Станции-17». Увиденный им там порядок и сама подготовка диверсантов, среда которых был будущий легендарный разведчик Николай Кузнецов, приятно его поразили.

НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

В начальный период сотрудничества главное внимание уделялось работе по выброске с территории Англии агентуры советской разведки в Германию и оккупированные ею страны.

В первые месяцы 1942 года в Англию морским путем начали прибывать наши агенты-диверсанты, подготовленные Центром для заброски в немецкий тыл. Группы агентов от двух до четырех человек встречали представители «Секты». Англичане размещали агентов на конспиративных квартирах и брали на полный пансион. В Англии они проходили дополнительную подготовку: тренировались в прыжках с парашютом, учились ориентироваться по немецким картам. Англичане взяли на себя заботу о соответствующей экипировке агентов, снабжении их продуктами, немецкими продуктовыми карточками, диверсионной техникой.

Всего за период со дня заключения соглашения по март 1944 года в Англию было отправлено 36 агентов, 29 из которых были выброшены на парашютах с помощью английской разведки в Германию, Австрию, Францию, Голландию, Бельгию и Италию. Трое погибли во время полета, и четверо были возвращены в СССР.

В период Великой Отечественной войны советская и британская разведки активно взаимодействовали и на территории третьих стран.

Так, в Афганистане резидентуры НКВД и МИ-6 провели успешную совместную операцию по разгрому «Мародеров». Под этим псевдонимом в

переписке с Москвой и Лондоном проходила агентурная сеть немецкой разведки, действовавшая в военные годы в этой стране. Совместными усилиями были нанесены ощутимые удары по германской, японской и итальянской резидентурам, хозяйничавшим на афганской земле. В результате объединенных действий советской и британской разведок удалось предотвратить подготавливаемый начетами переворот и введение германских войск в Афганистан.

Высокой оценки Центров заслужила также совместная акция по разгрому агентурно-диверсионной сети немецкой и японской разведок в Индии и Бирме. Активно сотрудничали друг с другом по ряду оперативных вопросов резидентуры советской и английской разведок и в других странах.

Однако это не мешало англичанам одновременно вести против СССР целенаправленную подрывную работу. Так, резидентуре НКВД в Тегеране стало известно, что англичане создали в этом городе свою разведывательную школу. В нее набирали молодых людей со знанием русского языка и готовили их для заброски с разведывательными заданиями на территорию советских республик Средней Азии и Закавказья. Срок обучения — 6 месяцев. Конспирация — строжайшая.

По заданию тегеранской резидентуры молодому нелегальному сотруднику «Амиру» (под этим оперативным псевдонимом действовал в те годы будущий видный советский разведчик-нелегал, Герой Советского Союза Геворк Вартамян) удалось внедриться в разведшколу. Через некоторое время у резидентуры была подробная информация о самой школе и о ее слушателях.

Спустя несколько месяцев советский представитель встретился с официальным представителем английской разведки в Иране и сделал ему представление по поводу «несоюзнического поведения». Англичанин все отрицал. Однако в скором времени школа перестала существовать.

Кстати, за полгода «Амир» прошел в английской разведшколе полный курс обучения. Полученная в ней от офицеров секретной службы Его Величества добротная оперативная подготовка — вербовочная работа, тайниковые операции, шифровальное дело, поддержание двусторонней связи, выявление наружного наблюдения — очень пригодилась советскому разведчику впоследствии.

В рамках соглашения о сотрудничестве представители советской разведки наладили устойчивый деловой контакт с сотрудниками английской разведки, действовавшими при штабе маршала Тито в Югославии.

Хорошо обстояло дело и с обменом информацией о новых

технических средствах и методах ведения подрывной работы. Стороны передавали друг другу образцы документов Германии и оккупированных ею стран для оснащения забрасываемой в эти страны агентуры (удостоверения личности, штампы и печати, продовольственные карточки и т.п.), обменивались данными о диверсионном снаряжении и экипировке агентуры, образцами раций и вооружения, различного типа взрывателей и мин.

Английская сторона положительно оценивала полученные от советской разведки образцы диверсионной техники. Со своей стороны, 4-е Управление НКГБ также высоко оценивало полученные через английскую разведку аналогичные материалы и образцы.

За время сотрудничества руководство английской разведки организовало для Чичаева посещение ряда специальных закрытых объектов, на которых он мог ознакомиться с подрывной спецтехникой: экспериментальной станции вблизи Лондона, выставки-музея спецтехники в Лондоне, парашютной школы в Манчестере.

Однако далеко не все гладко было в решении вопросов, связанных с выполнением достигнутых ранее соглашений. Откровенно некорректную позицию английская разведка стала занимать в 1944 году, когда Красная Армия начала приближаться к странам Восточной Европы. В документах 1941 года о сотрудничестве было согласовано, что поддержка партизанского движения в Болгарии и Румынии будет входить в сферу деятельности советской разведки. Но английская сторона активно пыталась внедриться в эти страны с целью сохранения в них своих позиций и влияния.

Так, 20 января 1944 года генерал Хилл направил официальное письмо на имя Овакимяна, в котором сообщил о намерении «Секты» усилить свою активность в Болгарии. В этой связи он просил предоставить английской стороне информацию о материальных ресурсах и количестве партизан в этой стране, о расположении и количестве войск, охраняющих главные линии коммуникаций из Софии, а также о территориях, безопасных для выброски в Болгарии своей агентуры. Свою просьбу Хилл настойчиво повторял еще несколько раз. В марте 1944 года руководство НКГБ приняло решение о нецелесообразности передавать подобные сведения английской разведке.

Имели место и откровенные задержки «Сектой» передачи нам важной оперативной информации. В середине 1944 года Дж. Хилл даже был вынужден сообщить из Москвы в Лондон: «Не могу не чувствовать, что у русских имеется довод, хороший довод против нашей готовности

сотрудничать и довод против нас в смысле задержания разведывательных сведений, которые могут быть для них ценными».

В начале 1945 года, с приближением войны к своему завершению, стало очевидным, что сотрудничество с английской разведкой зашло в тупик. 10 марта Иван Чичаев получил из Центра указание проинформировать союзников о своем предстоящем отъезде в Советский Союз. Дж. Хилл со своей стороны заявил о готовности вернуться в Лондон.

11 мая 1945 года Джордж Хилл вылетел в Англию. Прибывший ему на замену в Москву руководитель русской секции «Секты» подполковник Бегом еще несколько месяцев «играл» в сотрудничество, выдвигая различные варианты его продолжения после войны.

3 сентября Бенэм был вынужден доложить в Лондон, что миссия «Секты» в Москве не приносит пользы, и в ней нет никакой необходимости. А 24 сентября по указанию из Лондона он направил официальное письмо начальнику советской внешней разведки генерал-лейтенанту Фитину, в котором сообщил: «С окончанием войны наша миссия распускается, поскольку она была создана для решения задач, связанных с войной. Прошу выразить Трауру нашу благодарность за дружескую помощь, хотя наш путь был иногда тернистым».

Миссии по связи с английской и советской разведками в Лондоне и Москве были закрыты. Они были созданы для решения задач, возникавших в ходе войны, и с подписанием Акта о капитуляции Германии изжили себя.

СОТРУДНИЧЕСТВО С УПРАВЛЕНИЕМ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЛУЖБ США

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО

Во второй половине дня 24 декабря 1943 года в Москву в качестве личного гостя посла США Гарримана и руководителя военной миссии США в СССР генерал-майора Дж. Дина прибыл руководитель американской разведки — Управления стратегических служб США (УСС) — генерал-майор Уильям Донован.

Визит Донована в советскую столицу не стал неожиданным для руководства нашей страны. В ходе Тегеранской конференции руководителей трех стран антигитлеровской коалиции, которая проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, Сталин лично встретился с Донованом и предложил ему приехать в Москву для установления контакта с руководством советской разведки. Генерал доложил об этом разговоре Ф. Рузвельту и вскоре получил сообщение, что президент США одобрил его поездку в советскую столицу.

В характеристике на Уильяма Донована, направленной в Центр нелегальным резидентом в США Исхаком Ахмеровым и составленной на основании данных, полученных от надежных источников, подчеркивалось: «Близкие к генералу люди характеризуют его как убежденного республиканца типа Гувера и одновременно ирландского католика. За глаза его называют “Диким Биллом”, чем Донован гордится. По характеру он умен, хитер и чрезвычайно энергичен. В кратчайшие сроки ему удалось почти невозможное — сколотить вполне действенную американскую разведку, костяк которой составили вчерашние штатские люди — большей частью юристы, которых Донован знал лично». Руководитель советской внешней разведки Павел Фитин доложил эту характеристику Сталину, и она последнему понравилась. Сталин дал указание Фитину провести в Москве переговоры с представителями американской разведки о возможном сотрудничестве.

Итак, в канун католического Рождества, 24 декабря 1943 года Донован прибыл в Москву. В тот же день вечером состоялась его встреча с Молотовым. Донован подробно рассказал наркому о руководимом им Управлении стратегических служб США, его задачах, функциях и

конкретной деятельности в ряде стран, прежде всего на Балканах. В ходе беседы Донован сообщил Молотову о намерении направить в Москву представителя американской разведки, который будет входить в состав военной миссии США, подчиняться непосредственно ее руководителю генералу Дину и координировать вопросы взаимодействия.

27 декабря состоялась встреча Донована с руководителем советской внешней разведки Фитиным и его заместителем Овакимяном, который был представлен американцам как генерал Осипов. В ходе беседы Донован заявил о готовности УСС к совместному сотрудничеству с соответствующими органами СССР «в целях скорейшего разгрома общего врага». Его предложения сводились к следующим основным направлениям сотрудничества: обмениваться разведывательной информацией о противнике; консультироваться по вопросам, связанным с организацией и проведением диверсионной работы на территории врага; содействовать в заброске агентуры и диверсантов в тыл противника и обмениваться материалами по диверсионной технике и радиоаппаратуре и их образцам.

О результатах беседы с руководителем американской разведки нарком госбезопасности СССР Меркулов направил 30 декабря в Государственный Комитет Обороны (Сталину, Молотову, Берии) докладную записку, высказав мнение о возможности принять предложения американцев. В этой же записке нарком предложил назначить представителем советской разведки в США начальника англо-американского отдела 1-го Управления НКГБ подполковника Андрея Траура, который уже имел опыт подобной работы в ходе сотрудничества с английской разведкой во время войны.

В день своего отлета из Москвы, 5 января 1944 года, генерал Донован был проинформирован о положительной реакции советского руководства на достигнутые с Фитиным договоренности.

Таким образом, было положено начало взаимодействию советской и американской разведок. Уже 4 февраля Донован направил во все подразделения УСС указание передавать СССР «оригинальную разведывательную информацию, которая может быть полезна стране, ведущей войну против Германии».

Одновременно в Вашингтоне и Москве активно велась подготовка к обмену представителями, согласовывалось количество сотрудников при каждом представителе, решались организационные вопросы. Траур, его шесть сотрудников и их жены были уже практически готовы к выезду в США, когда случилось непредвиденное.

Вечером 16 марта 1944 года посол США в СССР Гарриман получил телеграмму лично от Рузвельта. Президент сообщал, что обмен

представителями откладывается на неопределенное время. Генерал Дин сообщил о решении президента Фитину и Осипову на очередной встрече. Однако начальник внешней разведки воспринял эту новость спокойно. Он заметил, что «поскольку инициатива исходила от американской стороны, мы не возражаем против временной задержки и считаем возможным продолжить наш контакт через генерала Дина и Траура».

Следует отметить, что еще в начале марта в Центр из вашингтонской резидентуры поступили агентурные сведения о том, что «против соглашения между УСС и НКГБ об обмене представительствами резко возражает глава ФБР Эдгар Гувер, который считает, что цель НКГБ — внедрение в государственные секреты других стран». На опасность подобного обмена он указал в письме, направленном на имя личного помощника президента США Г. Гопкинса. В письме Гувер подчеркивал, что «пребывание на американской земле официальных представителей советской внешней разведки будет способствовать внедрению агентов НКГБ во все правительственные структуры США». Глава ФБР просил Гопкинса «воспрепятствовать обмену представителями».

Письмо Гувера было передано в рабочую группу Комитета начальников объединенных штабов США, члены которого ответили, что не находят оснований для изменения соглашения о сотрудничестве. Данное письмо вызвало также крайне негативную реакцию генерала Донована. Он назвал Гувера глупцом и заявил, что «НКГБ уже имеет своих представителей в США и было бы лучше, если бы здесь была официальная миссия, чтобы иметь возможность контролировать ее сотрудников». Тем не менее президент не изменил своего решения.

В своих мемуарах генерал Дин так рассказывает о беседе с руководителями советской разведки:

«С Фитиным и Осиповым я никогда не встречался дважды в одном и том же месте. Казалось, у них были пристанища по всему городу. Я увидел стол, уставленный водкой, коньяком, фруктами и шоколадом, и они настаивали на угощении. Я был несколько скептичен в отношении сильной выпивки до того, как сообщу свою новость, поскольку я не представлял себе, как она будет воспринята. Однако водка придала мне храбрости, а на партнеров по беседе, вероятно, смягчающее влияние, ибо они проявили “прекрасное понимание” и согласились с тем, чтобы координация между их секретной разведкой и нашей осуществлялась в Москве между ними и мной, выступающим от имени Донована. На этом мы и согласились, и так началось наше сотрудничество, продолжавшееся до конца войны».

Следует отметить, что вопрос об обмене представителями со стороны

американцев больше ни разу не поднимался.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Обмен разведывательной информацией по гитлеровской Германии между УСС и советской разведкой был весьма плодотворным. Только в апреле — мае 1944 года Донован через генерала Дина передал Фитину информационные материалы по различным вопросам положения в Германии и оккупированных ею странах общим объемом свыше двух тысяч листов. По оценке информационного отдела советской внешней разведки, эти материалы представляли «значительный интерес и ценны как богатый справочный материал».

Определенная часть переданных материалов (87 листов) приходилась на разведывательные сводки по отдельным конкретным вопросам: военная экономика, состояние вооруженных сил и военного строительства Германии, общее экономическое и внутривнутриполитическое положение Третьего рейха и оккупированных им стран. Среди сводок были, например, материалы о реактивных истребителях «Хейнкель», о месте хранения румынской нефти, о посылке немцами подкреплений в Италию, об отводе германских войск из Южной Греции. Некоторые сводки касались вопросов, связанных с Финляндией, Австрией, Грецией, Норвегией, Францией и Японией.

Все эти материалы представили также большой интерес для Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии, куда и были направлены. Аналогичные разведывательные сводки, но в меньшем количестве (около 20), были переданы американцами советской стороне в августе, сентябре и декабре 1944 года.

В письме от 10 мая 1944 года генерал Донован сообщил Фитину перечень вопросов, интересующих американскую сторону. В нем на первом месте стояли вопросы по Дальнему Востоку (Япония, Корея, Маньчжурия). УСС интересовалось, в частности, деятельностью практически всех японских разведывательных органов. Американцев интересовали также деятельность германской разведки в Финляндии и положение в ряде Балканских стран. Для УСС представляла интерес и информация о состоянии вермахта нацистской Германии и его вооружения.

Отдельным пунктом перечня стояли вопросы, касающиеся политического будущего Германии. По данной проблеме советская разведка подготовила для УСС обстоятельную справку на 76 листах. В ней давалась

оценка внутривойсковых отношений, наличия запасов стратегических материалов, численности и вооружения армии и делался вывод о том, что Германия сможет продолжать активные боевые действия не более года.

В сентябре 1944 года Фитин передал американцам сведения о секретных немецких химических заводах на территории самого рейха, а также в Польше. На этих заводах производились боевые газы, а также гранаты и бомбы с ядовитой начинкой. Одновременно в подготовленной справке содержалась информация о подземном заводе в Свинемюнде, выпускавшем торпеды и реактивные снаряды Фау-2, и об испытательной станции ракетных торпед в районе немецкого города Мерзебурга. Эти сведения были получены от агента советской разведки, направленного Александром Коротковым через Турцию и Болгарию в Германию.

ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ РАСШИРЯЕТСЯ

В октябре — декабре 1944 года от УСС советской разведкой было получено около 1,5 тысячи страниц материалов по Румынии (состояние ее нефтяной промышленности, снабжение нефтью и нефтепродуктами вооруженных сил Германии, а также сотрудничество Германии с Румынией в производстве и ремонте военных самолетов). Эта информация представила интерес в первую очередь для советской военной разведки.

В ноябре того же года американские спецслужбы поделились с советской разведкой своим анализом возможностей германской промышленности, а в декабре дополнили его оценкой общего положения в стране. В последнем документе делался вывод о том, что «даже полностью мобилизовав свои возможности, Германия не в состоянии оказывать длительное эффективное сопротивление». «Вместе с тем, — указывалось в документе, — несмотря на растущее понимание того факта, что война проиграна, признаков разложения внутреннего фронта в Германии не отмечается. Запасы продовольствия и предметов первой необходимости еще достаточны, чтобы оказывать сопротивление на протяжении 1945 года».

Наибольший интерес для советской разведки представила информация об обстановке в нацистском руководстве Германии, полученная от источника УСС в Швейцарии и переданная Фитину 31 декабря 1944 года. В документе внутреннее положение в стране после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года оценивалось как «еще более критическое, чем это вообще считается». О Гитлере говорилось: «Находится в Берлине в бункере под

имперской канцелярией... Периода угнетенного и возбужденного состояния так непреодолимы, что его окружение не может предсказать за полчаса, как он будет действовать в том или ином положении». В этой ситуации «верховную власть в Германии практически осуществляет триумvirат Гиммлер — Геббельс — Борман, в котором Гиммлер играет главную роль».

В документе также сообщалось, что Гиммлер заключил соглашение с командующими Западного фронта — Рунштедтом и Восточного — Гудерианом о том, что «отступление должно определяться исключительно стратегическими соображениями, независимо от престижа или сумасбродных приказов Гитлера». Одновременно в сообщении указывалось на то, что «нацистская верхушка, включая Гитлера и Гиммлера, рассчитывает войти в контакт с западными державами, а в случае неудачи — попытаться вызвать разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции и таким образом добиться между ними разрыва. В случае, если этот план не удастся, Гиммлер намерен распространить слух о том, что англичане и американцы предпринимают определенные усилия в Германии за спиной России».

Павлу Фитину было хорошо известно, что еще в предвоенные годы, когда в США практически не было разведки, корпорации США, адвокатские конторы и исследовательские фонды, включая адвокатскую контору Уильяма Donovan, приобрели в нацистской Германии ряд ценных источников информации, в том числе — в непосредственном окружении Гитлера. В этой связи поступившая от американцев информация была высоко оценена советской разведкой, которая в свою очередь подготовила и па-правила специальное сообщение Сталину, Молотову и Берии.

В конце декабря 1944 года, когда Советская Армия приближалась к Будапешту, Donovan направил в Москву информацию о планах антихортистской оппозиции во главе с генерал-полковником Геза установить контакт с Москвой и оказать помощь при штурме венгерской столицы. Эта информация также была направлена разведкой руководству страны.

Со своей стороны советская разведка также откликнулась на просьбы американцев. Так, 4 января 1944 года американская разведка выразила крайнюю заинтересованность в получении конкретной информации о положении в Болгарии. Такие сведения объемом в 30 листов были переданы американцам 10 марта. Генерал Donovan был полностью удовлетворен содержащейся в документе информацией и дал ей исключительно высокую оценку.

В конце сентября 1944 года Доноуан проинформировал Фитина о том, что группа американских разведчиков ведет специальные операции на территории Чехословакии, оккупированной Германией. В ноябре того же года связь с ней была потеряна. Американцы сразу же обратились к советской разведке с просьбой выяснить их судьбу. Уже в декабре Доноуан был проинформирован, что 15 американцев находятся в распоряжении Второй чехословацкой бригады, судьба остальных 25 неизвестна. Советская разведка также передала американцам поименный список 21 офицера и сержанта летного состава ВВС США, находившихся в плену в различных городах Чехословакии. В марте 1945 года советская разведка сообщила американским партнерам, интересовавшимся судьбой американской и британской разведгрупп в этой стране, что по полученным из надежных источников данным в Словакии в период немецкой оккупации были захвачены и расстреляны 11 американцев и англичан. Судьба остальных семерых выясняется.

Помимо обмена конкретной разведывательной информацией американцы в мае 1944 года запросили у Фитина сведения о механизмах и методах осуществления диверсий, которые им были переданы. 10 января 1945 года они передали послу СССР в Вашингтоне А.А. Громыко свыше 1,5 тысячи фотоклише различных материалов, содержащих ключи к советским шифрам. Они были захвачены американцами у немцев в Северной Италии. Это была наиболее важная информация, переданная УСС советской разведке за годы войны. Однако экспертиза документов, произведенная в Москве, показала, что речь идет о фронтовых кодах, которые, в связи с их дискредитацией, больше не использовались.

После капитуляции Германии 8 мая 1945 года сотрудничество между НКГБ и УСС практически прекратилось. Правда, 23 июля того же года Доноуан сообщил, что союзники захватили в австрийском городе Штайре руководителя нацистской разведывательной сети на Балканах Вильгельма Хеттля и его штаб. Доноуан предложил предпринять совместные меры по ликвидации этой разведывательной организации. Между двумя столицами завязалась активная переписка по данному вопросу.

Однако против этой идеи вновь выступила рабочая группа Комитета начальников объединенных штабов США. Она пришла к выводу о том, что в случае передачи Хеттля русским остальные немцы могут отказаться работать на американцев. После этого эпизода вопрос о продолжении сотрудничества между разведками СССР и США больше не ставился.

В одном из последних писем Фитину, выражая признательность за «атмосферу дружеского сотрудничества», глава разведки США Доноуан

писал: «Я уверен, что наш успех, который мы до сих пор имели в нашем общем деле, показывает, на что способны союзники в совместных действиях, но крайней мере в области разведки».

После победы над Японией Управление стратегических служб США просуществовало недолго. В октябре 1945 года оно было ликвидировано президентом Трумэном, а генерал Донован вернулся к частной адвокатской практике в Нью-Йорке.

Часть пятая.

В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Хотя в настоящий момент и нет оснований для предположения, что советское правительство намечает военную агрессию, надо объединяться и исходить из того, что СССР представляет собой непримиримого врага западной цивилизации.

*Из выступления представителя США на совещании по подготовке договора по НАТО.
Вашингтон, апрель 1949 года*

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии не привел к улучшению международной обстановки. Правящие круги стран — бывших союзниц СССР не хотели мириться с происшедшими глобальными переменами. Пытаясь не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, они встали на путь ядерного шантажа, «холодной войны», сколачивания агрессивных военных блоков и раскручивания гонки вооружений.

Стараниями официальных отечественных и зарубежных историков принято считать, что «холодная война» началась в марте 1946 года, когда бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи заявил, что Европа оказалась разделенной «железным занавесом», и призвал западную цивилизацию объявить «войну коммунизму» (выступление 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже, расположенном в американском городе Фултон, штат Миссури).

Однако фактически «холодная война» (если рассматривать этот термин как противостояние двух ведущих стран Запада — Великобритании и США и Советской России) началась еще в середине двадцатых годов прошлого века. Причем до весны 1945 года ведущую роль в пей играл Лондон, а после окончания Второй мировой войны — Вашингтон. Исходя из этого можно считать, что на время Второй мировой войны Москва, Лондон и Вашингтон заключили между собой некое «перемирие», чтобы совместными усилиями победить Берлин. А сразу же после Победы агрессивная политика со стороны Лондона и Вашингтона против Москвы

возобновилась. Об этом свидетельствуют документы, добытые советской разведкой в тот период.

Так, в меморандуме № 329 от 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии, объединенный разведывательный комитет США поставил целью «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и контролируемой им территории».

А в меморандуме Объединенного комитета начальников штабов США № 1518, датированном 9 октября 1945 года, указывалось, что основой превентивной ядерной войны против СССР должно стать уничтожение его военно-стратегического потенциала.

Составленный в 1949 году план «Дропшот» предусматривал уничтожение 100 наших городов. И лишь возросшая советская мощь охладила горячие головы в США.

Кстати, за весь период «холодной войны» ни один советский самолет не вторгся на территорию США. А по сообщению военного обозревателя российских газет В. Шурыгина, «за пятьдесят лет противостояния над территорией СССР было сбито более тридцати (!!!) боевых и разведывательных самолетов США».

В воздушных боях над нашей территорией мы потеряли 5 боевых самолетов, американцами было сбито несколько наших транспортно-пассажирских бортов. А всего было зафиксировано более пяти тысяч нарушений нашей государственной границы американскими самолетами.

Следует особо подчеркнуть, что в конце 1940-х годов руководство США считало, что война с СССР неизбежна. По словам Аллена Даллеса, одного из основателей и самого известного руководителя Центрального разведывательного управления США, в умах большинства сотрудников этого разведывательного ведомства на сей счет не было никаких сомнений: «Враг — Советский Союз, советская цель — наша миссия. Мы профессионально эмоционально посвятили себя только этой задаче. Мы рассматривали себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, как и против Гитлера».

В этой атмосфере директор ЦРУ разработал доктрину всеохватывающей борьбы против Советского Союза. ЦРУ, по мнению Даллеса, должно было осуществлять тайные разведывательные операции против нашей страны. Позже для этих целей в американском ведомстве «рыцарей плаща и кинжала» было создано специальное подразделение под кодовым названием «ZR RIFLE».

Кстати, интересно, как у сотрудников американской разведки появился упомянутый выше «рыцарский» титул. Как пишет в одной из своих работ видный военный историк, кандидат военных наук Р.В. Горев, в январе 1946 года президент США Гарри Трумэн создал на руинах действовавшего под руководством генерала Уильяма Donovan с 1942 года Управления стратегических служб (УСС) централизованную разведывательную службу во главе со Штабом национальной разведки. В качестве исполнительного органа при Штабе была образована Центральная разведывательная группа (ЦРГ), которую возглавил контр-адмирал Сидней Соуэрс. На «крестинах» ЦРГ Трумэн вручил ее руководителям символические черные шляпы, плащи и кинжалы, титуловав их «рыцарями плаща и кинжала». В 1947 году в Соединенных Штатах был принят Закон о национальной безопасности, но которому ЦРГ была преобразована в Центральное разведывательное управление (ЦРУ), а средства массовой информации сохранили за его сотрудниками и «рыцарский» титул.

Остановимся вкратце на некоторых моментах биографии апологета борьбы с Советским Союзом, одного из первых руководителей ЦРУ США Алена Даллеса.

Аллен Уэлш Даллес родился 7 апреля 1893 года в городе Уотертаун, штат Нью-Йорк. Окончил Принстонский университет и Университет Джорджа Вашингтона. Находился на дипломатической работе. В 1926 году занялся частной юридической практикой.

В годы Второй мировой войны Даллес являлся сотрудником Управления стратегических служб, возглавляемого генерал-лейтенантом Donovanом. С ноября 1942 года — резидент УСС в Берне (Швейцария). После окончания Второй мировой войны вышел в отставку и вернулся к частной юридической практике. Однако своих связей с разведкой не порвал, став неофициальным консультантом Белого дома и Конгресса. Вместе с Donovanом Даллес разрабатывал концепцию американской централизованной разведывательной службы послевоенного периода. В 1947 году им был подготовлен меморандум по созданию новой разведывательной службы США.

С января 1951 года — заместитель директора ЦРУ по планированию. С февраля 1953 по ноябрь 1961 года — директор ЦРУ Он первым занял этот важный пост, будучи гражданским человеком. Под руководством Даллеса ЦРУ превратилось в мощнейшую глобальную разведывательную организацию, способную проводить тайные операции по всему миру.

В ноябре 1961 года Аллен Даллес подал в отставку. Основной причиной этого шага был провал тайной операции ЦРУ по вторжению на

Кубу кубинских контрреволюционеров и наемников в апреле того же года.

В 1963 — 1964 годах участвовал в работе комиссии, созданной для расследования обстоятельств убийства президента США Дж. Кеннеди. Автор книги «Искусство разведки» (1963 г.).

Скончался 28 января 1969 года.

В своих мемуарах, увидевших свет на русском языке под красноречивым подзаголовком — «Россию надо поставить на место!» — бывший директор ЦРУ откровенно рассказал о тех методах, с помощью которых осуществлялась тайная война против СССР. Не скрывая своей главной задачи — обеспечить исключительное лидерство Соединенных Штатов в мире, — Даллес достаточно подробно пишет о том, как он этого добивался.

По мнению бывшего американского разведчика номер один, основной задачей ЦРУ всегда была борьба с советской угрозой — по всему миру. При этом он подчеркивал необходимость ведения тотальной разведки, так как «жизненно важные интересы США могут в любое время оказаться под угрозой практически в любом районе земного шара», ибо «ареной противостояния является весь мир». Основными направлениями деятельности ЦРУ в послевоенный период являлись: сбор информации через источники и осведомителей, а также с помощью технических средств, а также активное использование разведывательной информации.

Перед советской внешней разведкой в послевоенный период были поставлены новые задачи, которые она успешно решала. Подтверждением этого являются, в частности, ее определенный вклад в создание отечественного атомного оружия, действия внешней разведки по прекращению тройственной агрессии в 1956 году, когда Англия, Франция и Израиль атаковали Египет, и урегулирование кризисных ситуаций на Ближнем Востоке вплоть до 1967 года, а также мероприятия по Карибскому кризису 1962 года, в разрешении которого советская разведка принимала непосредственное участие, венгерским 1956 и чехословацким 1968 года событиям. С другой стороны, в этот же период формировались подходы к разрядке международной напряженности.

Объем задач внешней разведки значительно возрос, география ее деятельности расширилась и стала охватывать весь мир. В новых условиях значимость добываемой разведкой информации возросла. Крайне важно было вскрыть секретные военно-политические планы США и Англии в отношении Советского Союза, осветить ход англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, разработку планов перевооружения, создания НАТО и других

военно-политических блоков. Но главная задача внешней разведки в послевоенные годы, поставленная руководством страны, состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. А такие планы, как показывает полученная разведкой в те годы информация, активно разрабатывались военными кругами США и Англии.

Наряду с этим ставились задачи по информационному обеспечению текущих вопросов внешней политики Советского государства. Среди них, например, получение сведений о планах западных держав по германскому вопросу, освещение кризисных ситуаций, связанных с проблемами Западного Берлина, Ближнего Востока, распада колониальной системы.

Для решения столь важных задач требовалось совершенствование разведки, ее структуры, организации управления ее деятельностью и методов ведения работы. В 1947 — 1953 годах имела место структурная перестройка военной и политической разведок, направленная на повышение эффективности их деятельности и поиск оптимальных форм управления в условиях нарастания конфронтационных тенденций.

30 мая 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете Министров СССР, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. Единый орган разведки возглавил В.М. Молотов, бывший в то время заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно министром иностранных дел. Его заместителем, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный чекист, в прошлом руководивший работой разведывательных и контрразведывательных подразделений органов госбезопасности, Петр Васильевич Федотов.

Для руководства разведаппаратами за рубежом в КИ был введен так называемый институт Главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы или посланники. Первым таким Главным резидентом стал бывший сотрудник ИНО НКВД Александр Семенович Панюшкин. С ноября 1947 по июнь 1952 года он был послом СССР в США, являясь одновременно Главным резидентом внешней разведки в этой стране.

Однако время показало, что объединение столь специфичных по методам деятельности военной и внешнеполитической разведок в рамках одного органа, при всех преимуществах, затрудняло процесс управления их работой. Уже в январе 1949 года правительство приняло решение о выведении из Комитета информации военной разведки и возвращении ее в Министерство обороны.

В феврале 1949 года КИ был передан под эгиду МИД. Его руководителем стал новый министр иностранных дел А.Я. Вышинский, а позднее — заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин. Первым заместителем председателя КИ, отвечавшим за текущую оперативную работу разведки, стал Сергей Романович Савченко, до этого возглавлявший Министерство госбезопасности Украины. В ноябре 1951 года правительство приняло решение об объединении внешней разведки и внешней контрразведки под руководством Министерства госбезопасности и создании за границей единых резидентур. Комитет информации при МИД СССР перестал существовать. Внешняя разведка стала Первым главным управлением Министерства госбезопасности СССР.

В марте 1954 года пленум ЦК КПСС принял развернутое решение о путях улучшения деятельности органов госбезопасности, кардинальной перестройке их работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, об опоре на общественность, о подконтрольности государственным и партийным органам. Тогда же решением правительства был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Внешняя разведка вошла в его состав как Первое главное управление (ПГУ КГБ при СМ СССР).

Важное для разведки значение имело решение ЦК КПСС от 30 июня 1954 года «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Было предложено сосредоточить усилия на организации разведки в главных странах Запада — США и Англии, а также на «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии». Таков в то время был перечень приоритетов, определенных руководством страны.

Совет Министров утвердил Положение о Первом главном управлении КГБ, которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав.

Соответствующим ведомствам было вменено в обязанность выделить должности прикрытия как за границей, так и внутри СССР, оказывать содействие, строго соблюдать требования конспирации.

Принятые в 1954 году нормативные документы долгие годы служили основной правовой базой работы внешней разведки.

В июне 1955 года исполняющим обязанности начальника советской внешней разведки был назначен Александр Михайлович Сахаровский. В мае 1956 года он был утвержден в должности руководителя разведки и

проработал на этом посту более 15 лет.

Природный ум Александра Михайловича и его талант разведчика, способности крупного руководителя и организатора, умение видеть главное, правильно расставить кадры способствовали успешному решению важнейших разведывательных задач. Именно при Сахаровском получили активное развитие такие линии разведки, как контрразведывательная, научно-техническая, нелегальная. Он уделял много внимания подготовке кадров разведчиков, организации научно-исследовательской работы в ПГУ.

Сахаровский хорошо знал лично многих сотрудников разведки, их способности и возможности, был внимателен к подчиненным, не подавлял их высотой своего положения, а побуждал к работе мысли, инициативе.

В критических случаях А.М. Сахаровский делал все возможное, чтобы вернуть на родину попавших в беду боевых товарищей. Достаточно вспомнить Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля), Конона Молодого (Гордона Лонсдейла), а также супругов Морриса и Леонтину Коэн (Питера и Хелен Крогер).

В межведомственных коллизиях Александр Михайлович всегда вставал на защиту своих сотрудников, не боялся брать на себя ответственность при принятии решений. Среди ветеранов внешней разведки хорошо известен, например, такой случай. В одной из ведущих натовских стран Европы работал опытный и сильный разведчик Никита Дерябкин. По прикрытию он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой. Как-то раз после прошедшего в Москве очередного съезда КПСС в посольство с дипломатической почтой поступили две упаковки. В одной из них содержались портреты вновь избранных членов Политбюро, а в другой — запасные детали к посольскому радиопередатчику. Причем упаковка с деталями в ходе транспортировки была повреждена, и Москва дала указание ее вернуть. В связи с тем что дипкурьеры сразу же собирались в обратный путь, Дерябкин, принимавший участие в получении почты, быстро написал сопроводительную записку («Возвращаем за ненадобностью...») и попросил своих коллег передать упаковку с радиодеталями дипкурьерам, а сам отправился на оперативное мероприятие.

Через несколько дней посол распорядился вывесить в актовом зале портреты нового состава Политбюро, а их не нашли... Разразился скандал. Оказалось, что именно они были случайно возвращены в Москву «за ненадобностью». В соответствующие подразделения ЦК КПСС, МИД и

КГБ ушла телеграмма, в которой посол требовал немедленно отозвать Дерябкина из командировки. Реакция А.М. Сахаровского была незамедлительной. В ответной телеграмме начальника советской внешней разведки послу сообщалось, что Дерябкин награжден орденом Ленина, и что он (Сахаровский) надеется, что руководство посольства присоединится к поздравлениям в адрес сотрудника резидентуры по этому поводу. Инцидент был исчерпан, а разведчик проработал в стране еще несколько лет.

В 1971 году генерал-полковник Л.М. Сахаровский по состоянию здоровья ушел из разведки. В течение ряда лет он работал затем консультантом при председателе КГБ.

Сменил Александра Михайловича Сахаровского на посту начальника внешней разведки Федор Константинович Мортин. Он являлся активным участником Великой Отечественной войны. В 1947 году, после окончания Военно-дипломатической академии Советской Армии, Мортин пришел на работу во внешнюю разведку. В том же году выехал в долгосрочную заграничную командировку. С середины 1950 года — на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС.

В октябре 1954 года Мортин вновь был переведен на работу в органы госбезопасности и назначен на должность заместителя начальника ПГУ. С 1958 года — первый заместитель начальника внешней разведки. Одновременно в 1966 — 1967 годах возглавлял Высшую разведывательную школу. Принимал активное участие в реорганизации ее в более современное учебное заведение (в Краснознаменный институт КГБ).

При Ф.К. Мортине ПГУ было переведено с площади Дзержинского в отдельный комплекс зданий в Ясенево.

В январе 1974 года исполняющим обязанности руководителя внешней разведки стал В.А. Крючков, который в декабре того же года был утвержден в должности начальника ПГУ.

Выпускник Высшей дипломатической школы, он имел опыт работы в центральном аппарате МИД СССР, в посольстве СССР в Венгрии в период известных венгерских событий, в аппарате ЦК КПСС на посту помощника секретаря ЦК Ю.В. Андропова. В КГБ СССР возглавлял Секретариат, с 1971 по 1974 год был первым заместителем начальника разведки.

Следует подчеркнуть, что при В.А. Крючкове многое было сделано для налаживания более четкой деятельности всех звеньев разведывательной службы. Большое внимание уделялось совершенствованию информационно-аналитической работы. Были созданы несколько научных структур, которые занимались обобщением оперативной практики, методов

ведения разведывательной работы в различных условиях, изучением направлений и методов работы разведслужб противника, внедрением в работу центрального аппарата и резидентур средств вычислительной техники и новейших информационных технологий.

В 1970-е годы оформилась в самостоятельное подразделение и стала весьма эффективной внешняя контрразведка.

В рассматриваемый период резко активизировалась деятельность внешней разведки в Афганистане, особенно с момента ввода в страну советских войск.

Наша справка

27 апреля 1978 года государственная власть в Кабуле в очередной раз сменилась. Ее захватила группа молодых офицеров — членов Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), придерживавшейся марксистско-ленинских позиций. Председателем Революционного совета и премьер-министром был избран генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мухаммед Тараки. Его заместителями стали Бабрак Кармаль и Хафизулла Амин.

Начиная с 17 мая 1978 года, по просьбе нового афганского руководства в страну стали активно направляться советники из СССР, которые присутствовали практически во всех министерствах и ведомствах. В решении ответственных задач в Афганистане пришлось участвовать и сотрудникам КГБ СССР.

Следует отметить, что легкость победы вызвала некоторую эйфорию в высших эшелонах афганской власти. Одновременно претворение в жизнь программы НДПА по аграрной реформе и в социально-экономической области столкнулось с множеством нарушений традиционного уклада жизни широких слоев населения и вызвало сопротивление с их стороны. Уже к лету 1979 года на политической арене страны появились оппозиционные центры, партии и организации. Да и сама НДПА к тому времени раскололась на два враждующих крыла: «Парчам» («Знамя») и «Хальк» («Народ»). Именно к крылу «Хальк» принадлежали лидер революции Тараки и его соратник Амин. Воспользовавшись удачно сложившимися обстоятельствами, они фактически вытеснили своих оппонентов — «парчамистов» из правительства, а их лидера Кармаля

отправили в «почетную ссылку» — послом в Чехословакию. На сторонников крыла «Парчам» началась форменная охота.

В сентябре 1979 года в Афганистане произошли события, которые во многом предопределили судьбу страша на многие годы вперед. 14 сентября по приказу Амина были сняты со своих постов четыре министра, верных Тараки. А сам Тараки изолирован. 16 сентября Тараки и его соратники на Пленуме ЦК НДПА были освобождены от занимаемых должностей и исключены из партии. Генеральным секретарем ЦК НДПА стал Амин.

Хафизулла Амин повел дело к установлению диктаторского режима. По его распоряжению 8 октября Тараки был убит. Одновременно усилились репрессивные меры в отношении всех лиц, выражавших несогласие с его политикой. Однако центральной власти удалось удерживать свои позиции только в крупных городах. Большая часть территории страны перешла под контроль оппозиции к режиму Амина. Вооруженная борьба в Афганистане все отчетливее обретала характер гражданской войны. В этой связи Амин все настойчивее ставил вопрос о вводе советских войск в Афганистан.

Проблема разрешения критической ситуации, сложившейся в Афганистане, становилась все острее. Ведь Советский Союз был крайне заинтересован иметь на своих южных границах надежного союзника. 10 декабря высшее руководство Советского Союза после долгих колебаний приняло решение о необходимости свержения Амина.

27 декабря 1979 года режим Амина пал. Начался ввод в Афганистан «ограниченного контингента» советских войск, который приступил к боевым действиям с целью отодвинуть от своих границ потенциального противника. Советский Союз, исходя из стратегических интересов и желания помочь ближнему соседу — Афганистану, все глубже и основательнее увязал в «афганской трясине», все сильнее ввязывался в большую войну, которой предстояло продлиться долгие годы. И отрадно, что в конечном счете позиция здравых сил в советских руководящих кругах, отстаивавших по афганской проблеме подлинные интересы Родины, увенчалась таким позитивным шагом, как вывод советских войск. К этому решению наша страна шла долго, через страдания и кровь простых советских людей и афганцев.

15 февраля 1989 года в 16 часов 21 минуту через мост Дружбы на участке Тактабазарского погранотряда перешел последний советский военнослужащий. В этот день был завершён вывод советских войск из Афганистана.

В период афганских событий на плечи разведки легли прежде всего

информационно-аналитические задачи, решить которые могла только она.

Многим сотрудникам внешней разведки, командированным в Афганистан, довелось принимать непосредственное участие в боевых действиях. Некоторые из них погибли, выполняя свой интернациональный долг. В разведке глубоко чтят их память.

* * *

С 1980-х годов ЦРУ стало обращать особое внимание на организацию и проведение тайных операций, с помощью которых оно стремилось оказывать выгодное для США воздействие на внешнюю и внутреннюю политику других государств или на развитие обстановки в какой-либо конкретной стране.

По определению одного из ведущих американских специалистов по вопросам разведывательной деятельности США, Д. Ричелсона, к тайным операциям относятся:

1. Оказание влияния на политических, государственных и общественных деятелей зарубежных стран.
2. Создание выгодной для США ориентации общественного мнения в зарубежных странах.
3. Оказание финансовой поддержки и материально-технической помощи (включая снабжение оружием и боеприпасами) политическим партиям, группам, фирмам, общественным организациям и отдельным лицам, деятельность которых отвечает государственным интересам США.
4. Пропагандистские мероприятия.
5. Экономические мероприятия.
6. Политические и полувоенные акции с целью поддержки или свержения существующих в зарубежных странах режимов.
7. Физическая ликвидация отдельных лиц.

По мнению Д. Ричелсона, особенность проведения тайных операций заключается в том, чтобы скрыть причастность к ним американского руководства. Поэтому тайные операции должны проводиться либо от имени неправительственных организаций, либо через хорошо законспирированную агентуру американской разведки.

Следует отметить, что данные направления деятельности американской разведки очень тесно переплетаются с сегодняшними днями, с существующей ныне действительностью.

Что касается внешней разведки органов государственной безопасности

нашей страны, то она с начала 1980-х годов стала активно информировать советское руководство о планах американской администрации и лично президента США Р. Рейгана по подрыву политической системы и экономики СССР.

Так, в январе 1981 года директор ЦРУ Уильям Колби представил только что избранному президенту США Рональду Рейгану отчеты разведки о характере подрывных акций, проведенных против СССР, о действиях американских разведчиков, находившихся в Москве и Ленинграде, данные о приобретенной агентуре, в том числе о позициях в государственных структурах СССР агентов влияния. Вывод директора ЦРУ, как об этом пишет в своей книге «КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки» генерал госбезопасности В.С. Широнин, был примерно таким: «Наступила благоприятная ситуация, чтобы нанести серьезный ущерб Советам, ввергнуть в полный хаос их экономику, а затем взять под контроль и под свое влияние дальнейшее развитие событий в обществе и государстве».

В начале следующего года Рейган с группой ближайших советников приступил к конкретной разработке наступательной стратегии по демонтажу «империи зла». Цели и средства этого наступления излагались в ряде секретных докладов по национальной безопасности. В подписанной Рейганом в январе 1983 года Директиве № 75 предписывалось прямое вмешательство во внутренние дела соцстран с целью подрыва их режимов. Эта программа, в частности, предусматривала выделение на ближайшие два года 85 миллионов долларов для подготовки будущих руководящих кадров и создания прозападных политических партий и профсоюзов в соцстранах, а также в странах «третьего мира», придерживавшихся социалистической ориентации.

Чтобы противостоять экономическим диверсиям Запада, руководством ПГУ было принято решение выделить работу по экономической проблематике в самостоятельное направление деятельности внешней разведки и создать в этих целях соответствующие структуры.

Какова же была отдача разведки в рассматриваемый период, каковы были ее достижения? Естественно, даже нам, ее кадровым сотрудникам, ответить на этот вопрос вроде бы сложно: каждое подразделение разведки тщательно охраняет свои секреты. Но парадокс заключается в том, что об успехах разведки косвенно можно судить и по ее неудачам. В последние десятилетия западная, прежде всего американская, пресса муссировала имена многих якобы бывших источников советской внешней разведки. Указывались и места их работы: ЦРУ, ФБР, АНБ, шифровальные службы

военно-морской флота и т.д. Оставляя за собой право не комментировать эти сообщения прессы, попробуем, каждый для себя, ответить на поставленные выше вопросы, отталкиваясь хотя бы от приведенного выше перечня особо охраняемых объектов противника.

Как нам представляется, следует также отметить, что, несмотря на имевшую место конфронтацию двух противоположных лагерей — социалистического и капиталистического — в 1980-е годы между СССР и США были достигнуты соглашения о взаимном отказе от создания систем противоракетной обороны и о первых шагах по ограничению стратегических наступательных вооружений. Эти договоренности, казалось бы, открывали реальную возможность для прекращения «холодной войны» и перестройки международных отношений на иных началах. Однако в силу ряда причин начавшийся тогда процесс свертывания «холодной войны» был неровным, прерывистым, с нередкими обострениями (Ангола, Эфиопия, Афганистан, южнокорейский самолет — это лишь некоторые наиболее яркие эпизоды). Но поскольку фундаментальный фактор, выгодный для геополитических интересов США и породивший необходимость поддержания видимости в прекращении «холодной войны», пока еще сохранялся, то процесс ее свертывания в целом продолжался.

В октябре 1988 года В.А. Крючков был назначен председателем КГБ.

В феврале 1989 года начальником внешней разведки стал ее кадровый сотрудник Л.В. Шебаршин. На его долю выпало руководить разведкой в последние годы существования Советского государства. Как опытный аналитик и оперативный работник, почти три десятилетия проработавший в разведке на различных, в том числе руководящих, должностях, он не мог не видеть назревавшего процесса распада Советского государства и роли в этом западных спецслужб.

В этих непростых условиях каждый из руководящих сотрудников Службы делал все возможное, чтобы сохранить ее потенциал, понимая, что при любом исходе событий внешняя разведка должна оставаться необходимым атрибутом государственного аппарата, защищающим национальные интересы страны от внешних угроз.

30 сентября 1991 года начальником ПГУ КГБ СССР был назначен академик Е.М. Примаков.

В октябре того же года внешняя разведка была выведена из КГБ и стала самостоятельной структурой. Таким образом, она вышла из системы правоохранительных органов.

22 октября 1991 года Примаков становится директором созданной вместо ПГУ Центральной службы разведки (ЦСР) СССР. Затем буквально

несколько дней (с 18 по 25 декабря 1991 года) ему пришлось возглавлять Службу внешней разведки (СВР) РСФСР. А 25 декабря 1991 года последовал Указ Президента России о преобразовании внешней разведки в Службу внешней разведки (СВР) Российской Федерации и о назначении на должность ее директора Евгения Максимовича Примакова.

Глава 1.

ФИЛЬМ «МЕРТВЫЙ СЕЗОН» — ЭТО О НЕМ

Лонсдейл, при всем его профессионализме, был какой-то «очень человеческий шпион». Он не был изменником, он делал свою работу — как мы.

Питер Райт, высокопоставленный сотрудник МИ-5

23 марта 1961 года в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли завершился судебный процесс по так называемому «портлендскому делу», основным из действующих лиц которого являлся канадский бизнесмен Гордон Лонсдейл. 25 лет тюрьмы — таков был приговор. Имя этого человека тогда не сходило с первых полос английских и американских газет. Но только спустя много лет стало известно, что под этим именем в Англии работал кадровый советский разведчик-нелегал полковник Конон Трофимович Молодой.

ШКОЛЬНИК, РАЗВЕДЧИК, СТУДЕНТ

Конон Молодой родился 17 января 1922 года в Москве в семье научных работников. Его отец преподавал в Московском государственном университете и Московском энергетическом институте, а также заведовал сектором научной периодики в Госиздате. Скончался он от инсульта в 1929 году в возрасте 50 лет. Мать была профессором Центрального научно-исследовательского института протезирования, во время Великой Отечественной войны стала военным хирургом. Сам Конон позже часто шутил, что отец назвал его столь необычным именем в отместку за то, что родители нарекли его Трофимом.

В 1932 году с разрешения советского правительства Конон выехал в США к сестре матери Анастасии Наумовой, которая проживала там с 1914 года, обосновавшись в городе Беркли (штат Калифорния). Учился в средней школе, где в совершенстве овладел английским языком. Много ездил по Калифорнии, бывал в других городах США, посещал Нью-Йорк. В Америке жила и другая сестра матери — бывшая балерина Пьянкова, которая тоже хотела, чтобы племянник пожил с ней. Когда Конону

исполнилось 16 лет, встал вопрос о дальнейшем жизненном выборе. Тетки настаивали, чтобы он после окончания средней школы поступил в один из американских университетов и остался в США.

Однако Молодой твердо решил вернуться на Родину. В 1938 году он возвратился в Москву и продолжил учебу в 36-й московской средней школе, которую окончил в 1940 году.

В октябре 1940 года Конон Молодой был призван в ряды Красной Армии. Весь период Великой Отечественной войны он находился в действующей армии, во фронтовой разведке. Принимал непосредственное участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск. В должности помощника начальника штаба отдельного разведывательного дивизиона лейтенант Молодой неоднократно ходил в тыл противника, брал «языков», добывал необходимые командованию сведения. В боях с фашистскими захватчиками ярко проявились такие качества Конона Молодого, как смелость и отвага. Его ратные подвиги в военное время были отмечены высокими государственными наградами: орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также почетным нагрудным знаком солдатской доблести «Отличный разведчик».

После демобилизации из армии в августе 1946 года Молодой поступил на юридический факультет Московского института внешней торговли. Изучал китайский язык. Учился он легко. Сокурсники как-то сразу единодушно признали в нем вожака.

Генерал-лейтенант Виталий Павлов, который в начале 1950-х годов был руководителем англо-американского отдела нелегальной службы советской внешней разведки и изучал Молодого в качестве кандидата на работу в органы государственной безопасности, в своих мемуарах писал:

«Тогда Конон Трофимович произвел сильное впечатление, надолго оставшееся в памяти. Он всегда стоял особняком, как, в известной мере, образец идеального разведчика.

В молодые годы он успел пройти суровую школу Великой Отечественной войны. Характеризовался как отважный и смелый войсковой разведчик, неоднократно ходивший в тыл противника.

Когда он был еще студентом третьего курса института, на него обратила внимание советская разведка. Изучение его личных и деловых качеств в течение двух лет только подтвердило соответствие его кандидатуры высоким требованиям, которые предъявляет к разведчикам работа в нелегальных условиях.

Парень вызывал большую симпатию своим оптимизмом,

уверенностью. Он обладал явными выдающимися способностями к разведывательной деятельности».

Окончив институт в 1951 году, Молодой остался в нем преподавателем китайского языка. В качестве соавтора принимал участие в создании учебника китайского языка, но которому, кстати, до сих пор занимаются студенты языковых вузов. Помимо блестящего знания английского и китайского он свободно говорил на французском и немецком языках.

КАНАДСКИЙ БИЗНЕСМЕН

В конце 1951 года Конон Молодой поступает на работу во внешнюю разведку органов госбезопасности и начинает готовиться к деятельности за рубежом с нелегальных позиций. Он глубоко освоил теоретические основы разведывательной профессии и серьезно прочувствовал особенности предстоящей работы,

В 1954 году Молодой был нелегально выведен в Канаду, а затем с документами на имя канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла переехал в Англию, где приступил к выполнению заданий Центра в качестве руководителя нелегальной резидентуры. В Лондоне он занялся бизнесом, создав фирму по продаже и обслуживанию игровых автоматов. Это стало удачным прикрытием для разведывательной деятельности и легализации средств, получаемых из Центра.

Известный журналист-международник Леонид Колосов, учившийся вместе с Молодым в институте, вспоминая о нем, писал:

«Главные, да и, пожалуй, единственные источники, формирующие наше представление о профессии разведчика, — кино и литература — давно выработали определенный штамп: сложенный, как древнегреческий бог, молодой человек с чеканными сверхволевыми чертами лица, обладающий поразительной находчивостью и острым, как лезвие бритвы, цепким умом.

У Молодого была типичная внешность разведчика. Типичная в том смысле, что маловыразительная и неприметная. И это надо понимать буквально: он человек без особых примет. Все у него как бы среднее — рост, телосложение, полнота, нос, глаза... И особо красивым его не назовешь, и некрасивым считать нельзя. Если вечером вы познакомитесь с ним, а наутро вас попросят описать его, почти наверняка вы не сможете этого сделать. В памяти останется только ощущение чего-то общего и еще — приятного. Впрочем, обаяние — это уже сугубо личная его черта.

Внешность его лишена каких-либо ярких национальных черт. Он легко может сойти и за англичанина, и за скандинава, равно как и за немца, славянина или даже француза».

Вскоре к «Бену» (таким был оперативный псевдоним Конона Молодого) были направлены помощники — разведчики-нелегалы Моррис и Леонтина Коэн, ставшие позже известными всему миру как новозеландские граждане Питер и Хелен Крогер. Они поддерживали регулярную связь с Центром.

В течение пяти лет резидентура «Бена» успешно добывала в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касающуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе — ракетного оружия, получившую высокую оценку советских специалистов.

Ветеран внешней разведки генерал-майор Василий Дождалев, который лично поддерживал периодический контакт с «Беном» и работал с одним из его источников в Англии, в интервью газете «Московский комсомолец» отмечал:

«Думаю, Москва знала о подводном флоте Великобритании не меньше, чем сама королева Елизавета.

Помимо того, что мы полностью владели ситуацией, брали на вооружение и какие-то новые разработки. Полученные данные направляли в институты, в конструкторские бюро, активно внедряли в жизнь. Скажем, целая серия наших эхолотов была сделана на основе английских. Интерес к этим материалам был огромен».

А в архивных документах Службы внешней разведки России по этому поводу, в частности, указывается:

«Это было одно из наиболее эффективных звеньев внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах США, расположенных на ее территории).

Позже, на суде, было обнародовано заключение Королевской комиссии по делу Лонсдейла, в котором подчеркивалось, что в результате деятельности разведчиков «сколько-нибудь важных секретов в британском Адмиралтействе более не осталось».

В Лондоне Молодой вновь взялся за изучение китайского языка — на сей раз в Лондонском университете. Разведчику пришлось нелегко. Надо же было делать вид, что он, начинающий бизнесмен, совсем не знает китайского. Зато занятия помогай Молодому выявить целый ряд офицеров

британской и американской разведок, которые учили язык для работы в Китае. Один из его товарищей по учебе даже однажды признался: «Знаешь, Гордон, из всей нашей группы только ты и я — не разведчики».

Так что же случилось в 1961 году?

ПРОВАЛ

В результате предательства одного из руководящих сотрудников польской разведки, М. Голеневского, ЦРУ получило сведения о том, что СССР якобы располагает информацией с базы английских военно-морских сил в Портленде.

Еще в 1958 году Голеневский, завербованный ЦРУ, сообщил американцам о том, что у советской разведки в Портленде есть ценный источник информации. ЦРУ проинформировало об этом английскую контрразведку. Последняя затратила на поиски советского агента, работавшего на базе, целый год. К концу 1959 года он был установлен и взят в активную разработку. К середине 1960 года контрразведчики установили Молодого, а затем и супругов Крогеров.

Предоставим вновь слово В.Л. Дождалеву:

«Англичане “пасли” резидентуру семь месяцев. Действовали они очень уверенно. Зная об истинном лице Лонсдейла, они выпустили его летом 1960 в отпуск, на континент. Не сомневались, что он вернется обратно. Откуда такая уверенность? Ну, во-первых, операция контрразведки — это всегда игра, всегда некий риск. Во-вторых, они понимали, что ни с того ни с сего уходить Лонсдейл не станет. И, в-третьих, брать его все равно было рано. Им нужно было выявить связи, собрать необходимые доказательства вины. Риск себя оправдал».

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Голеневский, который находился в то время в командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане из опасения, что Москва сообщит об этом побеге своим разведчикам, поспешили с арестом Лонсдейла и Крогеров, произведя его 7 января.

Когда Молодого арестовали, он держался подчеркнуто невозмутимо. На процессе он отлично контролировал себя, не позволял себе расслабиться ни на минуту, следил за своими жестами, выражением лица, чувствовал, как за ним внимательно наблюдает зал.

В заключительном заявлении на суде он взял всю вину на себя, пытаясь освободить от обвинения в шпионаже супругов Крогеров.

Лондонская газета «Обсервер», оценивая поведение Молодого на процессе, писала:

«В нем было что-то настолько профессиональное, что возникало лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это — он».

Молодой был приговорен к 25 годам тюремного заключения. Во время ареста, следствия и судебного процесса он вел себя стойко и мужественно, не выдав противнику никаких секретов. За исключением двух источников, о которых стало известно британской контрразведке, резидентура Молодого так и осталась не раскрытой англичанами.

Публицисты Дж. Буллок и Г. Миллер в своей книге «Кольцо шпионов» отмечали:

«Приговор (25 лет) заставил ахнуть публику, заполнившую битком помещение суда. Даже самые максимальные предсказания, которые делали вовсю в течение нескольких дней, не превышали 14 лет заключения.

Лонсдейл же воспринял приговор с полуулыбкой и, четко повернувшись, быстро спустился по ступенькам к камерам, расположенным этажом ниже...»

ВСТРЕЧА С «ОТЦОМ»

Предварительное слушание по «делу Лонсдейла» началось 7 февраля 1961 года и проходило в суде первой инстанции на Боу-Сгрнгг. Это была генеральная репетиция того пышного спектакля, который предстояло разыграть несколько позднее в уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли. Впрочем, предварительное слушание с таким же нравом можно сравнить с разведкой перед боем. И этот этап разведчик выиграл.

На данном судебном заседании решается лишь один вопрос — достаточно ли у обвинения доказательств, чтобы можно было передать дело суду присяжных. А потому само предварительное слушание «дела Лонсдейла» представляло собой скучную и однообразную процедуру. Ее унылый ритм нарушали лишь некоторые нелепые эпизоды, которые случались время от времени на радость журналистам.

Так, для усиления доказательной базы над «советским шпионом» английские спецслужбы доставили на заседание суда из Канады отца настоящего Лонсдейла, чью фамилию и биографию использовал разведчик.

По легенде, Молодой жил и работал в Англии как рожденный в Канаде и был якобы сыном этого самого Лонсдейла. При этом следует

отмстить, что в те годы установка родственных связей через систему анализов, в том числе — ДНК, представлялась из области фантастики.

Лонсдейла-отца привезли на суд, чтобы свидетельствовать публично, что Конон не его сын, а другой человек. Но адвокат, которого нанял Молодой, быстро выяснил, что сын Лонсдейла переехал из Канады в Финляндию вместе с матерью, когда ему еще и года не исполнилось, и больше никогда с отцом не встречался.

Целой серией вопросов адвокат полностью поставил в тупик Лонсдейла-отца и под смех зала доказал, что тот физически не мог опознать человека, которого видел только младенцем. В результате канадец признался, что сам не понимает, зачем его вызвали на это судебное заседание. На следующий день английская пресса высмеяла глупый провал организаторов процесса, одновременно выразив недоумение по поводу целей обвинения, пригласившего этого никому не нужного свидетеля.

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Итак, Молодой начал отбывать в тюрьме свой бесконечный срок. Он, как грамотный юрист (напомним, что в 1951 году он окончил юридический факультет Московского института внешней торговли), тщательно изучил тюремный регламент и нашел в нем положение, по которому заключенный имел право получать газету, издаваемую в его родном городе, за счет тюрьмы.

Конон записался на прием к начальнику тюрьмы и подал тому соответствующее заявление, в котором потребовал выписать для него газету из его родного города, из Москвы (к тому времени вопрос о том, что Конон из Советского Союза, уже был принят сторонами). Конон попросил выписать ему газету... «Правда». Просьба советского разведчика привела руководство тюрьмы в замешательство. Однако, подумав несколько дней, англичане ее выполнили, справедливо признав, что в любом случае закон нужно соблюдать.

Молодой всегда был оптимистом, встречавшим любые невзгоды, большие и малые неприятности с легкой улыбкой и уверенностью, что все преодолеет. В тюрьме он занялся переводами английских книг на русский язык и перевел их около десятка — почти две тысячи страниц текста. В то же время, будучи уже в Москве, разведчик рассказывал:

«Должен признаться, что в тюрьме я неожиданно остро ощутил одиночество. При мысли о своих родных и близких, живущих за тысячи

мил, мне становилось очень грустно. Но я всегда находил утешение в мыслях, что моя работа полезна, в сущности, всем людям, включая и моих близких...»

Об оптимизме Молодого, его уверенности в том, что на Родине о нем помнят и делают все возможное, чтобы вызволить из неволи, свидетельствовал, в частности, и другой выдающийся советский разведчик — Джордж Блейк. В результате предательства Дж. Блейк был также арестован и приговорен к самому продолжительному сроку тюремного заключения в истории британского правосудия — 42 года тюрьмы. Разведчики одно время отбывали наказание в одной тюрьме.

Как-то во время прогулки Молодой с уверенностью сказал Блейку, что они вместе будут присутствовать в Москве на параде на Красной площади в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Такая убежденность Молодого поразила Блейка.

Самое удивительное, что оба разведчика действительно присутствовали на этом параде, находясь на трибуне для почетных гостей...

ВОЗРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В ноябре 1962 года Молодой прочитал в одной из лондонских газет сообщение об аресте в СССР по обвинению в шпионаже английского коммерсанта Гревилла Винна, Это известие породило у него вполне обоснованные надежды на возможный обмен.

В 1964 году английские власти согласились обменять советского разведчика на сотрудника британских спецслужб Гревилла Винна, арестованного в Москве по делу Пеньковского. После возвращения на Родину Молодой работал в центральном аппарате внешней разведки.

В одном из своих интервью советским журналистам Конон Молодой подчеркивал:

«Я не воровал английские секреты, а методами и средствами, которые оказались в моем распоряжении, пытался бороться против военной угрозы моей стране.

Я искренно верю, что мои усилия, моя работа способствовали поддержанию мира на земле».

За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий, полковник Молодой был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, а также нагрудным знаком «Почетный

сотрудник госбезопасности».

Работа разведчика-нелегала Молодого положена в основу художественного фильма «Мертвый сезон», в котором он стал прототипом разведчика Ладейникова.

9 октября 1970 года Конон Трофимович Молодой скоропостижно скончался от инсульта. Было ему всего 48 лет. Похоронен разведчик-нелегал на Донском кладбище в Москве.

Имя Конона Молодого занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации. В военное и мирное время полковник Молодой мужественно и честно служил своей Родине.

* * *

...В феврале 2000 года Зал истории внешней разведки в штаб-квартире СВР в Ясеневе посетила группа российских космонавтов. Летчик-космонавт Виктор Афанасьев передал сотрудникам СВР бесценный дар — книгу «Гордон Лонсдейл: моя профессия — разведчик». Члены авторского коллектива книги неоднократно встречались и беседовали с Кононом Молодым в последние годы его жизни и на основании этих бесед воспроизвели увлекательные воспоминания разведчика о своей работе за рубежом.

Переданный в подарок разведчикам экземпляр книги с 14 января 1991 года по 28 августа 1999 года находился в космосе, а с 16 января 1991 года по 27 августа 1999 года — на космическом комплексе «Мир». Практически все свободные места в книге покрыты штампами экспедиций посещения комплекса. Значит, космонавты о Молодом читали. Советский разведчик-нелегал помогал разведчикам космоса выполнять их исключительно трудные и ответственные задания.

Глава 2.

ОТМЕЧЕН И ВЫБРАН БОГОМ...

Иосиф Ромуальдович Григулевич — это вершина советской разведки, достичь которой способны лишь те, кто отмечен и избран Богом.

Ю.В. Андропов

Его удивительная жизнь революционера, разведчика-нелегала, дипломата, писателя и ученого могла бы стать темой не для одного увлекательного романа, которые по своей популярности могли бы превзойти серию шпионских детективов о похождениях заморских джеймсов бондов. Мало кому из обычных людей удавалось даже за долгую жизнь быть участником столь многих событий, порой драматических и даже трагических, встречаться с самыми различными представителями человечества — от простых работяг до послов и министров, взрывать в годы войны корабли, снабжавшие продовольствием и стратегическими материалами нацистскую Германию, а после войны представлять чужую страну, гражданином которой он числился по документам прикрытия, в Италии.

Выдающийся советский разведчик-нелегал, видный ученый и писатель Иосиф Ромуальдович Григулевич (Григулявичюс), о котором идет речь, родился 5 мая 1913 года в столице буржуазной Литвы Вильно в семье провизора-караима, предки которого после разгрома Хазарского каганата русским князем «вещим» Олегом осели в Литве и в Крыму, а их немногочисленные потомки исповедовали иудаизм ортодоксального толка.

Впрочем, семья Иосифа гордилась своей принадлежностью к столь древнему народу, не растворившемуся среди других, более крупных, национальностей и сумевшему сохранить свою самобытность. В семье Иосифа, помимо родного, все разговаривали еще на трех языках: литовском, польском и русском. С детского возраста и он легко овладел этими языками. Видимо, это способствовало развитию у будущего разведчика незаурядных лингвистических способностей. В дальнейшем он в совершенстве освоил итальянский, испанский, португальский,

французский и английский языки.

В 1924 году отец Иосифа потерял работу и эмигрировал в Аргентину. Мальчик остался с матерью в Вильно, оккупированном в то время панской Польшей. Поступил в городскую гимназию имени князя Витовта.

В период учебы в гимназии Григулевич познакомился с представителями подпольной молодежной коммунистической организации и вскоре стал ее активным членом. В 1929 году его исключили из гимназии «за коммунистическую деятельность». Однако он не отказался от революционной деятельности. В 1930 году Григулевич становится членом компартии Польши. Через год молодой революционер-подпольщик избирается в состав литовского бюро ЦК компартии Западной Белоруссии.

В феврале 1932 года Григулевич был арестован польской полицией и в мае того же года приговорен к двум годам заключения условно. В августе следующего года он был выслан из Польши.

По решению Литовского коммунистического бюро Григулевич выехал во Францию и поступил в парижскую Высшую школу социальных наук. Продолжая революционную деятельность, он присоединился к коммунистической фракции Сорбонны, поддерживал переписку со своими друзьями, оставшимися в Польше, направлял им свежую политическую литературу.

В августе 1934 года по предложению Коминтерна Григулевич был направлен на работу в Аргентину, где проживал его отец. Трудился продавцом радиоаппаратуры, страховым агентом, журналистом. Одновременно не прекращал революционной деятельности. Он активно сотрудничал с нелегальной секцией Международной организации помощи рабочим (МОПР), являлся членом редколлегии ежемесячного нелегального журнала этой организации «Сокорро рохо». Подпольная партийная работа становится профессиональной деятельностью Григулевича, которому шел в ту пору двадцать второй год.

В сентябре 1936 года, с началом гражданской войны в Испании, ЦК КП Аргентины направил Григулевича в Мадрид. Он служил адъютантом начальника штаба армии Мадридского фронта. Затем работал переводчиком советского полпредства в Мадриде.

В марте 1937 года Григулевич был привлечен к работе резидентурой советской внешней разведки и принимал непосредственное участие в ряде острых оперативных мероприятий. По его собственным словам, в Испании он «закончил начальную школу разведки».

В конце 1937 года был направлен в Москву и в апреле 1938 года выведен в качестве разведчика-нелегала в Латинскую Америку, где вел

активную разведывательную работу в ряде латиноамериканских стран.

Будучи человеком, обладающим способностью легко и быстро устанавливать контакты в любой социальной среде, он быстро завел полезные для разведки связи и создал в Латинской Америке несколько агентурных групп, подбирая для работы на советскую разведку надежных и идейно близких нам людей. Достаточно сказать, что в разное время у него на связи находилось до 50 помощников.

В период Великой Отечественной войны Григулевич руководил нелегальной разведывательно-диверсионной группой в Аргентине. Наряду с добыванием информации в задачу группы входило ведение диверсионной работы по срыву снабжения Германии продовольствием, сырьем и другими стратегическими материалами из латиноамериканских стран. В общей сложности группой Григулевича было заложено более 150 мин, в результате чего были потоплены многие транспорты, направлявшиеся в германские порты. Следует подчеркнуть, что в результате деятельности группы Григулевича к середине 1943 года вывоз латиноамериканской селитры через Буэнос-Айрес резко сократился.

Один из соратников Иосифа Григулевича по работе в Аргентине позже вспоминал:

«Это был мужественный, до дерзости смелый, преданный делу человек. Он, тщательно подбирая и воспитывая в духе интернационализма молодых антифашистов, создал блестящий, неуловимый, великолепно действовавший отряд боевиков. Он не только был руководителем, но всегда сам лично принимал участие во всех боевых операциях. Среда членов отряда он пользовался огромным авторитетом, уважением и любовью, слово командира для всех было законом. Дух справедливости, товарищества, гордости за свое участие в борьбе с фашизмом воодушевлял бойцов отряда, и за это они были благодарны своему командиру».

После окончания войны Григулевич проживал нелегально в Мексике по костариканскому паспорту на имя Теодора Кастро. Там он сблизился с представителями костариканского революционного движения, которые, находясь в эмиграции, готовили государственный переворот.

В 1947 году вместе с женой Лаурой Иосиф Григулевич был нелегально выведен в Москву, где супруги прошли дополнительную специальную подготовку. Осенью 1949 года они выехали через ряд европейских стран на длительное оседание в Италию (Рим).

После смены власти в Коста-Рике Григулевич, используя связи в новом правительстве, смог создать для себя уникальное прикрытие: он был назначен временным поверенным, а с 1952 года — чрезвычайным

посланником в ранге полномочного министра Республики Коста-Рика в Италии. Одновременно являлся посланником при Папском престоле в Ватикане и по совместительству — посланником в Югославии. Он достаточно быстро установил необходимые связи в дипкорпусе и начал направлять в Центр исключительно актуальную и важную информацию.

Осенью 1953 года Григулевич по соображениям безопасности был отозван в Советский Союз. Он уволился из органов государственной безопасности и занялся научной деятельностью. Работал заведующим сектором Института этнографии АН СССР. Доктор наук (1965 год), член-корреспондент АН СССР (1979 год). Считался крупнейшим специалистом по Ватикану и латиноамериканским странам. Являлся главным редактором журнала «Общественные науки в СССР». Автор многочисленных научных трудов и монографий (более 200 работ). Под псевдонимом «Иосиф Лаврецкий» (девичья фамилия матери) издал в серии «ЖЗЛ» 18 книг, посвященных политическим и общественным деятелям стран Латинской Америки.

Товарищ Иосифа Ромуальдовича и коллега по разведке генерал-лейтенант Николай Леонов позже вспоминал:

«Писал Григулевич удивительно легко и быстро. Помню, его наставник по нелегальной работе, генерал Н.А. Корзников, рассказывал, как он собрал группу кандидатов в разведчики и попросил их написать в течение двух часов своеобразный очерк на тему “Кофе”, чтобы проверить их эрудицию и умение излагать письменно свои мысли. Григулевич без труда представил двадцатистраничное эссе, поразившее экзаменаторов глубиной знаний предмета, изяществом слога и, главное, быстротой работы автора».

Работа Григулевича в разведке и на научном поприще была отмечена орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Дружбы народов, многими медалями, а также рядом высоких наград иностранных государств.

Он скончался 2 июня 1988 года. Мало кто знал тогда об истинной деятельности Иосифа Ромуальдовича Григулевича. Потому в многочисленных некрологах, опубликованных в СССР и за рубежом, ничего не говорилось о том, что он принадлежит к той плеяде выдающихся сотрудников «невидимого фронта», о которых слагали и слагают легенды, что он прожил разведчиком-нелегалом много разных жизней в тринадцати странах мира.

Сам Иосиф Григулевич называл себя и своих товарищей по боевой работе «романтиками разведки». От себя можем добавить, что поколение Григулевича — разведчики 1940-х — 1950-х годов, как правило, люди

неординарные, новаторы — являлись, в первую очередь, патриотами. Патриотами своей страны, патриотами Службы. Именно таким и был разведчик-нелегал Иосиф Григулевич.

***ТЕМ, КТО БУДЕТ ЖИТЬ, ТРУДИТЬСЯ И БОРОТЬСЯ В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ***

***(Обращение Иосифа Григулевича к молодым сотрудникам внешней
разведки)***

Меня попросили обратиться к молодым чекистам и поделиться с ними своими мыслями о нашей работе, о долге советского разведчика, его моральном облике. Я согласился, но, подумав, решил, что вряд ли могу сказать им что либо новое, такое, чего бы они уже не знали из слов своих родителей и близких, учителей, наставников и начальников, чего они не прочли бы в книгах или в газетах. Сказать им, что они должны быть верными сынами Родины, мужественными ее защитниками, неутомимыми борцами за высокие идеалы социальной справедливости, непримиримыми к противнику? Что они должны служить примером и на работе, и семье? Да кто ж у нас этого не знает, эти истины давно стали прописными, хотя из этого вовсе не следует, что все прониклись ими и уже нет надобности учить людей уму-разуму. Да, человек — сложный механизм, знание тех или иных истин еще не делает его идеальным. Для того, чтобы человек стал Человеком с большой буквы, он должен любить своих товарищей, свой народ, дело, которому он служит, больше, чем самого себя, свою собственную персону, иными словами, чтоб свое личное счастье он видел в служении людям. А такое чувство самопожертвования во имя общего блага больше всего свойственно молодым. Таков закон жизни. Юноша всегда готов на подвиг, готов совершить благородный поступок, готов пожертвовать собой. Напоминать же ему об этом было бы нудным для него нравоучением.

Следует ли из этого, что мне нечего сказать молодому разведчику? Вовсе нет! Я о многом хотел бы поговорить с ним, многое ему рассказать, о многом спросить. Я хотел бы поговорить с ним о нашей далеко не легкой, но еще настолько жизненно нужной и важной профессии, которая требует отдачи всех наших сил, упорства, целеустремленности, собранности и глубоких знаний во многих областях человеческой деятельности Я хотел

бы рассказать ему о своей работе советского разведчика, довольно сложной, но всегда интересной и содержательной, о которой я всегда вспоминал с удовлетворением, ибо, как мне кажется, именно в эти годы я глубже всего познал себя и людей и смог принести больше всего пользы Родине. Наконец, я хотел бы его спросить о том, что он думает об окружающем нас мире, как он понимает свое место в нем, что он думает о моем и своем поколениях, каким видит наше с ним будущее? Возможно, не все, что мне скажет молодой разведчик, удовлетворит меня, многое меня порадует, но, может быть, в его ответах будет и такое, что огорчит меня. Возможно, я поспорю с ним и в чем-то сумею убедить его, а в чем-то опубедит меня. Ведь я тоже когда-то был молодым и не во всем соглашался со старшими и более умудренными жизненным опытом и знаниями коллегами...

Так что же все-таки мне сказать молодым чекистам? Я хотел бы пожелать им, чтобы они были чуточку лучше, умнее и удачливее нас, может быть даже не чуточку, а намного удачливее. Ведь сегодня к их услугам не только богатейший опыт прежних поколений чекистов, но и современная чудо-техника, и знания, и огромная мощь, и высочайший авторитет нашего государства. Я хотел бы пожелать им, чтобы их свершения и достижения затмили бы результаты, достигнутые нашим поколением. Мы, старики, в обиде не будем, более того, будем им за это только глубоко признательны и благодарны. Мы не сомневаемся, что именно так и будет в действительности.

Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось бы сказать молодым чекистам, которым предстоит жить, бороться и побеждать в третьем тысячелетии.

Октябрь 1977 года

(Печатается с сокращениями)

Глава 3.

ЧЕЛОВЕК УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ

10 января 2012 года на 88-м году жизни скоропостижно скончался выдающийся советский разведчик-нелегал, Герой Советского Союза, человек удивительной судьбы Геворк Андреевич Вартанян. И сегодня нам хотелось бы напомнить читателям книги некоторые моменты из жизни и деятельности этого замечательного человека — бойца «невидимого фронта».

НЕЛЕГАЛ, СЫН НЕЛЕГАЛА

Геворк Вартанян родился 17 февраля 1924 года в Ростове-на-Дону в семье иранского подданного, армянина по национальности, директора маслобойного завода, находившегося в станице Стенной. Когда в 1930 году семья выехала в Иран, Геворку было всего шесть лет.

Его отец Андрей Васильевич был связан с советской внешней разведкой и покинул СССР по ее заданию. Он прочно обосновался в Иране, став преуспевающим коммерсантом. Прожив шесть лет в Тавризе, семья переехала в Тегеран. Позиции отца — человека со связями и солидным положением в обществе, владельца кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями, являлись для него надежным прикрытием. Используя это прикрытие, Вартанян-старший вел активную разведывательную и агентурную работу: вербовки, поддержание связи с нелегалами, приобретение для них «железных» документов. Он почти никогда не пользовался финансовыми средствами Центра, обходился теми деньгами, которые зарабатывал сам. В грозные годы Великой Отечественной войны, когда над Советским Союзом нависла смертельная угроза, Андрей Вартанян собрал значительную сумму денег, которые были переданы в Центр для постройки боевого танка.

В 1953 году Андрей Вартанян вернулся из Тегерана в Ереван, проработав на разведку в соседнем Иране 23 года. Он был настоящим патриотом Советского Союза, и в таком же духе воспитывал своих детей. Именно под влиянием отца Геворк стал разведчиком.

ПУТЬ В РАЗВЕДКУ

Геворк Вартамян связал свою судьбу с советской разведкой в 16 лет, когда в феврале 1940 года добровольно установил прямой контакт с тегеранской резидентурой. Большую роль в его становлении как разведчика сыграл возглавлявший в годы войны советскую внешнюю разведку в Иране опытный профессионал Иван Агаянц.

Геворку пришлось начинать работать в разведке в период сложной обстановки в стране. К началу Второй мировой войны в Иране находилось около 20 тысяч немецких граждан: военные инструкторы, разведчики и агентура под видом торговцев, бизнесменов, инженеров. Через резидентуры своей разведки и их агентурную сеть, включая многочисленных агентов влияния, гитлеровцы воздействовали на иранские политические круги, командование вооруженных сил, жандармерию и полицию.

Советское правительство не могло оставаться безучастным к развитию событий в Иране. Для того, чтобы пресечь подрывную деятельность нацистской агентуры и предотвратить нападение гитлеровских войск с этого плацдарма на южные границы СССР, Москва вынуждена была на основании действовавшего тогда советско-иранского договора и по согласованию с Лондоном и Вашингтоном ввести в Иран в августе 1941 года ударную группировку частей Красной Армии. Одновременно в страну были введены и подразделения английских войск. 17 сентября советские и английские части вошли в иранскую столицу.

Хотя советско-английская военная акция и переломила ситуацию в Иране, позиции гитлеровских спецслужб в стране и их иранских пособников сохранялись. Жесткое противоборство с абвером Канариса и политической разведкой Шелленберга (СД) на территории Ирана продолжалось до конца войны. Более того, Иран использовался гитлеровскими спецслужбами и для ведения шпионско-подрывной работы на территории СССР. Тегеранская резидентура сообщала в Центр в 1941 году: «Немцы из Ирана руководят разведкой, работающей в СССР, они “перелетают” из Ирана в СССР и обратно, как саранча».

Перед резидентурами советской внешней разведки в Иране руководством НКВД была поставлена приоритетная задача по «созданию агентурной сети в целях выявления сотрудников и агентов иностранных разведок, враждебных СССР организаций, предотвращения возможных диверсий и иной подрывной работы, направленной на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в Иране».

Первым заданием, которое поручили Геворку Вартамяну, получившему оперативный псевдоним «Амир», было подобрать надежных ребят, своих

сверстников и организовать группу для оказания помощи старшим коллегам из резидентуры в выявлении фашистских пособников в Тегеране и других городах.

Следует отметить, что большая часть населения Ирана дружественно относилась к СССР, особенно прогрессивно настроенная молодежь. Поэтому «Амир» быстро справился с поручением. Ему удалось привлечь к сотрудничеству друзей и единомышленников, готовых бороться с фашизмом. Они были примерно одного возраста — армяне, лезгинцы, ассирийцы.

Одним из активных членов группы «Амира» с первых дней ее создания стал его близкий друг Оганес. Именно в доме Оганеса он впервые увидел свою будущую жену, а тогда 15-летнюю девочку, его сестру, чернобровую красавицу Гоар. Вскоре «Амир» привлек Гоар к работе в своей группе.

Никакой оперативной подготовки у ребят не было, и сотрудникам резидентуры приходилось учить их грамотно вести наружное наблюдение и выполнять другие специальные задания.

Члены группы «Амира», молодые люди, почти подростки, самоотверженно и с большим энтузиазмом помогали тегеранской резидентуре в борьбе с фашистскими спецслужбами и с широкой сетью их агентуры.

О результативности группы «Амира» свидетельствуют следующие данные: только за два года работы с ее помощью было выявлено не менее 400 человек, так или иначе связанных с германскими разведслужбами.

УЧЕБА В АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДШКОЛЕ

В 1942 году Амиру пришлось выполнять специальное разведывательное задание.

В годы войны Великобритания была союзницей СССР по антигитлеровской коалиции, и резидентуры двух стран в Тегеране сотрудничали друг с другом по ряду оперативных вопросов. Однако это не мешало англичанам вести против СССР подрывную работу. Советской резидентуре стало известно, что англичане создали в Тегеране разведывательную школу. В нее набирали молодых людей со знанием русского языка. Готовили их для заброски с разведывательными заданиями на территорию советских республик Средней Азии и Закавказья. Срок обучения — шесть месяцев. Конспирация — строжайшая. Обучение

проводилось парами, армян готовили для заброски в Армению, таджиков — в Таджикистан и т.д.

По заданию Центра «Амиру» удалось внедриться в разведшколу. Сразу же началась работа по установке ее курсантов, к которой подключилась вся «легкая кавалерия». Через некоторое время у резидентуры была подробная информация и о самой школе, и о тех, кто в ней учился. Заброшенные на территорию СССР «выпускники» обезвреживались или перевербовывались и работали затем «под колпаком» советской контрразведки.

Англичане заподозрили что-то неладное: школа работала на холостом ходу. Через некоторое время советский представитель встретился с официальным представителем английской разведки в Иране и сделал ему представление по поводу «несоюзнического поведения». Последний все отрицал. Однако в скором времени «учебное заведение» перестало существовать.

За полгода «Амир» прошел в английской разведшколе полный курс обучения. Полученная в ней от офицеров секретной службы Его Величества добротная оперативная подготовка очень пригодилась советскому разведчику впоследствии.

И ВНОВЬ МНОГОЛЕТНЯЯ БОЕВАЯ РАБОТА

Активность советской разведки в Иране, но существу, парализовала деятельность подпольных профашистских организаций в стране, способствовала нанесению сокрушительного удара по немецким спецслужбам: они не смогли в полной мере раскрыть свой потенциал и решить многие из поставленных перед ними задач, в том числе и по подготовке покушения на руководителей стран «большой тройки» в ходе работы Тегеранской конференции, которая проходила в иранской столице с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Свой весомый вклад в деятельность советской внешней разведки в Иране в тот период внесли и молодые разведчики группы «Амира». В частности, им первым удалось добыть информацию о заброшенной в страну передовой группе немецких «коммандос» и обнаружить их местонахождение. Все диверсанты были арестованы. Когда немецким спецслужбам стало известно о провале передовой группы, в Берлине решили отказаться от направления в Тегеран главных исполнителей операции по физическому устранению глав СССР, США и Великобритании.

30 июня 1946 года в Тегеране Гоар и Геворк сыграли свадьбу и еще

шесть лет работали в Иране.

Группа «Амира» продолжала успешно действовать до апреля 1949 года. А в 1951 году молодые супруги попросили Центр предоставить им возможность получить высшее образование. Выбор пал на факультет иностранных языков Ереванского университета.

Затем последовала многолетняя жизнь под прикрытием вымышленных имен и фамилий, работа в экстремальных условиях и сложной обстановке в различных странах мира. Этапы разведывательной деятельности, о которой еще не пришло время рассказывать, да и вряд ли оно наступит в ближайшие 50 — 100 лет. Операции, блестяще проведенные этим человеком, могли бы войти в учебные пособия спецслужб многих стран, как образец того, каких успехов может достичь разведчик. Его очередная заграничная командировка длилась более 30 лет.

О присвоении Геворку Андреевичу звания Героя Советского Союза ему сообщили в 1984 году. Вартанян стал первым советским разведчиком-нелегалом, отмеченным этим высоким званием за работу в мирное время.

В 1992 году полковник Вартанян вышел в отставку. Но до конца своих дней он продолжал активно трудиться в СВР — встречался с молодыми сотрудниками различных подразделений внешней разведки, которым передавал свой богатый оперативный опыт.

Незадолго до своей смерти Геворк Андреевич Вартанян отмечал:

«В разведку меня привлекла не перспектива стать популярным и известным, а возможность приложить свои силы и способности на одном из жизненно важных для страны направлений. Я очень люблю свою работу, и пусть меня простят представители других профессий, но я считаю, что Разведка (именно с большой буквы) — это не только романтика, но и, прежде всего, один из самых эффективных путей защиты Отечества. Это работа для подлинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. В такую работу нельзя не влюбиться».

Глава 4.

СЕМЕЙНАЯ РЕЗИДЕНТУРА

В один из морозных зимних дней начала 1970-х годов в московском аэропорту «Шереметьево» приземлился самолет иностранной авиакомпании. Ничем не выделяющуюся среди прилетевших среднего возраста супружескую пару встречал сдержанный молодой человек. Обмен приветствиями и рукопожатиями, посадка в автомобиль, и черная «Волга» понеслась с пассажирами к столице. Объятия и поцелуи, улыбки и дружеское застолье ждали их впереди. После 15 лет работы в особых условиях за границей в Центр возвратились разведчики-нелегалы супруги Михаил и Галина Федоровы.

Все началось со встречи Галины и Михаила в уже далеком 1947 году. Но сначала расскажем немного о жизненном пути каждого из наших героев до этого знаменательного момента.

Михаил Владимирович Федоров родился 1 января 1916 года в городе Колпино под Петроградом в семье питерского рабочего. Отец в то время трудился на Ижорском заводе в сталелитейном цехе, а мал, занималась домашним хозяйством. Когда в 1922 году отец вернулся со службы в Красной Армии, семья переехала на жительство в город Ямбург, переименованный вскоре в Кингисепп.

В Кингисеппе прошли детские и юношеские годы Михаила. В школе он увлекался спортом, поэтому после окончания десятилетки в 1935 году поступил на учебу в Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта.

По окончании института 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, Михаил был зачислен на службу в 5-е управление РККА, как в то время называлась советская военная разведка. А уже в начале октября того же года направлен для прохождения разведывательной подготовки в индивидуальном порядке в отделение разведотдела штаба Западного особого военного округа в город Белосток. Подготовка включала в себя изучение двух иностранных языков, радио- и фотодела, шифров. Заниматься приходилось ежедневно, с утра до позднего вечера, практически без выходных. Программа подготовки была рассчитана на восемнадцать месяцев. Планировалось, что в конце июня 1941 года он

должен был нелегально уйти в Польшу, а затем, обзаведясь там польскими документами, попытаться осесть в Германки. Однако планам руководства не суждено было реализоваться. Когда подготовка разведчика была практически завершена, началась Великая Отечественная война.

Застигнутый вторжением немецких войск в Белостоке, Михаил вместе с другими сотрудниками разведотделения выходил из окружения, прорывался к своим.

В конце июля 1941 года Михаил был направлен в распоряжение разведотдела штаба Западного фронта в район Вязьмы, на станцию Касня.

В качестве заместителя командира группы разведчиков он до декабря 1941 года находился за линией фронта — в Великих Луках и Невеле. Члены группы вели разведку по дислокации и передвижению частей противника, минировали дороги, разрушали средства связи, карали предателей Родины.

В начале сентября 1942 года Михаил в составе разведывательно-диверсионного отряда специального назначения был выброшен на парашюте в районе города Барановичи Брестской области. За участие в боевых операциях награжден орденом Красной Звезды.

В общей сложности в тылу врага Михаил Федоров провел более 27 месяцев. Научился переносить трудности, ориентироваться в сложной обстановке, в совершенстве овладел радиоделом, приобрел навыки конспирации, усовершенствовал немецкий и польский языки. Опыт военных лет очень помог ему в последующей разведывательной работе.

После возвращения в Москву из-за линии фронта в августе 1944 года Федоров был откомандирован в распоряжение Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Он прошел необходимую подготовку и в августе 1945 года был направлен на нелегальную работу в Англию. Работал там в дипломатическом представительстве одной из зарубежных стран. Передавал в Центр важную информацию военно-политического характера.

Однако спустя полтора года из-за нелепой случайности разведчику пришлось прекратить командировку. А произошло вот что. В один из обыденных дней Михаил шел по коридору учреждения, в котором работал, и вдруг в его противоположной стороне увидел свою знакомую — бывшую преподавательницу из Белостока, у которой брал уроки иностранного языка. Непосредственного контакта удалось избежать, однако Михаил не был уверен, что женщина его не заметила. На другой день он выяснил, что преподавательница находилась в Англии в командировке и посетила посольство по своим личным делам. В Москву ушла радиограмма о случившемся. Центр решил не рисковать разведчиком.

Уже будучи в Москве, в середине 1947 года Федоров переводится из военной разведки на работу в Комитет информации при Совете Министров СССР (так в то время называлась внешняя разведка госбезопасности) и начинает напряженно готовиться к выполнению нового задания за границей. Но в планы подготовки вновь вмешался случай.

Из воспоминаний Михаила Федорова:

«Захожу как-то в столовую. Очередь небольшая, но я куда-то спешил. Вижу — стоят мои коллеги, я к ним:

— Предупреждали, что я буду? — а сам делаю знаки, мол, выручайте. Те только собрались ответить, как сзади раздался тонкий голосок:

— Нет, не предупреждали.

Оборачиваюсь и... встречаю взгляд жгучих черносмольных глаз, смотрящих на меня с вызовом и укором. Так я познакомился с Галей».

* * *

Галина Ивановна Маркина (в замужестве — Федорова) родилась 17 февраля 1920 года в городе Саратове, в рабочей семье. Отец был электромонтером-самоучкой. Позднее, после прохождения профессиональной подготовки, он получил должность директора мельницы, где работала и мать Галины. Сразу после революции вступил в партию большевиков. Последние годы жизни находился на партийной работе.

После смерти отца в 1932 году матери стало очень трудно воспитывать четверых детей: старшей сестре Гали было в то время четырнадцать лет, младшим братьям — менее десяти.

С двенадцати лет Галина воспитывалась у тети — сестры отца, которая проживала в Москве. В 1937 году девушка окончила школу-десятилетку. Стала работать на технической должности в Наркомфине СССР и одновременно учиться на вечернем факультете Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана.

В январе 1939 года по путевке комсомола Галина пришла в органы государственной безопасности. Вначале работала в Транспортном управлении НКВД, занималась техническими вопросами, но привлекалась и к выполнению отдельных оперативных заданий.

В годы Великой Отечественной войны Галина находилась в распоряжении группы особого назначения 4-го главного управления НКВД, занимавшейся подготовкой кадров для работы в подполье в тылу врага. Во

время войны ей приходилось выполнять тяжелые и ответственные задания. Довелось и ухаживать за ранеными бойцами в подшефном военном госпитале, который в ту пору находился на 3-й Мещанской улице. Ночные дежурства, подмена санитарок, чтение газет и личных писем раненым — все это в выкраиваемые часы от основной работы, за счет отдыха. Война закалила Галину, как будущего нелегального разведчика.

В 1946 году Галина окончила двухгодичные курсы иностранных языков при Высшей школе Министерства государственной безопасности СССР. Ей предложили перейти на работу во внешнюю разведку, в подразделение, которое занималось разведкой с нелегальных позиций. Беседовал с ней начальник нелегальной разведки полковник Александр Михайлович Коротков.

Галина Ивановна так рассказывала о первой встрече со знаменитым разведчиком:

«С необыкновенным волнением вошла я в кабинет начальника нелегальной разведки. Из-за большого стола в глубине кабинета энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила внимание на его мужественное, волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким, приятным голосом, с доброжелательностью и знанием дела. Крепко пожал мою руку, он представил меня находившемуся в кабинете сотруднику. Втроем разместились за маленьким столиком, стоявшим перпендикулярно к большому.

Беседа была обстоятельной и очень дружелюбной. На меня произвели большое впечатление его простота в общении, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор.

После беседы, когда вопрос в принципе был решен, Александр Михайлович пошутил:

— Глядя на нее, никто не подумает, что она может заниматься разведкой.

Это был камушек в мой огород. Причиной, видимо, являлся мой невысокий рост, неброский, скромный внешний вид».

Что привело молодую девушку в разведку? Об этом Галина Ивановна позже рассказывала в своих воспоминаниях:

«Мое представление о такого рода деятельности, как и у многих, было весьма скудным. Слышала, что туда отбирают особо способных сотрудников, что подготовка длится очень долго, что сама работа

растягивается на годы и годы. Кроме того, требуется глубокое знание иностранных языков. Тут я имела плюс: языки мне давались легко, я много читала, переводила даже просто так, для себя. Ну и, конечно, волновало, подойду ли для такой службы? После обстоятельной и очень дружелюбной беседы с начальником нелегальной разведки полковником Александром Михайловичем Коротковым вопрос был решен.

На работу в разведку я пошла сознательно, с полным пониманием значения этой службы для государства и той ответственности, которую приняла на себя. Ни в то время, ни в последующем у меня не возникало ни малейших колебаний или запоздалых сомнений в правильности избранного в молодости пути. Я счастлива от того, что разведка стала делом всей моей жизни.

Вскоре произошли приятные изменения в личном плане. Как подарок судьбы появился он — Михаил. Сильный, добрый, чуткий, верный и надежный друг. С первых дней знакомства возникло ощущение, как будто мы знали друг друга сопло лет».

Молодые люди решили пожениться, а сотрудники кадрового аппарата Центра вынуждены были изменить планы подготовки Михаила и начали разрабатывать вариант их совместной поездки на нелегальную разведывательную работу.

Потекли дни и недели активной отработки новых легенд-биографий, исходя из новых задач, которые были поставлены перед разведчиками. Им предстояло многое узнать и многому научиться, прежде чем отправиться на работу в конкретный регион земного шара. Для Федоровых таким регионом была Австралия.

Перед «Сеном» и «Жанной» (такими были оперативные псевдонимы Михаила и Галины Федоровых) была поставлена задача прочно обосноваться в Австралии, найти подходящую работу и закрепиться в стране на «постоянное» жительство. Начался напряженный период подготовки к выезду за кордон: разведчики вживались в свои новые биографии, изучали шифры, тайнопись, радиодело, совершенствовались в иностранных языках. И когда все уже было готово, планы вновь изменились. Один из сотрудников резидентуры внешней разведки в Австралии, который мог знать «Сена», перешел на сторону американцев...

Разведчиков направили в промежуточную страну — Польшу. На акклиматизацию в ней им отводилось полгода. Предстояло не только вжиться в образ поляков, но и понять их психологию, изучить историю и географию Польши, от Гданьска до Кракова и от Люблина до Щецина, современное польское искусство, культуру, узнать новинки кино и

литературы, посмотреть крупные костелы, магазины, почерпнуть из народной лексики шутки, прибаутки и анекдоты.

Розно через шесть месяцев в Варшаву прибыл представитель Центра и сообщил новое задание: выехать на нелегальную работу в одну из стран Западной Европы, на территории которой находились важные объекты Североатлантического блока НАТО. «Сену» и «Жанне» предстояло создать в этой стране региональный пункт нелегальной связи с Москвой, который, в случае военных действий против Советского Союза, должен перейти на боевой режим работы.

Глубокое оседание... Сейчас, но в прошествии многих лет, можно сказать, что длительное пребывание разведчиков-нелегалов за границей было успешным и прошло практически без проблем благодаря их высокому профессионализму. Но тогда, в середине 1950-х, все только начиналось, и перед «Сеном» и «Жанной» простиралась неизвестность. Им практически пришлось начинать жизнь с нуля.

В страну они приехали якобы после долгих лет эмиграции. Война оставила их без родных и близких. На первых порах «Сен» работал слесарем в автомастерской. «Жанна» трудилась секретарем на одной из местных фирм.

Пришлось разведчикам выдержать и серьезный длительный интерес со стороны местных спецслужб. Дело заключалось в том, что местные власти и их спецслужбы с недоверием относились к репатриантам из социалистической Польши. И супругов взяли в проверочную разработку. Местная контрразведка подводила к разведчикам своих осведомителей из числа их знакомых, организовывала внезапные посещения их дома под надуманными предлогами, выставляла за ними наружное наблюдение. Одному из наиболее острых приемов проверки — «с русским текстом» — подверглась «Жанна», когда один из ее знакомых подсунул ей записку, написанную по-русски. «Жанна» хладнокровно среагировала на эту провокацию: повертела листок, выразив полное равнодушие и недоумение.

По каждому факту маневров контрразведки вокруг нелегалов они подробно информировали Центр. Напряжение нарастало. В Москве возникла обоснованная тревога за судьбу разведчиков, следствием которой явилась телеграмма следующего содержания:

«С учетом интенсивности работы спецслужб, продолжительности проводимых мероприятий и принимая во внимание сложную агентурно-оперативную обстановку в стране, полагаем целесообразным рассмотреть возможность вашего возвращения на родину. Оперативные связи просим законсервировать. Рекомендуемый маршрут следования...».

В связи с этой телеграммой было бы интересно привести здесь небольшой отрывок из воспоминаний генерала В.Г. Павлова, бывшего в то время одним из руководителей советской нелегальной разведки:

«Будучи к этому времени заместителем начальника нелегальной службы, я подробно обсуждал проблему безопасности созданной резидентуры региональной связи и с руководством отдела связи. Первоначальный проект указания содержал категорическое предписание выезжать нелегалам домой, так как создавалась реальная угроза их ареста. Но я знал, что “Сен” уже прошел хорошую школу нелегальной работы в Англии, был опытным партизаном и разведчиком во время войны и, очевидно, был способен сам определить, когда возникнет срочная необходимость их исчезновения из страны. Поэтому, докладывая начальнику службы, предложил смягчить указание, сохраняя возможность иного решения. С моим мнением Александр Михайлович Короткое согласился, тем более, что он лично знал и “Сена”, и “Жанну” и сохранил о них самое положительное мнение. Он разделил мое доверие к “Сену” и мою уверенность в выдержке “Жанны”».

По сути дела, окончательное решение вопроса — продолжить или прервать работу с нелегальных позиций — было передано на усмотрение разведчиков, которые лучше, чем Центр, чувствовали обстановку вокруг себя. И они приняли решение:

«Реально оценив обстановку как в стране, так и вокруг нас, докладываем, что легализация в принципе прошла успешно, положение на работе в известной вам фирме прочное. Проявленное со стороны спецслужб внимание считаем профилактическим, вызванным общим нагнетанием кампании шпиономании. В связи с этим считаем возможным продолжить наше пребывание здесь для решения поставленных задач. Просим вашего согласия».

После тщательного изучения ситуации Центр дал согласие на продолжение работы. Кончился период, когда более трех лет местные спецслужбы держали разведчиков «под колпаком». Навязанный им контрразведкой серьезный профессиональный экзамен был успешно выдержан. «В Москве было однозначно определено, — отмечает в своих воспоминаниях В.Г. Павлов, — что “Сен” и “Жанна” своей выдержкой, правильными поведением и реакцией на мероприятия спецслужб рассеяли их подозрения и, проявив тонкое понимание замыслов, переиграли спецслужбы. Было констатировано, что теперь ничто не мешало выполнению основного задания». И в последующие десять лет разведчики результативно проводили самые острые операции, не чувствуя за спиной

беспокойного дыхания контрразведки.

Переиграв контрразведку, «Сен» и «Жанна» продолжили упорно вживаться в окружающую среду, привыкали ко всему и приспособливались к новой жизни. Первые оперативные задания, которые Центр поставил перед резидентурой, касались розыска в европейских странах агентов внешней разведки, связь с которыми прервалась с началом войны. Разведчикам пришлось совершить многочисленные поездки по странам Европы. В первую очередь это касалось Испании и Португалии, где советская внешняя разведка не располагала в то время какими-либо позициями. Они добросовестно выполняли каждое задание Центра, проявляя целеустремленность в преодолении возникавших порой трудностей.

Из рассказа «Жанны»:

«В жизни разведчика, находящегося в зарубежной командировке, как в калейдоскопе, одно событие сменяется другим, успехи чередуются с неудачами, радости с огорчениями. Увы, постоянной остается лишь опасность, подстерегающая его на каждом шагу.

Отличительная черта разведчика-нелегала — жесткий самоконтроль, час за часом, день за днем, бодрствует он или спит. Малейшая ошибка или опрометчивый шаг могут обернуться непоправимыми последствиями. И еще, что отличает разведчика, — это почти нечеловеческая выдержка и невероятное долготерпение».

Прошло определенное время, прежде чем они стали владельцами собственной фирмы, приобрели небольшую виллу, удобную для осуществления радиосвязи с Москвой. Денежные суммы, которые были им ассигнованы Центром и которые они задекларировали в местных финансовых органах, позволяли поддерживать репутацию состоятельных людей. Вскоре удалось установить и опробовать линию радиосвязи с Центром. Можно было приступать к выполнению конкретных оперативных заданий.

* * *

За долгие годы нелегальной работы «Сену» и «Жанне» удалось многое сделать. Они обеспечивали бесперебойную связь с Москвой, подбирали места для тайников и проводили операции по закладке и изъятию материалов, изучали людей и осуществляли вербовочные мероприятия, занимались восстановлением связи с агентурой в различных странах

Западной Европы, осуществляли сбор информации по широкому спектру проблем, проводили встречи с ценной агентурой и передавали информацию от нес в Центр. Приведем некоторые цифры, свидетельствующие о напряженном ритме их работы: разведчиками было проведено более 300 конспиративных встреч, состоялось более 200 радиосеансов с Москвой, но другим каналам в Центр было передано более 400 важных секретных материалов.

Проходившая через руки разведчиков информация в основном касалась различных сторон деятельности Североатлантического блока, в частности, его военной организации, штаб-квартира которой размещалась в небольшом бельгийском городке Монсе близ юго-западной границы с Францией.

Вряд ли следует говорить, что в те годы это была исключительно важная военно-политическая проблема, непосредственно связанная с безопасностью нашей страны.

В Монсе разрабатывались планы превентивного использования ядерного оружия против СССР, определялись способы его доставки к конкретным целям на советской территории, проводились штабные войсковые учения НАТО с максимальным приближением к боевой обстановке. «Сен» и «Жанна» своевременно информировали Центр об оперативных планах натовских генералов.

В начале 1959 года разведчики приняли на связь исключительно ценного источника — высокопоставленного сотрудника НАТО (назовем его — «Брига»). От «Брига» регулярно поступала важная информация о создании, перевооружении и модернизации бундесвера ФРГ, документы Комитета планирования НАТО о задачах отдельных воинских соединений, их боевой оснащённости, о системе управления войсками, их стратегии и тактике, а также по другим военным вопросам, связанным с наступательными действиями этого блока в Европе.

В информационном потоке немало места занимали подробнейшие сведения на лиц из числа руководящего состава различных натовских структур.

Именно от «Брига», в частности, впервые поступила исключительно ценная информация о создании в рамках блока разведывательных и контрразведывательных подразделений, входящих в самостоятельную спецслужбу, автономную от соответствующих национальных структур и имеющую наднациональный статус.

Накануне ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН источник передавал конфиденциальную информацию о предстоящей позиции

ведущих европейских стран по ключевым вопросам повестки дня. Вполне понятно, что эти сведения являлись весьма полезными для советских делегаций, выезжавших в Нью-Йорк.

Исключительно важная информация поступала от «Брига» и во время Карибского кризиса, когда между СССР и США сложились исключительно напряженные отношения. Оперативная работа резидентура «Сена» и «Жанны» в этот период была поставлена «на военные рельсы»:

«По данным военного командования НАТО (источник “Бриг”), Белый дом располагает надежной разведывательной информацией о строительстве на Кубе 24-х стартовых площадок для ракет малого и 16-ти — среднего радиуса действия. Из числа последнего типа 42 ракеты уже находятся на острове. По оценке Пентагона и ЦРУ, личный состав советских специалистов насчитывает 5000 человек. Конечное число ракет, намеченных к развертыванию, определяется в 64 единицы».

Спираль кризиса раскручивалась с большой скоростью. «Бриг» информировал, что в США были подняты по тревоге 40 тысяч военных моряков, а также 5 тысяч военнослужащих, находившихся на военной базе Гуантанамо, что приведены в повышенную боевую готовность 82-я сухопутная и 101-я военно-воздушная дивизии, мобилизованы 14 тысяч резервистов, что общая численность войск, развернутых во Флориде для броска на Кубу, приблизилась к 100 тысячам человек. Вся эта информация немедленно передавалась в Центр. И в том, что в конечном итоге победил здравый смысл, была, безусловно частица усилий, предпринятых «Бригом» и руководимой им резидентуры.

...Вокруг разведчиков-нелегалов нередко возникают различные, как говорят космонавты, «нештатные ситуации», предусмотреть которые заранее просто невозможно. Они могут случиться и в ходе проведения разведывательной операции, и во время невинной прогулки, и в связи со случайным совпадением каких-то факторов.

Умение хладнокровно взвесить степень реальной угрозы, как для себя лично, так и для дела в целом, и в зависимости от этого действовать по обстановке, является показателем уровня подготовки разведчика, его профессионализма.

Из рассказа «Жанны»:

«Понятно, что русский разведчик-нелегал, находящийся на работе за границей, во всех случаях тамошней жизни должен использовать только иностранный, местный язык, на нем он должен и думать. Это аксиома, проверить которую мне пришлось на себе.

Однажды у меня неожиданно появилась боль в правом боку. Врач

поставил диагноз — воспаление аппендикса и настаивал на немедленной операции, которая должна проходить под общим наркозом. Как быть? Проблема не в хирургическом вмешательстве — врачи там опытные, сколько в моем возможном поведении при выходе из наркоза: не заговорю ли я в полубезытии на русском языке? Всеми силами внушала, убеждала себя, что мой мозг уже полностью перестроился, мыслю я на местном языке.

Наступил назначенный день, меня повезли в операционную... Просыпаться я стала от легких хлопков медсестры по щекам, и первое, что произнесла, находясь еще в полубессознательном состоянии: “Где мои очки? Без них я плохо вижу”. Медсестра подала мне очки и тепло улыбнулась. Значит, я действительно говорила как положено».

* * *

... Из аэропорта «Шереметьево» разведчиков привезли на «промежуточную» квартиру. За празднично накрытым столом подняли бокалы шампанского за благополучное возвращение. Во время оживленной беседы один из товарищей в шутку спросил:

— Чего бы вам сейчас больше всего хотелось? Немного подумав, Михаил воскликнул:

— Мне бы хотелось прежде всего попариться в московских «Сандунах».

Все весело рассмеялись.

— А я бы хотела позвонить тете, которая меня с детства воспитывала, и порадовать ее своим возвращением, — с трудом подбирая слова, произнесла Галина.

Однако таким простым желаниям разведчиков суждено было осуществиться значительно позже. Около двух недель им пришлось гулять по Москве, прислушиваясь к живой речи москвичей и обретая утерянные навыки разговора на подзабытом ими русском языке.

Наш рассказ о жизни и работе пары разведчиков-нелегалов был бы неполным, если опустить очень важный и, несомненно, многих интересующий вопрос о создании семьи в период длительного пребывания в стране назначения. Ведь разведчики работают за рубежом в лучшие, молодые годы своей жизни, именно тогда, когда обычно в семье появляются дети.

Из рассказа Галины Федоровой:

«Этот вопрос стоял перед нами практически постоянно в нашу бытность за границей. В принципе Центр не возражает против того, чтобы нелегалы обзаводились детьми, и мы знаем случаи, когда разведчики возвращались из заграничной командировки домой, имея даже двоих детей. Однако в своем сознании мы не могли объединить в одно целое два понятия: с одной стороны, нашу работу, ради которой мы прибыли в страну назначения, с другой — рождение детей, наличие и воспитание которых, несомненно, создали бы нам множество дополнительных разноплановых трудностей, что сильно ограничило бы нашу оперативную деятельность. Кроме того, возникал определенный риск в соблюдении конспирации. Ведь дети известные “почемучки”.

Мы прекрасно понимали позитивную сторону наличия детей: в глазах западного окружения создастся положительный образ семьи и тем самым снижается уровень подозрительности. И все же в своих рассуждениях мы поставили на первое место чувство долга, стремление быть максимально полезными и поэтому всецело отдавались порученному делу, своей нервной и напряженной работе. Желание принести большую пользу Родине всегда брало верх, поэтому создание полноценной семьи отложили до возвращения домой. Однако судьба распорядилась иначе: мы вернулись в возрасте, в котором обычно воспитывают уже внуков».

После возвращения из командировки служба Галины и Михаила Федоровых в разведке продолжилась. Когда возникала необходимость, они выезжали за рубеж для решения конкретных разведывательных задач. В общей сложности разведчики пробыли за кордоном около четверти века.

Заслуги перед Родиной почетного сотрудника госбезопасности полковника Михаила Владимировича Федорова были отмечены орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Дружбы народов, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, в том числе — медалью «За отвагу», нагрудным знаком «За службу в разведке».

Почетный сотрудник госбезопасности полковник Галина Ивановна Федорова была награждена орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, многими медалями, нагрудным знаком «За службу в разведке».

Наступило время, и Федоровы по возрасту — Михаил Владимирович в 66, а Галина Ивановна в 55 лет — вышли в отставку.

Из воспоминаний Михаила Федорова:

«При оформлении пенсии в районном Сбербанке служащая, просматривая дело Галины, вдруг нахмурила брови и с сожалением произнесла:

— Вот неудача! В данные вашей выслуга лет вкралась ошибка. К сожалению, я должна вернуть дело в пенсионный отдел для внесения поправки. А вам придется зайти к нам еще раз.

— И что же это за ошибка? — поинтересовалась Галина.

— Видите ли, в графе “выслуга лет” указано 50 лет. Так не может быть, ибо самой пенсионерке всего лишь 55 лет, — ответила она.

— Почему не может быть, — возразила Галина и тут же добавила, — я очень долго работала... в Магадане, а там рабочий стаж считается год за два. Вот и набралось столько лет (по существующему во внешней разведке положению, год пребывания разведчика на нелегальной работе за границей засчитывается в выслугу лет за два года. — *Авт.*)

Служащая оставалась некоторое время в нерешительности. Затем после раздумья попросила Галину подождать, а сама ушла куда-то проконсультироваться. Отсутствовала довольно долго. Возвратившись, извинилась за задержку и должным образом оформила пенсионные документы».

Уйдя на заслуженный отдых и став пенсионерами, Федоровы не порвали связи со Службой: они вели большую общественную работу, занимались с молодежью, приходящей в разведку на смену ветеранам, делились своим бесценным опытом работы в нелегальных условиях, помогали молодым сотрудникам осваивать «технологии» нелегкой профессии разведчика.

В апреле 2004 года Михаила Владимировича не стало. Галина Ивановна скончалась в 2010 году.

Разведчики-нелегалы Федоровы написали две интересные книги («Будни разведки» и «Вся жизнь конспирация. История семьи нелегалов»), в которых рассказали о своей деятельности за рубежом.

Глава 5.

ОН СЛУЖИЛ НА 6-м АМЕРИКАНСКОМ ФЛОТЕ

В конце 1986 года указом Президиума Верховного Совета СССР американцу Соутеру Гленну Майклу, советскому разведчику, выведенному в Москву из США в связи с угрозой провала, было предоставлено советское гражданство. В соответствии с его просьбой он был поименован Орловым Михаилом Евгеньевичем.

Гленн Майкл Соутер родился 30 января 1957 года в городе Хаммонд (штат Индиана, США) в семье среднего предпринимателя. Родители Гленна развелись, когда ему было четыре года. Воспитывался он матерью, отношения с отцом не сложились.

В 1975 году Гленн поступил в университет, но, проучившись полгода, учебу бросил. Полученное от матери воспитание, проявившийся еще в школе интерес к чтению, в том числе к русской классике, увлечение фотографией придали его жизненным поискам несколько романтическую окраску. Он захотел шире взглянуть на окружающий мир. Так пришло решение пойти служить во флот.

Соутер поступил в школу военных фотографов, а по ее окончании получил назначение на корабли 6-го американского флота, базирующегося в Средиземном море. Служил сначала на атомном авианосце «Нимиц», затем на штабных кораблях «Олбани» и «Пьюджет Саунд» в должности военного фотографа в составе разведывательного подразделения ВМС США. Был личным фотографом командующего в то время 6-м флотом адмирала Кроу и его доверенным представителем для контактов с общественностью и журналистами.

В 1980 году Соутер был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой на идейно-политической основе. Критически оценивая военно-политическую доктрину США, он был убежден в необходимости активных действий по предотвращению ядерной угрозы.

Хотя у Соутера был невысокий флотский чин старшины, в силу своего служебного положения — служба в морской разведке на штабных кораблях — он знал значительно больше, чем иной старший офицер. Все основные

приказы и распоряжения командующего 6-м флотом США попадали в Москву практически одновременно с теми, кому они были адресованы для исполнения. От него было получено большое количество важной документальной информации военного и военно-стратегического характера, раскрывающей стратегические планы Соединенных Штатов в Средиземноморье, Ближневосточном и других регионах. В Центр направлялись сценарии учений с применением ядерного оружия, сведения о боевой подготовке и планах задействования ВМС США, а также о передислокации американских атомных подводных лодок и авианосных групп, мобилизационные планы и планы действий на случай войны, многие другие суперсекретные сведения.

В начале 1982 года истек срок контракта Соутера на службе в ВМС США. Он поступил на военный факультет университета «Олд Доминион» в городе Норфолк, что на восточном побережье Атлантики (штат Вирджиния), и одновременно устроился на работу в фотолабораторию находящейся там крупной военно-морской базы. В разведывательном центре базы, где стал работать Соутер, сосредотачивалась информация, добытая различными средствами — от космических до агентурных. В этом центре вырабатывались конкретные указания 6-му и 2-му американским флотам. Успешно пройдя спецпроверку, он получил допуск к обработке материалов космической разведки, а также к списку целей на территории СССР, подлежащих ядерному поражению в случае военного конфликта. Этот список содержал около 150 тысяч различных советских объектов. О ценности этих сведений трудно даже говорить.

В университете Соутер специализировался на изучении русского языка и литературы. По завершении учебы летом 1986 года он должен был пройти подготовку на офицерских курсах и получить назначение на должность офицера разведки ВМС США. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В июне 1986 года в связи с возникшей угрозой ареста Соутер был выведен в СССР.

Прибыв в Москву, Соутер направил в Президиум Верховного Совета СССР письмо с просьбой предоставить ему советское гражданство и сменить имя и фамилию. Просьба Соутера была удовлетворена.

Касаясь причин, побудивших его пойти на сотрудничество с советской разведкой, Орлов-Соутер подчеркивал:

«Во-первых, прослужив 10 лет в ВМС США, я со всей ответственностью заявляю, что американское правительство никогда ничего не сделает из искренних и честных побуждений для установления мира на земле до тех пор, пока не будет твердо уверено в своем военном

превосходстве. Оно не заинтересовано в существовании баланса сил ни с СССР, ни с какой-то другой страной.

Второе политическое соображение, побудившее меня порвать с Америкой, заключается в том, что США пренебрежительно относятся к судьбе других пародов».

Прошло почти тридцать лет с тех пор, как разведчик сделал это заявление, но сказанное им актуально до сих пор.

Адаптация Орлова-Соутера к новым жизненным условиям протекала непросто. Как человек деятельный, энергичный, он считал, что главной опорой его дальнейшей жизни должен стать осмысленный, общественно-полезный труд во имя тех идеалов, которые он в свое время выбрал, пойдя на сотрудничество с советской разведкой. Он с энтузиазмом включился в преподавательскую деятельность, увлеченно работал над выполнением специальных заданий. Вскоре Орлов-Соутер был зачислен на действительную военную службу в органах государственной безопасности с присвоением звания майора. Творческая натура, гибкий и живой ум, исключительная работоспособность позволили ему многое сделать на порученных участках работы. За заслуги перед своей второй Родиной разведчик был награжден орденом Дружбы народов.

В апреле 1987 года Орлов-Соутер вступил в брак с советской гражданкой, преподавательницей английского языка одного из московских вузов. В мае 1988 года у супругов родилась дочь Александра.

Но даже активной жизненной позиции не всегда хватало, чтобы противостоять периодически возникавшим сильным депрессивным настроениям, которые во многом были связаны с колоссальными психологическими перегрузками и огромным нервным напряжением, сопровождавшими последние годы работы Орлова-Соутера за рубежом.

22 июня 1989 года Михаил Евгеньевич Орлов-Соутер трагически ушел из жизни в возрасте 32 лет. Похоронен на Ново-Кунцевском кладбище в Москве. В некрологе о скоропостижной смерти советского разведчика подчеркивалось, что он свою жизнь целиком посвятил тому, чтобы отвести нависшую над человечеством угрозу ядерной катастрофы.

Приняв решение уйти из жизни, Орлов написал несколько предсмертных писем. Часть из них адресована самым близким людям — матери, жене, дочери, советскому разведчику Джорджу Блейку, с которым его связывала тесная дружба. В письме к сотрудникам внешней разведки, которые хорошо его знали, Михаил Евгеньевич Орлов отмечал, что работа в советской разведке «помогла ему вырасти как личности». Как бы подчеркивая смысл своей жизни, он высказал просьбу быть похороненным

в форме офицера госбезопасности. Последнее желание выдающегося советского разведчика, прожившего короткую, но яркую жизнь, было выполнено.

Глава 6.

ПОТОМОК ДЕКАБРИСТА

В январе 1982 года в газете «Вашингтон ноет» появилась статья, в которой говорилось, что «после шестилетнего пребывания на берегах Потомака Вашингтон покидает один важный, но менее всего известный в городе человек. Его фамилию знают лишь очень немногие, его работа ведется исключительно в тени, однако, пожалуй, в стране нет другого человека, чьими сокровенными секретами так хотело бы овладеть правительство США».

Этим человеком, числившимся по дипломатическому справочнику советником Посольства СССР, был резидент советской внешней разведки в Вашингтоне Дмитрий Иванович Якушкин.

Его прапрадед Иван Дмитриевич Якушкин, упомянутый самим Пушкиным в «Евгении Онегине», был героем Отечественной войны 1812 года, декабристом, капитаном знаменитого мятежного Семеновского полка, выведшим своих солдат 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь и получившим за это 20 лет каторжных работ. На совещании декабристов у Муравьева он вызвался убить Александра I, что дало основание Пушкину, рассказавшему в десятой главе романа об этом совещании, написать:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои ноэли Пушкин.
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян

Освободителей крестьян.

Каждый из потомков русского патриота на разных этапах истории стремился честно служить интересам Отечества. Так, дед будущего разведчика Вячеслав Евгеньевич Якушкин еще до революции был видным историком и одним из лидеров кадетской партии. Всю свою жизнь следовал заветам предков честно служить родине и Дмитрий Иванович.

Родился Дмитрий Якушкин 16 мая 1923 года в городе Воронеже в семье служащего, ставшего впоследствии известным академиком-растениеводом. С началом Великой Отечественной войны 18-летний Дмитрий ушел добровольцем в Красную Армию и прослужил в ней до 1947 года. Являлся участником Парада Победы.

После окончания в 1953 году экономического факультета Московского государственного университета работал в системе Министерства сельского хозяйства СССР помощником министра И.А. Бенедиктова.

В 1960 году Якушкин был направлен на работу во внешнюю разведку. Окончил Высшую разведывательную школу КГБ. Из 26 лет службы в разведке он в общей сложности 14 лет проработал за океаном, в Соединенных Штатах Америки.

В 1963 году последовала первая длительная командировка за океан — рядовым разведчиком, сотрудником резидентуры в Нью-Йорке. В период командировки Якушкин добился конкретных вербовочных результатов. Его труд был отмечен медалью «За боевые заслуги». Впоследствии Дмитрий Иванович говорил, что из всех государственных наград ему более других была дорога эта скромная медаль, полученная в самом начале работы за океаном в качестве рядового разведчика.

Возвратившись в 1969 году в Москву, Якушкин работал в центральном аппарате разведки заместителем начальника американского отдела. Спустя некоторое время его выдвинули на должность начальника другого самостоятельного отдела внешней разведки.

Вспоминая о своем товарище, ветеран СВР Вадим Кирпиченко, семнадцать лет проработавший заместителем, из них двенадцать лет — первым заместителем начальника внешней разведки, рассказывал:

«В разведке Якушкина любили, несмотря на то, что иногда он яростно распекал подчиненных. Но в этих выволочках не было ни грубости, ни, тем более, какого-то злопамятства. За глаза его ласково называли Димой, несмотря на генеральское звание и высокое служебное положение начальника отдела...

От предков Дмитрий Иванович унаследовал большую библиотеку и имя. Но не только это. Была в нем какая-то стать, импозантность, манера держать себя с достоинством и особо почтительное и благородное отношение к женщинам, независимо от их возраста и внешности».

С 1975 по 1982 год Д.И. Якушкин возглавлял резидентуру внешней разведки в Вашингтоне.

Сам Дмитрий Иванович позже так рассказывал о своем назначении на эту должность:

«5 декабря 1974 года меня без объяснения причин вызвали к руководству разведки. когда я прибыл, мне сообщили, что вместе с руководителями разведки я должен буду поехать к председателю КГБ Юрию Владимировичу Андропову, который в то время находился в больнице. Причины вызова мне никто не объяснил, и я о ней мог только гадать. По приезде руководители сразу прошли к Андропову, а меня попросили подождать. Через некоторое время туда был приглашен и я. Поначалу Юрий Владимирович неторопливо угощал меня чаем с сухарями и сушками. Затем, задав несколько вопросов о работе возглавляемого мной отдела, вдруг неожиданно сказал, что есть предложение назначить меня резидентом в Вашингтоне. Поблагодарив за доверие, я счел возможным тем не менее напомнить Юрию Владимировичу, что при назначении меня начальником отдела он назвал пятилетний срок работы в этой должности. На это Андропов в шутовском тоне ответил, что, поскольку он сам дал такое распоряжение, так сам его и отменяет.

В любой стране быть резидентом считается в разведке престижным. Тем более если речь идет об одной из ведущих держав мира. Поэтому назначение в Вашингтон я встретил с большим удовлетворением».

Начались повседневные будни резидента разведки, перед которым стояли обширные и многоплановые задачи. Главная из них — повседневное руководство работой коллектива советских разведчиков. Кроме того, резидент должен достаточно хорошо знать внешнюю и внутреннюю политику страны своего пребывания, чтобы правильно ее оценивать и быть всегда готовым дать ответ Центру на интересующие его вопросы.

Руководство разведки не ошиблось в выборе резидента. Он зарекомендовал себя отличным профессионалом и руководителем. Главным в профессии разведчика Дмитрий Иванович считал умение думать. «Разведчик совсем необязательно должен лучше всех стрелять или быстрее всех бегать. Но “передумывать” противника он обязан», — таково было профессиональное кредо Якушкина. Этому он учил и своих подчиненных.

Предоставим вновь слово Вадиму Кирпиченко:

«Главной заслугой Якушкина в разведке является то, что он прекрасно знал США и давал самые точные прогнозы по вопросам развития внутривластной ситуации там, а также по всему комплексу советско-американских отношений. В таких делах у него никакой наивности и излишней доверчивости никогда не проявлялось, а имели место очень точный расчет и прогноз.

Еще в середине 1970-х годов он неоднократно говорил мне: «Пойми, ты не сможешь состояться как заместитель начальника Главка, если не будешь знать США и сам не побываешь в этой стране». И вытащил-таки меня летом 1978 года в США, всесторонне обосновав необходимость этой поездки.

В ходе одной из многочасовых бесед с Дмитрием Ивановичем я подчеркнул, что меня интересует его мнение относительно того, как политическая элита и властные структуры США относятся в действительности к СССР и как они будут строить в ближайшем будущем свои отношения с нами? Якушкин четко и убежденно изложил свои мысли (напомню, что это было в июне 1978 года):

— Американцы не перестают удивляться, как смогла отсталая, лапотная и голодная Россия за четыре десятилетия стать супердержавой и в военном отношении сравняться с США. Они никогда не смогут примириться с таким положением и будут делать все, чтобы ослабить своего главного противника...

Суммируя всю имеющуюся в нашем распоряжении информацию, секретную и не секретную, — продолжал он, — я должен тебе сказать: сейчас американцы особенно пристально следят за внутренним положением в Советском Союзе, ибо они пришли к выводу, что наша страна вступает в кризисную полосу своего развития. Кризис этот назревает в трех сферах. Во-первых, наступает стагнация в экономическом развитии страны, советская экономика уже просто не в состоянии воспользоваться плодами мировой научно-технической революции. Во-вторых, в республиках Советского Союза набирают силу ростки национализма и в ближайшем будущем там проявятся сепаратистские тенденции. В-третьих, диссидентское движение в СССР, и в первую очередь в самой России, также набирает силу и становится необратимым явлением.

Отдавая должное опыту и убежденности нашего резидента в Вашингтоне, я довел его мысли до сведения руководства разведки и потом уже находил все больше подтверждений этим прогнозам в нашей действительности. Видимо, кое-что со стороны, из-за океана,

проглядывалось лучше».

Возвратившись в Москву, Якушкин более четырех лет работал начальником американского отдела внешней разведки. Выезжал во многие страны Западной Европы, где выполнял ответственные задания.

Сам Дмитрий Якушкин считал, что разведчик должен обязательно любить страну, где он работает. Независимо от того, в Африке ли это, в Европе или в Америке. Иначе невозможно объективно оценивать страну и все события, происходящие в ней. В одном из своих немногочисленных интервью он отмечал: «Я проработал в Соединенных Штатах Америки в общей сложности 14 лет. Смеею сказать, что знаю плюсы и минусы этой великой страны. Я хорошо помню ее красивые города, помню, как искренне радовался достижениям американского народа в науке, технике, строительстве. Но я знаю и беды, и хронические недостатки Америки, которые нельзя не учитывать и сегодня, когда в силу нашего бедственного положения мы безмерно идеализируем американский образ жизни».

Человек богатой душевной щедрости, честный и принципиальный, истинный российский интеллигент, Дмитрий Иванович был глубоко уважаем в коллективе. Он был большим книголюбом и в свободное время любил пройтись по букинистическим магазинам, покопаться в книгах. Отдавал предпочтение мемуарной литературе периода Гражданской и Отечественной войн. Покупая новые книги, он с жадным интересом читал их, а некоторые откладывал до лучших времен и мечтал привести в порядок свою огромную библиотеку.

После ухода в 1986 году в отставку Д.И. Якушкин работал в агентстве ИТАР-ТАСС, являясь его политическим и дипломатическим обозревателем. Свой огромный зарубежный опыт, разносторонние знания в области международных проблем он творчески реализовал на журналистском поприще.

Заслуги почетного сотрудника госбезопасности генерал-майора Якушкина перед Родиной были отмечены орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке».

8 августа 1994 года Дмитрий Иванович скончался. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

В ноябре 1992 года по каналам ИТАР-ТАСС из Рима пришло сообщение, что итальянская газета «Стампа» опубликовала отрывки из книги Рональда Кесслера «ЦРУ изнутри» в которой утверждалось, что американская контрразведка предприняла попытку завербовать советского

резидента в Вашингтоне, предложив ему за измену 20 миллионов долларов. В публикации говорилось: «Агенты секретной службы пошли на контакт с Якушкиным в одном супермаркете столицы США, но шпион из Москвы отказался».

Самое точное в этой цитате — это категорический отказ разведчика. Правда, еще и место действия указано правильно. Незадолго до отъезда из США Якушкин с женой пошли в супермаркет. Когда жена отошла в другой отдел, к нему приблизился человек, представившийся сотрудником ФБР. Положив на прилавок два капустных кочана, Якушкин проверил его удостоверение, после чего человек из ФБР сделал ему предложение о сотрудничестве с американской разведкой и пригласил встретиться с руководством ФБР в Вашингтоне. Якушкин ответил, что встретиться готов, но только в здании посольства СССР. Понятно, что такое ответное «приглашение» со стороны разведчика принято так и не было...

Глава 7.

РАЗВЕДЧИК-НЕЛЕГАЛ АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВ

Алексей Михайлович Козлов — один из немногих людей, принадлежащих к малочисленному всемирному клану Разведки, которым суждено прожить сразу несколько жизней.

Николай Долгополов

«При этом каждая из них полна опасностей и невероятных событий и по большей части лишена главных человеческих радостей — дома и нормальной семьи. Эти люди не жалуются на судьбу, которую когда-то выбрали сами или силою обстоятельств. И очень редко имеют возможность или желание поделиться с окружающими хотя бы немногими эпизодами из своей бурной жизни».

Алексей Михайлович Козлов родился 21 декабря 1934 года в селе Опарино Опаринского района Кировской области. С полутора лет жил в Вологде, воспитывался у бабушки с дедом, так как у отца с матерью помимо него было еще трое детей. Мать Алексея работала бухгалтером в колхозе. Отец являлся директором МТС. В 1941 году отец Алексея ушел в армию, во время Великой Отечественной войны был комиссаром танкового батальона в 5-й гвардейской армии, участвовал в битве на Курской дуге.

В 1953 году Алексей окончил с серебряной медалью среднюю школу и поступил в Московский государственный институт международных отношений. Еще в школе он блестяще освоил немецкий язык. В институте продолжил его совершенствовать и изучал датский язык. На последнем курсе находился на языковой практике в Дании. В дальнейшем мог также свободно говорить на английском, французском и итальянском языках.

В 1959 году Козлову предложили работать во внешней разведке органов госбезопасности и стать разведчиком-нелегалом. После интенсивной подготовки он уже в конце 1962 года выехал на боевую работу за границу. По документам он являлся гражданином Западной Германии.

Разведчику пришлось работать в ряде стран Западной Европы, Ближнего Востока и Африки. В первой половине 1970-х годов Козлов начал

работать по кризисным точкам: обосновавшись в одной из западноевропейских стран, он выезжал для сбора информации в страны, с которыми СССР или не имел дипломатических отношений, или в которых возникали кризисные ситуации. В 1970-е годы это были в основном страны Ближнего и Среднего Востока — Израиль и арабские государства (Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Саудовская Аравия, Иран). Причем по арабскому Востоку разведчику пришлось разъезжать по второму паспорту, в котором отсутствовали данные о пребывании в Израиле. Однако такой риск был оправдан — в Центр направлялась исключительно важная информация. Работа разведчика-нелегала в тот период была отмечена орденом Красной Звезды.

До 1974 года у Советского Союза с Португалией, где у власти находился фашистский режим Коэтану, не было дипломатических отношений. Пришлось Алексею Козлову неоднократно бывать там, а после революции «красных гвоздик» — даже пожить несколько месяцев в этой стране.

В 1977 году Центр впервые поручил разведчику выехать в ЮАР — тогда страну апартеида. Разведку очень интересовали тайные связи ЮАР и ее колонии — Намибии с Западом. Козлов объездил всю страну, везде заводил контакты, которые пригодились в дальнейшем при сборе интересовавшей Центр информации. Ведь в данном регионе добывался уран, обогащенный уже на 80 процентов. И он весь направлялся в США, хотя Соединенные Штаты и их западноевропейские партнеры к тому времени объявили ЮАР экономический бойкот. Кроме того, по некоторым данным, которыми располагал Центр, в одной из научно-исследовательских лабораторий ЮАР якобы велись исследования в ядерной области. Для сбора информации по данной проблеме Козлов в дальнейшем несколько раз выезжал в ЮАР и Намибию, а также в приграничные государства — Замбию, Ботсвану и Малави.

В 1980 году в результате предательства сотрудника внешней разведки Гордиевского Козлов был арестован в Йоханнесбурге. Он месяц провел во внутренней тюрьме контрразведки ЮАР в Претории, подвергаясь постоянным допросам и пыткам. Затем — шесть месяцев в камере смертников в центральной тюрьме Претории. В 1982 году был обменен на одиннадцать человек — десять западных немцев и одного офицера армии ЮАР.

После четырех лет пребывания в Центре Козлов вновь выехал на боевую работу за границу, которая продолжалась десять лет. В Москву возвратился в 1997 году.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий, полковнику Козлову Алексею Михайловичу в 2000 году было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Он награжден рядом советских и российских орденов, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». В 1999 году Указом Президента России ему было присвоено почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации».

В настоящее время Алексей Михайлович активно встречается с молодыми сотрудниками внешней разведки, передавая им свой богатый жизненный и оперативный опыт.

Глава 8.

ЖИЗНЬ В РАЗВЕДКЕ

*Есть люди — легенды, есть люди — герои,
А есть еще те, кто сияют вдали,
Как горы у Рериха, где за горою —
Бездонная мудрость родимой Земли.*

Анатолий Пшеничный

Вадим Алексеевич Кирпиченко был одним из немногих людей в нашей стране, кто неоднократно встречался с семью (!) директорами Центрального разведывательного управления США. «Если бы лет 25 назад ныне покойный директор ЦРУ Уильям Колби, обращаясь к какой-либо аудитории, сказал: “Вот познакомьтесь, мой друг и коллега Вадим Кирпиченко”, то я бы сам скомандовал себе: “В Сибирь шагом марш!” — рассказывал ветеран разведки. — Но прошли годы, и то, что когда-то казалось бредом, стало явью. Это произошло в апреле 1992 года на международной конференции представителей спецслужб в Софии, а затем мы стали регулярно встречаться на различных форумах, конференциях и семинарах в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сеуле, но чаще всего в Москве. Действительно, Уильям Колби и я прилюдно называли друг друга коллегами и друзьями. Мир изменился, и люди тоже».

Впрочем, будучи профессиональным разведчиком, Кирпиченко знал сильные и слабые стороны «рыцарей плаща и кинжала» из Лэнгли.

«В свое время ЦРУ США потратило немало сил и средств для того, чтобы подготовить на территории Пакистана террористов, которые засылались в Афганистан для борьбы против советских войск и демократического режима Наджибуллы, — рассказывал он. — Был разгар “холодной войны”, конфронтации двух сверхдержав, поэтому ЦРУ не очень церемонилось в выборе средств в глобальном противостоянии. Однако подготовленные американской разведкой мусульманские террористы, которые на самом-то деле и ислама толком не знают, зато хорошо умеют убивать, теперь стали головной болью самих США. Достаточно назвать

Алжир, в котором эти фанатики из Афганистана и Пакистана зверски уничтожают мирных жителей, или Францию и США, где они также осуществляют террористические акты».

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Вадим Кирпиченко родился 25 сентября 1922 года в Курске. По окончании средней школы перед ним встал вопрос о выборе дальнейшего пути.

«В предвоенные годы мы, выпускники школы, мечтали стать военными летчиками, моряками, танкистами. Тогда не могло быть и речи о том, чтобы уклониться от призыва в армию, таких молодых людей просто презирали, а девушки не хотели с ними дружить, — вспоминал Кирпиченко. — Время было суровое, в Европе уже полыхала Вторая мировая война. В 1940 году я добровольно вступил в Красную Армию, служил в десантных войсках, и воевал в составе 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии».

Старший сержант Кирпиченко освобождал Венгрию, Австрию, Чехословакию. Среди боевых наград — медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны 1-й степени. Демобилизовался в 1946 году.

В 1947 году Кирпиченко поступил на учебу в Московский институт востоковедения (отделение арабского языка), который окончил в 1952 году. На недавнего фронтовика, секретаря партийной организации института пристальное внимание обратили кадровики. Незадолго до окончания института ему предложили поступить на службу в разведку органов государственной безопасности. С 1 сентября 1952 года начались его занятия в специальной разведшколе № 101, которая в настоящее время является Академией внешней разведки.

«Учебный год, проведенный в школе № 101, — счастливое время моей молодости. Тогда я начал осваивать “героическую профессию разведчика”, — рассказывал Вадим Алексеевич. — Правда, у нас с женой не было ни квартиры, ни комнаты, ни даже угла. Зато в нас жила горячая вера в будущее и надежды на какую-то новую, необыкновенную жизнь».

Многих из нас мучил вопрос, справимся ли мы с практическими делами, как будем решать главную задачу — приобретение источников информации».

НА ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ ЗА РУБЕЖОМ

После окончания разведывательной школы в 1953 году Кирпиченко был принят на работу в Восточный отдел внешней разведки, а наследующий год выехал в служебную командировку в Египет в качестве заместителя резидента. На древней земле фараонов ему предстояло провести более пяти лет. То, что относительно молодой оперработник был сразу назначен на столь ответственную, к тому же руководящую должность, объяснялось рядом причин. Главная из них — арест министра внутренних дел Берии и последовавшая за этим очередная реорганизация органов государственной безопасности, включая разведку. Перед каирской резидентурой стояла задача разобраться в том, что представлял собой новый режим Гамаль Абдель Насера. Необходимо было также регулярно информировать Центр о политике США, Англии и Франции в отношении Египта и об их действиях в арабском мире и Африке в целом.

Задачи, как видим, были всеобъемлющими и далеко не простыми. Однако молодой оперработник успешно справился с возложенной на него миссией. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы экспозиции Кабинета истории внешней разведки, в которой оперативным делам Кирпиченко в Каире отведено видное место. Ему пришлось принимать непосредственное участие в налаживании контактов между советским руководством и новым египетским лидером.

В Москву по различным каналам поступала информация о том, что у Насера не сложились отношения с главами западных держав, отказывавшихся продавать ему оружие и финансировать сооружение высотной Асуанской плотины. В мае 1956 года в Каир прибыл секретарь ЦК КПСС Шепилов, который в настоятельной форме потребовал от посольства срочно организовать ему встречу с новым египетским лидером. Эту задачу удалось решить Кирпиченко, который задействовал свои связи среди участников организации «Свободные офицеры», приведшей Насера к власти.

Затем последовала тройственная агрессия Англии, Франции и Израиля против Египта, развязанная 29 октября 1956 года вслед за национализацией Суэцкого канала. Надо отметить, что эта агрессия не стала неожиданностью для каирской резидентуры, которая заблаговременно информировала Центр о возможном развитии событий. И в эти тревожные дни Кирпиченко активно работал, несмотря на ожесточенные бомбардировки израильской авиацией египетской столицы.

Секретная миссия в Египте обогатила оперативный багаж Кирпиченко, расширила его связи в дипломатических кругах. Достаточно сказать, что в апреле — мае 1958 года он сопровождал президента Гамаль Абдель Насера

в его поездке в нашу страну, переводил его беседы с советским лидером Н.С. Хрущевым.

В 1960 году служебная командировка в Египет завершилась. Вадим Кирпиченко возвратился в Москву и стал работать в центральном аппарате разведки. Два года спустя последовало новое назначение, на этот раз — резидентом в Тунис. Здесь он пробыл до августа 1964 года. Перед Кирпиченко были поставлены задачи по поддержанию связей с Временным революционным правительством Алжира, руководившим национально-освободительной борьбой своего народа против французских колонизаторов. И снова — встречи, контакты, бессонные ночи, телеграммы в Центр.

В 1967 году Вадим Кирпиченко назначается руководителем африканского отдела внешней разведки. А в 1970 году вновь направляется в Египет, уже в качестве резидента. И на этот раз ему предстояло пережить еще одну арабо-израильскую войну. Вторая командировка в Египет была также весьма успешной. Основываясь на разведывательной информации, резидентуре удалось предупредить Москву о подготавливаемом А. Садатом разрыве дружеских связей с СССР, переориентации внешней политики Египта на США, о подготовке к войне с Израилем.

В те времена советские руководители не очень жаловали внешнюю разведку, особенно если ее информация не совпадала с мнением Кремля. О Садате же в Кремле сложилось мнение как о верном друге Советского Союза и продолжателе курса Насера. Над головой Кирпиченко, чья информация шла вразрез с этим мнением, сгустились тучи, и только дальнейшее развитие событий, полностью подтвердившее прогнозы резидентуры, разрядило эту атмосферу.

РАБОТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ

После завершения командировки в Египет в 1974 году назначен руководителем суперсекретного управления нелегальной разведки. Одновременно он становится заместителем начальника советской внешней разведки.

В 1979 году Вадим Кирпиченко назначается на должность первого заместителя начальника внешней разведки и на этом посту служит до 1991 года. Такое редкое для внешней разведки долголетие в столь важной должности объясняется в первую очередь его профессиональной компетентностью, богатым и разносторонним опытом оперативной работы,

незаурядными способностями организовать деятельность коллектива в самых различных точках земного шара и в самой различной обстановке, включая кризисную.

В 1991 году в связи с преобразованием разведслужбы КГБ в Службу внешней разведки (СВР) России В.А. Кирпиченко назначается руководителем Группы консультантов СВР. Он выступает с докладами и лекциями на международных конференциях и семинарах по истории разведки и ее деятельности в новых условиях, встречается с молодыми разведчиками, писателями, журналистами. Руководит творческими коллективами по созданию шеститомной монографии «Очерки истории российской внешней разведки» и серии телевизионных фильмов о работе внешней разведки в предвоенные и военные годы. Он автор многих статей и очерков по проблемам разведки, опубликованных в российских и зарубежных средствах массовой информации, трех книг мемуаров, переведенных на ряд иностранных языков.

Работа в разведке накладывает на людей своеобразный отпечаток. В нее подбираются кадры особого склада: самоотверженные, беззаветно преданные Родине, умеющие трудом доказать это в самых различных условиях.

В 1979 году судьба забросила генерал-лейтенанта Кирпиченко в Афганистан. Его пригласил к себе начальник разведки В.А. Крючков и сообщил, что в этой стране назревают важные события. Кому-то из руководителей шавка необходимо было выехать в Кабул для тщательного изучения обстановки, уточнения наших возможностей и проведения подготовительной работы, связанной с возможным изменением ситуации в этой стране.

Кирпиченко вылетел в Кабул в начале декабря 1979 года. «Не думал, что когда-либо еще после демобилизации я вновь встречу со своей дивизией, — рассказывал он. — Но это случилось 26 декабря 1979 года в Афганистане, куда я был направлен в качестве представителя КГБ для изучения обстановки накануне ввода в эту страну советских войск. Было принято решение взять штурмом дворец афганского диктатора Амина. На кабульском аэродроме высадилась воздушно-десантная дивизия. Я выехал туда вместе с командирами разведывательно-диверсионных групп «Каскад», которые прикомандировывались к дивизии. При встрече командир дивизии представился по всей форме:

— Командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Рябченко.

Познакомившись с комдивом, я спросил у него, почему он не назвал

свою дивизию полным титулом: “Краснознаменная, ордена Кутузова 2-й степени”. Рябченко удивился:

— А вы-то откуда это знаете?

— В этой дивизии мне пришлось воевать и закончить военную службу».

Так, 33 года спустя, состоялась встреча разведчика с молодостью.

РАЗВЕДЧИК В ЗАПАС НЕ УХОДИТ

А вообще-то за долгие годы работы в разведке у Вадима Алексеевича подобных встреч было немало. Приходилось общаться с главами иностранных государств и правительств, с советскими руководителями, министрами, дипломатами. Каждая такая встреча оставляла след в памяти.

В 1997 году Вадим Алексеевич вышел в отставку. Но он по-прежнему оставался в строю. До своего последнего дня Кирпиченко являлся плавным консультантом Службы внешней разведки, передавал свой богатый жизненный и оперативный опыт новому поколению разведчиков.

За образцовое выполнение служебного долга генерал-лейтенант Кирпиченко был награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, 8 иностранными орденами, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке». За особые заслуги перед внешней разведкой его имя было занесено на Доску почета Службы внешней разведки Российской Федерации.

Выйдя в отставку, Вадим Алексеевич продолжал руководить авторским коллективом «Очерков истории российской внешней разведки». Он являлся лауреатом Премии СВР России в области литературы и искусства, Почетным гражданином города Курска.

Генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко скончался 3 декабря 2005 года.

В одной из своих книг разведчик писал:

«В конечном счете главным побудительным мотивом па-писания книги явилась любовь к разведке, к ее сотрудникам, к профессии, к самим ее зданиям и ее территории... Была ли эта любовь взаимной? И насколько возможна такая постановка вопроса вообще? Может ли разведка любить своих отдельных представителей? Нельзя сказать: “Его любила разведка”, равно как нельзя сказать: “Его любила Родина”. Любовь к разведке, как и

любовь к Родине, может быть только односторонней. И я счастлив тем, что мне суждено было долгое время работать в разведке и искренне любить ее».

Вся жизнь и работа разведчика Кирпиченко свидетельствует об искренности этих слов.

Глава 9.

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

30 марта 2012 года выстрелом из наградного пистолета в висок покончил с собой один из последних начальников советской внешней разведки генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин. Его смерть вызвала множество слухов в российском обществе, поскольку Леонид Шебаршин был одним из самых осведомленных высших руководителей КГБ.

Покинув пост «шефа» советской внешней разведки в сентябре далекого уже 1991 года, Л.В. Шебаршин посвятил себя литературному труду. Именно тогда он написал свою первую книгу «Рука Москвы», ставшую итогом длительного, вдумчивого размышления об особенностях профессии разведчика вообще и советского в частности, о сути разведки как таковой. Литературный дебют автора сразу привлек внимание широкого круга читателей. Книга, увидевшая свет в довольно суровый период истории нашего Отечества и отличавшаяся абсолютной правдивостью, а также авторской независимостью от каких-либо внешних факторов, оказалась не подвластна времени.

Примечательно, что Леонид Шебаршин незадолго до своего ухода из жизни признавался в кругу своих близких друзей, что он «верен всем тем характеристикам событий и людей, которые вошли в его первое произведение».

Успех книга «Рука Москвы» потребовал продолжения литературного творчества. За ней последовали «Один день из жизни начальника разведки», «И жизни мелочные сны», «Хроника безвременья»... Но «Рука Москвы», как подчеркивалось в одной из рецензий, «остается несущей колонной его мировоззрения, блестящим образцом честной мемуарной литературы».

Напомним в нескольких словах о жизненном и оперативном пути Леонида Владимировича Шебаршина.

Он родился 24 марта 1935 года в московском районе Марьино Роща в рабочей семье. После окончания с серебряной медалью средней школы в 1952 году поступил на индийское отделение Института востоковедения. В

связи с закрытием института в 1954 году был переведен в Московский государственный институт международных отношений, который закончил в 1958 году. После распределения в Министерство иностранных дел работал в советском посольстве в Пакистане в качестве переводчика. Свободно владел английским языком, урду, фарси и хинди.

Леонид Шебаршин пришел на работу в разведку в 1962 году, уже имея за плечами опыт заграничной работы по линии МИД СССР. По линии разведки находился в трех длительных заграничных командировках, пройдя путь от оперативного работника до резидента.

С 1983 года — на руководящих должностях в центральном аппарате разведки. В апреле 1987 года становится заместителем начальника внешней разведки (по странам Ближнего и Среднего Востока и Африки). С января 1989 по сентябрь 1991 года руководил советской внешней разведкой. Одновременно являлся заместителем председателя КГБ СССР. Генерал-лейтенант. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «За службу в разведке».

В сентябре 1991 года вышел в отставку и занялся литературной деятельностью. Автор нескольких книг по проблемам внешней разведки.

В одной из своих книг, отвечая на вопрос: «Зачем нам нужна разведка?», — Леонид Владимирович, в частности, подчеркивал:

«Разведка — инструмент, с помощью которого человек проникает в то, что другой человек пытается скрыть. Возможно и более широкое толкование разведки — выяснение обстоятельств, которые благоприятствуют или препятствуют осуществлению того или иного действия, связанного с риском для замышляющего...

Разведка должна иметь четко определенные цели для того, чтобы работать эффективно. Постановка целей для разведки — прерогатива и обязанность высшего руководства страны. Эти цели вытекают из политических и экономических задач, стоящих перед государством. Чем энергичнее решаются эти задачи, тем результативнее работает разведывательная служба.

В этих условиях складывается четкий механизм обратной связи, поступающая информация побуждает творцов политики к действиям, эти действия, в свою очередь, требуют дополнительных данных. Разведка находится под постоянным контролем государственного руководства, с нее строго спрашивают за ошибки и упущения, но высоко оценивают успехи.

Разведка — инструмент политики. Она не может заменить политику и сама формулировать свои задачи...

Мир секретности и мир открытости не отгорожены друг от друга непроницаемым барьером, они питают друг друга. Разумный политик не ожидает найти сенсационные сведения в каждом разведывательном сообщении. Секретная информация помогает корректировать видение того или иного процесса или события, вскрывать его реальную подоплеку, позволяет определить дезинформационный компонент...

Десятилетиями мы следили за маневрами внешних сил, противников и партнеров, выявляли их тайные замыслы, подсказывали направления ответных ходов, вступали в острейшие схватки, несли потери. И всегда, в самых тяжелых обстоятельствах присутствовала мысль — за нами Отечество, мощное, неколебимое государство, за нами великий народ. Мы даже верили словам “бастион мира и прогресса”, а иногда “...мира и социализма”. Противник не осмелился брать бастионы штурмом. Он добивается своего измором и изменой.

Борьба за Отечество продолжается на новых рубежах. Она неизмеримо ближе к сердцу России. Доля вины за все происходящее лежит и на нас. Так нужно ли сегодня наше дело? Нужно. Необходимо».

Свои книги Леонид Шебаршин писал всю жизнь. В них нашли место дневниковые записи, зарисовки из путевых блокнотов о Пакистане, Индии, Иране, Афганистане. Рассказывается о взаимодействии советской разведки с аналогичными службами бывших «братских» стран: ГДР, Болгарии, Кубы.

В повествование удачно вошли воспоминания оперативного работника, которым большую часть своей службы в органах государственной безопасности являлся автор, описания встреч с руководителями Советского государства — Ю.В. Андроповым, М.С. Горбачевым, А.Н. Косыгиным. Правдивостью, подлинной болью пронизан рассказ об августовских событиях 1991 года, изменивших в сознании автора представление о многих ценностях, которым он поклонялся с детства, и вызвавших «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» — развал Советского Союза. С позиций высокого профессионала своего дела автором показана картина противостояния советской разведки и западных спецслужб, а также роль последних в крахе СССР и установлении новой политической системы в России.

Близкий друг Л.В. Шебаршина и его коллега по работе во внешней разведке Н.С. Леонов подчеркивал:

«Уход из жизни Леонида Шебаршина вызван внезапно обрушившимся на него тяжелым нарушением кровообращения, вызвавшим полную потерю зрения и паралич нижних конечностей. Но этот обвал был подготовлен хронической, неизлечимой болезнью, не покидавшей Леонида

Владимировича никогда. Эта болезнь называется ностальгией по утраченному великому прошлому нашего государства и горечью за его нынешнее бедственное положение. До конца своих дней он оставался настоящим государственнымником, пламенным патриотом России...»

Глава 10.

ВЫСШИЙ СОВЕТСКИЙ ОРДЕН

Посетители Зала истории внешней разведки, знакомясь с его экспозицией, часто обращают внимание на представленное здесь большое количество советских наград, которыми были отмечены заслуги видных разведчиков в обеспечении государственной безопасности пашей страны.

В советский период истории нашего государства награждение орденами и медалями служило немалым стимулом трудовой и общественно-политической активности людей. Эти награды вручались за стахановский труд, за победы в «битвах за урожай», за высокие научные достижения, за успехи в борьбе с внешними и внутренними врагами страны.

Советские разведчики, о которых рассказывается на стендах Зала истории и шарады которых экспонируются в его витринах, были честными и достойными людьми, которые трудились, не жалея своих сил, на благо Родины и своего народа.

За годы советской власти было учреждено 38 орденов (со степенями), а также 61 наградная медаль (со степенями). Большинство из них стали историческими реликвиями, ими уже не награждают. Они принадлежат памяти об определенных этапах Советской эпохи.

К сожалению, пройдет еще десяток-другой лет — и мы не увидим и самих кавалеров советских наград. Прошлое на наших глазах становится историей.

Сегодня нам хотелось бы рассказать читателям журнала о высшей советской награде — ордене Ленина — и вспомнить некоторых замечательных сотрудников нашей Службы, отмеченных этим орденом.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОРДЕНА

Орден Ленина занимал в иерархии наград СССР верхнюю ступень. Идея его создания была предложена группой старых большевиков 8 июля 1926 года. Первоначально высшую советскую награду предлагалось назвать «орден Ильича».

Орден Ленина был учрежден Постановлением Президиума ЦИК СССР

от 6 апреля 1930 года.

В создании проекта ордена принимали участие художник И Дубасов, известный скульптор И. Шадр и медальер А. Васютинский. Основой для создания рельефного изображения вождя на знаке ордена стала фотография Ленина, выполненная в 1921 году на III конгрессе Коминтерна,

Орден Ленина представляет собой знак, изображающий портрет-медальон В.И. Ленина, помещенный в круг, обрамленный золотым венком из колосьев пшеницы. Темно-серый эмалевый фон вокруг портрета-медальона гладкий и ограничен двумя концентрическими золотыми ободками, между которыми проложена рубиново-красная эмаль. На левой стороне венка помещена пятиконечная звезда, внизу — серп и молот, справа в верхней части венка — развернутое полотнище красного знамени. Звезда, серп и молот и знамя покрыты рубиново-красной эмалью и окаймлены по контуру золотыми ободками. На знамени надпись золотыми буквами «ЛЕНИН». Орден изготовлен из золота (28,604 г), накладной барельеф В.И. Ленина — из платины (2,75 г). Первоначально орден носили на штативе с винтом, а с 19 июня 1943 года — на пятиконечной колодке с красной муаровой лентой, окаймленной по краям двумя золотыми полосками.

УДОСТОЕНЫ ОРДЕНА...

23 мая 1930 года орденом Ленина № 1 была награждена газета «Комсомольская правда» за активное содействие в усилении темпов социалистического строительства и в связи с пятилетием со дня основания.

В числе первых кавалеров ордена были крупные военачальники В.К. Блюхер, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, М.Н. Тухачевский, а также герои первых пятилеток: шахтер Алексей Стаханов, машинист локомотива Петр Кривонос, труженики сельского хозяйства Мария Демченко и Марк Озерный.

После учреждения 16 апреля 1934 года почетного звания Героя Советского Союза орден Ленина стал вручаться всем удостоенным этой высшей степени отличия за заслуги перед государством. Поскольку медаль «Золотая Звезда» была учреждена лишь в 1939 году, орден Ленина был единственным знаком отличия для этого высокого звания. После учреждения медали «Золотая Звезда» вместе с ней автоматически продолжал выдаваться орден Ленина. Это же касается звания Герой Социалистического Труда (установлено 27 декабря 1938 года) и его знака

отличия — медали «Серп и Молот» (учреждена 22 мая 1940 года).

Высшего ордена страны были также удостоены многие промышленные предприятия. Это такие гиганты, как нефтедобывающие объединения «Азнефть» и «Грознефть», тракторные заводы в Сталинграде, Харькове и Челябинске, Горьковский и Минский автомобильные заводы. Всего до Великой Отечественной войны кавалерами ордена Ленина стали около 6500 человек (включая Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда).

В период Великой Отечественной войны около 41 тысячи человек было награждено высшим советским орденом (из них около 36 тысяч — за боевые заслуги), а 207 воинских подразделений прикрепили орден Ленина к своим знаменам.

Начиная с 4 июня 1944 года и до 14 сентября 1957 года орден Ленина вручался офицерам за выслугу лет (25 лет безупречной службы). Также с начала 1950-х годов орден Ленина могли получить и гражданские лица за долговременный и плодотворный труд. Это привело к тому, что за последние 40 лет существования СССР орден Ленина был вручен более 360 тысяч раз.

Последним награжденным орденом Ленина в истории СССР был директор Маслянинского кирпичного завода Новосибирской области Яков Муль. Он был удостоен этой награды Указом Президента СССР от 21 декабря 1991 года «за большой личный вклад в реконструкцию и техническое перевооружение предприятия и достижение высоких показателей в труде».

Всего на сегодняшний день общее число награждений орденом Ленина составило 431 418. Среди людей, отмеченных высшей советской наградой, есть и сотрудники нашей Службы, о которых рассказывается в экспозиции Зала истории. Вспомним хотя бы некоторых из них.

РАЗВЕДЧИКИ — КАВАЛЕРЫ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ

В период гражданской войны в Испании Яков Серебрянский возглавлял во Франции специальную группу, которая занималась нелегальными поставками с позиций этой страны оружия республиканскому правительству. В сентябре 1936 года сотрудникам спецгруппы удалось через надежного агента закупить у французской фирмы «Девуатин» 12 новых военных самолетов якобы для некоей нейтральной страны. Самолеты были доставлены на приграничный с

Испанией аэродром, откуда их под предлогом летных испытаний благополучно перегнали в Барселону.

Разразился неслыханный международный скандал. Президента Франции Блюма и военного министра Пернэ обвинили в покровительстве республиканской Испании. А несколько позже, 31 декабря 1936 года, в советской прессе было опубликовано постановление ЦИК Союза ССР «о награждении за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов. Серебрянского Я.И. орденом Ленина».

* * *

В той же Испании во время войны с фашистами выполняли ответственные задания советской внешней разведки ее сотрудники Кирилл Орловский и Григорий Сыроежкин. Они являлись военными советниками республиканской армии и лично осуществляли разведывательно-диверсионные операции в тылу франкистов. За образцовое и самоотверженное выполнение заданий по оказанию помощи республиканской Испании постановлением ЦИК СССР от 13 ноября 1937 года К.П. Орловский и Г.С. Сыроежкин были награждены орденами Ленина.

* * *

20 августа 1940 года в Мексике завершилась операция «Утка» по физическому устранению Льва Троцкого.

Здесь следует подчеркнуть, что, переехав на постоянное жительство в Мексику, Троцкий стал поддерживать тесный контакт с сотрудниками американского консульства и активно передавать им конфиденциальную информацию на известных ему деятелей коммунистического движения и представителей Коминтерна. При этом необходимо напомнить, что именно из Коминтерна в 1930-е годы советская внешняя разведка черпала основной контингент для работы с нелегальных позиций.

В 1995 году генерал-лейтенант П.А. Судоплатов подчеркивал:

«Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для Гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к

преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение».

За успешное проведение операции «Утка» ее руководитель Наум Эйтингон и руководитель агентурной группы Каридад Меркадер 17 июня 1941 года были награждены орденами Ленина.

* * *

В декабре 1943 года во внешней разведке впервые было создано информационно-аналитическое подразделение, которое возглавил Михаил Андреевич Аллахвердов.

До этого чекист Аллахвердов устанавливал советскую власть на Памире, возглавлял резидентуры внешней разведки в Персии, Турции и Афганистане, активно работал с нелегальных позиций в Австрии, Швейцарии и во Франции.

Заслуги генерал-майора Аллахвердова были отмечены многими государственными наградами, в том числе — орденом Ленина.

* * *

25 августа 1942 года разведчик Николай Кузнецов был направлен на боевую работу в глубокий тыл противника с позиций разведывательно-диверсионного отряда специального назначения «Победители», действовавшего в районе города Ровно.

За короткое время Кузнецов добился значительных успехов. Он целенаправленно собирал и передавал в Центр важную разведывательную информацию. Выявил расположение полевой ставки Гитлера «Вервольф» под Винницей. Весной 1943 года получил чрезвычайно ценную разведывательную информацию о подготовке противником крупной наступательной операции в районе Курска. Осуществил ряд акций по уничтожению гитлеровских наместников на оккупированной территории.

За образцовое выполнение специальных боевых заданий Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1943 года Н.И. Кузнецов был награжден орденом Ленина.

* * *

С января 1943 по декабрь 1945 года Леонид Квасников возглавлял подрезидентуру научно-технической разведки в Нью-Йорке. При его непосредственном участии были добыты особо важные разведанные по атомной энергии и ее использованию в военных целях. 29 августа 1949 года в Советском Союзе было произведено испытание атомной бомбы. Американской монополии в данной области пришел конец.

За успешное выполнение специального задания советского правительства Л.Р. Квасников 29 октября 1949 года был удостоен ордена Ленина.

* * *

Член «Кембриджской пятерки» Ким Филби по заданию Центра поступил на службу в британскую «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС). В 1949 — 1951 годах он возглавлял в Вашингтоне миссию по связи английской разведки с ЦРУ. По заявлению бывшего сотрудника ЦРУ М. Коупленда, это привело к тому, что «...все чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультативными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали».

Заслуги Кима Филби в разведывательной деятельности были отмечены орденом Ленина.

* * *

Многие разведчики старшего поколения постигали профессиональное мастерство под руководством замечательного ветерана внешней разведки полковника Федичкина. Двадцать лет занимался он преподавательской деятельностью в Школе особого назначения, а затем — в Краснознаменном институте КГБ. А до этого Дмитрий Георгиевич выезжал в девять долгосрочных заграничных командировок, из которых в шести являлся резидентом внешней разведки. В годы Великой Отечественной войны Д.Г. Федичкин занимался организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу немецких войск.

Оперативная и боевая деятельность полковника Федичкина отмечена

многими советскими орденами, в том числе — орденом Ленина.

* * *

В одной из ведущих европейских натовских стран в начале 1960-х годов работал опытный и сильный разведчик Никита Дерябкин. По прикрытию он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой, передававшей важные документальные материалы о политике США и Англии в отношении СССР. Добросовестный труд Никиты Стефановича в резидентуре был отмечен орденом Ленина.

* * *

Сотрудник английской разведки Джордж Блейк весной 1951 года добровольно, но идейным соображениям установил связь с советской внешней разведкой. С 1953 года он занимал руководящий пост в центральном аппарате СИС. На протяжении длительного времени Дж. Блейк передавал в Москву исключительно цепную документальную информацию.

Весной 1961 года в результате предательства Дж. Блейк был арестован, подвергнут допросам и приговорен английским судом к 42 годам тюремного заключения. Спустя четыре года осуществил побег из тюрьмы. Проживает в Москве.

Заслуги выдающегося советского разведчика полковника Дж. Блейка были отмечены многими высокими государственными наградами, в том числе — орденом Ленина.

* * *

И таких примеров можно привести много. Так, кавалерами высшей награды СССР стали замечательные советские разведчики Африка де Лас Эрас и Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина. Среди сотрудников внешней разведки пять раз был удостоен ордена Ленина Кирилл Орловский, четырежды — Станислав Ваупшасов и Дмитрий Медведев, трижды —

Александр Панюшкин и Александр Сахаровский, дважды — Василий Зарубин и Василий Пудин.

Боевая и оперативная деятельность ветеранов внешней разведки является достойным примером для молодых сотрудников нашей Службы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личная ответственность за судьбу Отчизны, патриотизм, понимание поставленных целей и готовность к самоотверженной работе по их достижению, творческий подход — вот те принципы, которые должны определять становление сотрудника СВР России.

Президент Российской Федерации В.В. Путин

Бег времени неумолим. Уже пройдена советская веха в истории российской разведки. Наступил новый исторический этап, при котором теперь уже Службе внешней разведки (СВР) России приходится работать в новых условиях. И поныне не ослабевает политическая заинтересованность многих людей в сотрудничестве — теперь уже с российской разведкой. За этим стоят и нежелание видеть мир «одполярным», и опасения угрозы односторонней перекройки послевоенных европейских границ, и понимание роли России как фактора стабильности в Европе и мире в целом.

С июля 1992 года российская разведка работает на правовой основе, зафиксированной в Законе «О внешней разведке» и в «Положении о СВР», утвержденном Президентом России. Ныне внешняя разведка стала легитимной формой государственной деятельности, закреплены ее полномочия, определено место в системе обеспечения безопасности России, установлена прямая подчиненность президенту страны.

Служба внешней разведки России действует в строго очерченном правовом поле. Она ориентирована на своевременное выявление и нейтрализацию внешних угроз, недопущение тайного или явного вмешательства извне во внутренние дела нашего государства, а также на формирование благоприятных внешних условий для реализации политики России на международной арене.

С учетом новых приоритетов и реальных возможностей СВР сосредотачивает усилия на тех регионах мира, где в наибольшей мере присутствуют российские интересы. Сегодня объектами ее разведывательных устремлений являются отдельные государства и их союзы, политический курс которых составляет реальную или

потенциальную угрозу России и ее безопасности; иностранные спецслужбы, ведущие работу против пашей страны и ее внешней разведки; международные террористические и другие преступные организации.

Внешней разведкой пашей страны пройден большой и трудный путь. Были и серьезные успехи, и горькие неудачи. Накоплен богатый, порой уникальный опыт ведения разведывательной работы. Этот опыт по праву можно считать национальным достоянием, которое нужно бережно хранить и творчески развивать. Неоценимо значение этого опыта в подготовке и воспитании молодых разведчиков.

В конце 2009 года, накануне своего профессионального праздника российские разведчики впервые за всю историю существования отечественной внешней разведки обрели свою официальную символику.

Указ об учреждении геральдического знака — эмблемы, флага и знамени Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР России) был подписан Президентом Российской Федерации 31 октября и вступил в силу 6 ноября 2009 года. Этим же указом были утверждены Положения об эмблеме и флаге, а также о знамени СВР России, их описание и рисунки.

В описании геральдического знака — эмблемы, ставшей официальным символом СВР России, отмечается, что основным ее элементом является золотой двуглавый орел с поднятыми распущенными крыльями, увенчанный двумя малыми коронами и над ними — одной большой короной, соединенными лептой. В лапах орла — диагонально перекрещенные серебряные меч и пылающий факел. На груди орла — круглый щит, окованный серебром, с радиальной насечкой и двенадцатью золотыми закрепами. Поле щита лазоревого (василькового) цвета. В поле щита — серебряная пятилучевая сияющая звезда, в центре которой — голубое изображение земного шара с золотыми параллелями и меридианами.

Эмблема Службы может выполняться в одноцветном изображении.

Интересно, что каждый элемент эмблемы СВР России, по словам специалистов в области геральдики, несет свою собственную смысловую нагрузку. Так, золотой двуглавый орел символизирует принадлежность Службы к федеральным органам исполнительной власти. Круглый щит характерен для вооружения русских воинов. Количество закрепов на щите — двенадцать — ассоциируется со временем (12 часов на циферблате, 12 месяцев) и символизирует непрерывность любого вида деятельности Службы во времени. Закрепы выполнены в виде геральдических роз, означающих сохранность тайны.

Изображение земного шара символизирует масштабы деятельности

Службы в пространстве, а пятилучевая сияющая звезда — пять континентов.

Серебряный меч в лапе орла указывает на принадлежность Службы к силам обеспечения безопасности государства и защиты его интересов. А серебряный пылающий факел подчеркивает специфику деятельности Службы по выявлению тайного, скрытого.

Свое значение имеет и цветовая гамма: золото символизирует принадлежность к высшей власти, серебро — чистоту помыслов, а лазоревый (васильковый) цвет щита — принадлежность к российским спецслужбам.

Указом допускается использование в качестве самостоятельной эмблемы СВР России щита с расположенной на нем пятилучевой сияющей звездой с земным шаром, наложенного на диагонально перекрещенные меч и пылающий факел (средняя эмблема), а также пятилучевой звезды с земным шаром (малая эмблема).

В Положении о знамени Службы внешней разведки Российской Федерации указывается, что оно является официальным символом и воинской реликвией СВР России.

Знамя изготавливается в единственном экземпляре и находится под круглосуточной охраной. Оно используется при проведении особо торжественных мероприятий в Службе. Его вынос осуществляется с соблюдением определенного воинскими уставами ритуала.

Вручение знамени производится в торжественной обстановке Президентом Российской Федерации.

Знамя представляет собой двустороннее прямоугольное полотнище красного цвета с каймой лазоревого (василькового) цвета и узкой внешней каймой белого цвета. Полотнище знамени и кайма обшиты золотистой тесьмой. По лазоревой кайме проходит золотистый плетеный орнамент, на белой кайме вышиты золотистые звездочки.

На лицевой стороне полотнища знамени, в центре, — главная фигура Государственного герба Российской Федерации: золотой двуглавый орел, поднявший распущенные крылья.

На оборотной стороне полотнища, в центре, — эмблема СВР России. В верхней части синей каймы орнамент прерывается надписью «ОТЕЧЕСТВО», в нижней ее части — надписью «ДОБЛЕСТЬ ЧЕСТЬ». Надписи слов, которые являются девизом сотрудников Службы, выполнены золотистыми буквами, стилизованными под старославянский шрифт.

15 декабря 2009 года в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, который является залом воинской славы Отечества, Президент

России Дмитрий Медведев вручил директору СВР России Михаилу Фрадкову знамя Службы внешней разведки Российской Федерации.

В торжественной церемонии приняли участие руководители основных подразделений Службы и ее ветеранских организаций, видные разведчики-ветераны, вписавшие немало достойных страниц в ее историю, гости, представлявшие другие российские спецслужбы, руководители ряда министерств и ведомств Российской Федерации.

В ходе церемонии вручения знамени Президент России констатировал, что сотрудников СВР всегда отличали высокий профессионализм и преданность своему делу.

Глава государства отметил, что обстановка в мире на сегодняшний день весьма сложна. «При этом все мы являемся свидетелями того, как выстраивается новая глобальная конфигурация, как возникают новые центры силы, приходят в движение те политические силы, которые, может быть, не так были заметны на мировой арене. Это создаст новый расклад, который является вызовом для нашего государства и по которому нам необходимо принимать разумные решения».

Указав на то, что в мире растет конкуренция за политическое, экономическое и информационное влияние, Дмитрий Медведев подчеркнул, что новые реалии требуют от СВР упреждающего реагирования. В частности, он заявил: «Все это требует упреждающего реагирования на эти угрозы и оперативного выявления очагов такого рода проблем. Это предъявляет и новые требования к качеству оперативной и аналитической работы СВР, потому как ключевым направлением работы Службы остается информационно-аналитическое обеспечение важнейших политических решений и информационно-аналитическое сопровождение наиболее сложных процессов, которые происходят в нашей стране».

Со своей стороны, директор СВР России Михаил Фрадков подчеркнул, что сотрудники внешней разведки «приложат все силы для успешной реализации политического курса России, обеспечивая ее безопасность, экономическое развитие, научный и военно-технический прогресс». Он заверил руководство страны, что «под сенью нового знамени сотрудники СВР России останутся верны славным боевым традициям предков, будут, как и они, надежными защитниками нашего великого Отечества».

В ходе торжественной церемонии Президент России вручил также директору СВР России Михаилу Фрадкову символ ответственности командира — личный штандарт.

* * *

Вся многолетняя история отечественной внешней разведки самым тесным образом связана с судьбами страны. На всех этапах ее истории внешняя разведка оставалась надежным и эффективным инструментом решения жизненно важных для государства задач, верно служила народу и всегда стремилась в полной мере соответствовать своему предназначению.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РСФСР, СССР и РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР 20.12.1920 — 06.02.1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР 06.02.1922 — 02.11.1923

Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР 02.11.1923 — 10.07.1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР 10.07.1934 — 25.12.1936

7-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР 25.12.1936 — 09.06.1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР 09.06.1938 — 29.09.1938

5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР 29.09.1938 — 03.02.1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 03.02.1941 — 20.07.1941

Первое (разведывательное) управление НКВД СССР 20.07.1941 — 14.04.1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР 14.04.1943 — 15.03.1946

Первое главное управление (ПГУ) МТБ СССР 15.03.1946 — 30.05.1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР 30.05.1947 — 29.01.1949

Комитет информации (КИ) при МИД СССР 29.01.1949 — 02.11.1951

Первое главное управление (ПГУ) МТБ СССР 02.11.1951 — 05.01.1953

Первое управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МТБ СССР 05.01.1953 — 05.03.1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР 05.03.1953 — 13.03.1954

Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР 13.03.1954 —
05.07.1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР 05.07.1978 — 22.10.1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР 22.10.1991 — 18.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) РСФСР 18.12.1991 — 25.12.1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации с 25.12.1991

Приложение 2.

РУКОВОДИТЕЛИ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

20.12.1920 — 20.01.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович
(исполняющий обязанности)

20.01.1921 — 10.04.1921 Катапян Рубен Павлович

10.04.1921 — 06.08.1921 Давыдов (Давтян) Яков Христофорович

06.08.1921 — 13.03.1922 Могилевский Соломон Григорьевич

13.03.1922 — 27.10.1929 Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович

27.10.1929 — 01.12.1929 Мессинг Станислав Адамович (исполняющий
обязанности)

01.12.1929 — 01.08.1931 Мессинг Станислав Адамович

01.08.1931 — 21.05.1935 Артузов (Фраучи) Артур Христианович

21.05.1935 — 17.02.1938 Слуцкий Абрам Аронович

17.02.1938 — 09.06.1938 Шнигельглас Сергей Михайлович
(исполняющий обязанности)

09.06.1938 — 02.11.1938 Пассов Зельман Исаевич

02.11.1938 — 02.12.1938 Судоплатов Павел Анатольевич
(исполняющий обязанности)

02.12.1938 — 13.05.1939 Деканозов Владимир Георгиевич

13.05.1939 — 15.06.1946 Фитин Павел Михайлович

15.06.1946 — 07.09.1946 Кубаткин Петр Николаевич

07.09.1946 — 19.09.1949 Федотов Петр Васильевич

19.09.1949 — 05.01.1953 Савченко Сергей Романович

05.01.1953 — 05.03.1953 Питовранов Евгений Петрович

05.03.1953 — 28.05.1953 Рясной Василий Степанович

28.05.1953 — 17.07.1953 Коротков Александр Михайлович
(исполняющий обязанности)

17.07.1953 — 23.06.1955 Панюшкин Александр Семенович

23.06.1955 — 12.05.1956 Сахаровский Александр Михайлович
(исполняющий обязанности)

12.05.1956 — 15.07.1971 Сахаровский Александр Михайлович

15.07.1971 — 13.01.1974 Мортин Федор Константинович

13.01.1974 — 26.12.1974 Крючков Владимир Александрович
(исполняющий обязанности)

26.12.1974 — 01.10.1988 Крючков Владимир Александрович

01.10.1988 — 06.02.1989 Кирииченко Вадим Алексеевич

(исполняющий обязанности)

06.02.1989 — 22.09.1991 Шебаршин Леонид Владимирович

22.09.1991 — 30.09.1991 Гургенов Вячеслав Иванович (исполняющий обязанности)

30.09.1991 — 09.01.1996 Примаков Евгений Максимович

10.01.1996 — 20.05.2000 Трубников Вячеслав Иванович

20.05.2000 — 08.10.2007 Лебедев Сергей Николаевич

09.10.2007 — п/в Фрадков Михаил Ефимович

Приложение 3.

ПЕРЕЧЕНЬ

спецзваний начальствующего состава органов

НКВД — НКГБ СССР и их соответствие воинским званиям начальствующего состава Красной Армии (1935 — 1945)

1. Сержант госбезопасности — лейтенант
2. Младший лейтенант госбезопасности — старший лейтенант
3. Лейтенант госбезопасности — капитан
4. Старший лейтенант госбезопасности — майор
5. Капитан госбезопасности — подполковник
6. Майор госбезопасности — полковник
7. Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности) — генерал-майор
8. Комиссар государственной безопасности 3-го ранга — генерал-лейтенант
9. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга — генерал-полковник
10. Комиссар государственной безопасности 1-го ранга — генерал армии
11. Генеральный комиссар государственной безопасности — Маршал Советского Союза

Приложение 4.

ВЕХИ ИСТОРИИ СВР РОССИИ

20 декабря 1917 года — Совет Народных Комиссаров принял декрет об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) во главе с Ф.Э. Дзержинским. Первоначально ВЧК состояла из трех отделов: информационного, организационного и борьбы с контрреволюцией. 24 декабря был создан отдел по борьбе со спекуляцией.

6 сентября 1920 года — Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации разведки. Внешняя разведка Советской России зародилась в недрах Особого отдела ВЧК, не имела самостоятельного статуса и организационно входила в структуры армейской контрразведки. В решении, в частности, отмечалось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время Польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

Для разработки мер по улучшению деятельности разведки была создана специальная комиссия, в которую вошли Сталин, Дзержинский и ряд других лиц. На основании разработанных комиссией предложений Дзержинский издал 20 декабря 1920 года приказ об организации Иностранного отдела ВЧК.

17 сентября 1920 года — Совет труда и обороны (СТО) принял постановление о приравнивании сотрудников ВЧК к военнослужащим действующей Красной Армии.

20 декабря 1920 года — день создания советской внешней разведки. В этот день Ф.Э. Дзержинский подписал приказ № 169 об образовании Иностранного отдела ВЧК, в котором, в частности, говорилось:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному отделу ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов.

Менжинскому.

4. Врид. Начальником Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума ВЧК штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с границей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностранный отдел».

Правопреемницей Иностранного отдела ВЧК в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

14 января 1921 года — в составе ВЧК было создано Секретно-оперативное управление (СОУ), в которое входили: Иностранный отдел, Особый отдел, Секретный отдел, Оперативный отдел и Информационный отдел. Иностранный отдел (разведка и контрразведка за рубежом) вел работу, координируя свою деятельность с Народным комиссариатом иностранных дел. Особый отдел занимался борьбой с политическим, экономическим и военным шпионажем. Секретный отдел руководил борьбой с внутренней контрреволюцией. В Оперативном отделе сосредоточивались материалы о состоянии оперативной работы ВЧК и ее местных органов. Информационный отдел обрабатывал и систематизировал материалы о политическом и экономическом положении страны и на их основе составлял обобщенные информационные сводки.

29 апреля 1921 года — Экономическое управление ВЧК представило в Президиум ВЧК доклад «О создании коммерческо-промышленной разведки», в котором впервые в постановочном плане затрагивалась проблема экономической разведки. В докладе подчеркивалась важность работы по экономической линии не только внутри страны, но и за рубежом, так как «иностранный капитал многими нитями тесно связан с экономикой России и далеко не всегда его интересы соответствуют интересам национальной, в том числе и экономической, безопасности РСФСР».

5 мая 1921 года — постановлением Малого Совнаркома РСФСР при ВЧК создана криптографическая служба, которую возглавил член Коллегии ВЧК Глеб Бокий, — Специальный отдел (СПЕКО) ВЧК по руководству шифровальным делом в стране и контролю за деятельностью шифровальных органов РСФСР. На отдел были возложены задачи по ведению радиоразведки и противодействию радиоразведкам ведущих капиталистических стран.

6 февраля 1922 года — декретом Президиума ВЦИК РСФСР упразднена Всероссийская чрезвычайная комиссия. На ее базе было создано Государственное политическое управление (ГПУ) при Наркомате

внутренних дел РСФСР. В состав ГПУ вошел Иностраный отдел (внешняя разведка). Положение об Иностранном отделе ГПУ следующим образом определяло приоритетные задачи, стоящие перед разведкой: выявление контрреволюционных организаций, действующих на территориях иностранных государств; установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем; освещение политической линии иностранных государств по основным вопросам международной политики, получение сведений об их экономическом положении; контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

28 июня 1922 года — коллегией ГПУ было утверждено «Положение о закордонном отделении ИНО» в котором определялись задачи разведывательной работы за рубежом. Наряду с широким спектром задач политического, военного и контрразведывательного характера предусматривалось целенаправленное использование нелегальных возможностей разведки.

30 декабря 1922 года — I Всероссийский съезд Советов постановил учредить при СНК СССР объединенный орган Государственного политического управления (ОПТУ).

11 января 1923 года — Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об учреждении при ГПУ Особого бюро по дезинформации (Дезинфбюро) «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств относительно внутренней и внешней политики СССР, а также состояния его вооруженных сил и мероприятий по обороне Республики». На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств.

18 апреля 1923 года — учреждено спортивное общество «Динамо». В СВР функционирует лучший в российских спецслужбах спортивный комплекс, где созданы все условия для поддержания и совершенствования спортивных навыков сотрудников. Под руководством областной организации «Динамо» спортсмены СВР добиваются высоких результатов на различных соревнованиях, вплоть до международных.

12 июля 1923 года — постановлением Коллегии ГПУ в качестве дополнения к введенному в декабре 1922 года по случаю 5-й годовщины ВЧК — ГПУ почетному званию «Почетный чекист» утверждено «Положение о Почетном знаке ВЧК — ГПУ». Нагрудный знак вручался особо отличившимся сотрудникам контрразведки и разведки от имени

коллегии вплоть до конца 1932 года. За беспощадную борьбу с контрреволюцией этим почетным знаком были награждены многие чекисты-разведчики.

2 ноября 1923 года — постановлением Президиума ЦИК СССР создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, в задачи которого входило объединение усилий республиканских ГПУ в борьбе со шпионажем и контрреволюцией. Внешняя разведка действовала в составе ОГПУ.

31 января 1924 года — согласно принятой II Всесоюзным съездом Советов Конституции СССР ОГПУ вошло в систему исполнительно-распорядительных органов СССР и союзных республик на правах союзно-республиканского наркомата.

18 августа 1924 года — органами ОПТУ арестован руководитель антисоветской эмигрантской организации «Народный союз защиты родины и свободы» Борис Савинков. Завершилась длившаяся несколько лет сложная чекистская операция «Сипдикат-2». За успешное выполнение задания по разработке контрреволюционной организации сотрудники внешней разведки А.П. Федоров, Г.С. Сыроежкин и С.В. Пузицкий были награждены орденом Красного Знамени.

12 декабря 1924 года — принято Постановление ЦИК СССР «О награждении лиц высшего командного состава РККА и Флота почетным революционным оружием». Таким оружием с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» были награждены и сотрудники внешней разведки: Д. А. Быстролетов (за конкретные результаты в работе), С.А. Ваупшасов (за борьбу с белополяками в Белоруссии), П.Я. Зубов (за ликвидацию кулацких банд в Грузии и Абхазии), Д.Н. Медведев (за работу в Брянской уездной ЧК), Г.И. Мордвинов (награждался боевым оружием трижды), С.В. Пузицкий, Г.С. Сыроежкин, В.Т. Яковлев и др.

27 сентября 1925 года — органами ОПТУ арестован известный английский разведчик Сидней Рейли. Его арест явился кульминационным моментом оперативной игры под названием «Трест». Операция «Трест» началась 6 ноября 1922 года, когда председатель политсовета легендарной «Монархической организации Центральной России» Якушев по заданию Дзержинского и Артузова выехал в Берлин для установления непосредственного контакта с руководителями контрреволюционной организации «Высший монархический совет». В результате операции была выполнена основная задача — удержать зарубежные монархические организации от активной подрывной деятельности на территории СССР и в первую очередь от совершения

террористических актов.

26 октября 1925 года — председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский направил в ИНО записку о создании при нем «органа информации о достижениях заграничной техники». Дата этой записки считается началом становления научно-технической разведки как одного из направлений деятельности внешней разведки страны.

5 марта 1926 года — Военно-промышленное управление ВСНХ разработало для ИНО «перечень вопросов для заграничной информации», который, по существу, являлся заданием правительства СССР разведке по сбору технической документации и образцов по оборонной тематике.

26 мая 1926 года — по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в Москве создана специальная разведшкола для подготовки сотрудников для ИНО и ГРУ. Позднее она была преобразована в Военно-дипломатическую академию.

30 июля 1927 года — Иностраный отдел выделен из состава Секретно-оперативного управления ОГПУ на правах самостоятельного подразделения (ИНО ОГПУ).

30 января 1930 года — принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором впервые на высоком политическом и государственном уровне были определены приоритетные направления разведывательной деятельности. Среди задач, поставленных перед внешней разведкой, были, в частности, следующие: выявление планов руководящих кругов Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии относительно финансово-экономической блокады нашей страны; активизация научно-технического направления деятельности разведки. Выполняя данное постановление, внешняя разведка сумела получить большое количество секретной технической информации по различным отраслям промышленности и видам вооружений.

2 ноября 1932 года — начальник ИНО ОГПУ А.Х. Артузов подписал распоряжение о реорганизации внешней разведки. Необходимость такой реорганизации была вызвана тем, что после относительно благоприятной обстановки для деятельности советских учреждений в Европе в предшествовавшее десятилетие, определявшейся Раппальским договором, в ряде европейских стран наметилась тенденция к ужесточению режима пребывания работников советских представительств, в том числе и сотрудников внешней разведки.

16 апреля 1934 года — постановлением ЦИК СССР учреждено почетное звание Героя Советского Союза — высшая степень отличия за заслуги перед государством. Героям Советского Союза вручались высшая

награда СССР — орден Ленина и Грамота ЦИК СССР (с декабря 1937 года — Президиума Верховного Совета СССР). 1 августа 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден дополнительный знак отличия — медаль «Золотая Звезда». Первыми звания Героя Советского Союза среди сотрудников внешней разведки за выполнение спецзаданий в тылу противника были удостоены: полковник Орловский К.П. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года); подполковник госбезопасности Ваупшасов С.Л., Кузнецов Н.И., капитан госбезопасности Лягин В.А., полковник госбезопасности Медведев Д.Н., капитан госбезопасности Молодцов В.Л., подполковник госбезопасности Прокопюк Н.А. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года).

10 июля 1934 года — постановлением ЦИК СССР образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), в который вошли ряд главков, в том числе Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Иностраный отдел стал 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР. Его задачи правительство определило следующим образом: «выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций; вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР; руководство деятельностью закордонных резидентур».

7 октября 1935 года — ЦИК и СНК СССР приняли решение о введении специальных воинских званий для сотрудников Главного управления госбезопасности НКВД (от сержанта госбезопасности до генерального комиссара госбезопасности).

13 ноября 1937 года — постановлением ЦИК СССР группа сотрудников НКВД была награждена орденами за образцовое и самоотверженное выполнение заданий по оказанию помощи республиканской Испании. Среди них были и сотрудники внешней разведки. Орденом Ленина были награждены Г.С. Сыросжкин, К.П. Орловский и Я.И. Серебрянский. Орденом Красного Знамени — Н.И. Эйтингон и Н.А. Прокопюк. Орденом Красной Звезды — А.М. Рабцевич.

3 октября 1938 года — нарком внутренних дел издал приказ о создании Школы особого назначения (ШОН) для централизованной подготовки разведывательных кадров. Слушатели школы набирались в основном из гражданских лиц, имеющих высшее образование. Первым начальником ШОН был В.Х. Шармазанашвили. С помощью оперативных работников центрального аппарата внешней разведки, за плечами которых

были многие годы напряженной и результативной деятельности за границей, руководству школы удалось в сжатые сроки организовать учебный процесс. Первыми преподавателями ШОН были П.М. Журавлев, В.М. Зарубин, В.И. Пудин, П.А. Судоплатов и другие опытные разведчики. Первые выпускники ШОН сыграли заметную роль в активизации разведывательной работы накануне и в годы Великой Отечественной войны. В 1943 году по решению ГКО в целях дальнейшего совершенствования разведывательной деятельности на базе ШОН была создана Разведывательная школа (РАШ) НКГБ с двухгодичным сроком обучения. Усложнение поставленных перед разведкой задач в послевоенное время потребовало серьезного корректирования основных направлений и приоритетов разведывательной работы. Соответственно этому потребовалось и совершенствование подготовки разведывательных кадров. В сентябре 1948 года на базе РЛШ создается Высшая разведывательная школа (ВРШ, или, как ее называли, Школа № 101). В октябре 1968 года она была награждена орденом Красного Знамени. В 1969 году было принято решение поднять учебное подразделение внешней разведки на новую качественную ступень, создав трехгодичный институт со статусом высшего учебного заведения. Институт унаследовал от ВРШ звание «Краснознаменный», а в марте 1984 года ему было присвоено имя Ю.В. Андропова. Краснознаменный институт (КИ) просуществовал четверть века. В начале 1990-х годов была проведена дальнейшая реорганизация этого учебного заведения и на его базе была создана Академия внешней разведки (АВР).

7 августа 1939 года — разведка доложила И.В. Сталину, что Германия сможет начать вооруженные действия против Польши в любой день после 25 августа. 11 августа состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором была рассмотрена полученная информация. Учитывая сложившиеся условия и принимая во внимание данные разведки о тайных переговорах Англии с Германией, советская сторона пошла на заключение 23 августа 1939 года договора с Германией о ненападении.

6 ноября 1940 года — Совнаркомом СССР учреждено почетное звание «Заслуженный работник НКВД». Удостоенным этого почетного звания вручались нагрудный знак и грамота.

3 февраля 1941 года — создан Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР. Вопросами внешней разведки стало заниматься Первое управление НКГБ СССР.

16 июля 1941 года — по личному распоряжению Л. Берии в составе НКВД под руководством майора госбезопасности Павла Судоплатова

создано специальное разведывательно-диверсионное подразделение, названное Особой группой, с целью не допустить возможности провокаций со стороны немецких спецслужб по тину акции в Гляйвице в 1939 году.

17 июня 1941 года — начальник внешней разведки П.М. Фитин доложил И.В. Сталину о том, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного нападения на СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время». Непосредственно перед нападением разведка установила и его точную дату — 22 июня 1941 года.

22 июня — День памяти и скорби. День вероломного нападения фашистской Германии на СССР в 1941 году. Перестроив работу на военный лад с первых дней Великой Отечественной войны, внешняя разведка сумела обеспечить Государственный Комитет Оборона важной разведывательной информацией. Наряду с добычей информации сотрудники внешней разведки принимали непосредственное участие в разведывательно-диверсионной работе и партизанском движении в тылу врага.

30 июня 1941 года — образован Государственный Комитет Оборона (ГКО) СССР — высший чрезвычайный орган власти в стране под председательством И.В. Сталина. Сразу же после образования ГКО рассмотрел вопрос о внешней разведке и уточнил ее задачи. Основное внимание обращалось на работу по Германии, Италии, Японии и оккупированным ими странам. Главной задачей ставилось создание агентурных возможностей в правительственных учреждениях, промышленных и научных организациях, разведывательных и контрразведывательных службах этих государств.

5 июля 1941 года — при Наркомате внутренних дел была создана Особая группа для организации разведывательно-диверсионной работы в тылу противника. Ее возглавил П.А. Судоплатов. На случай захвата Москвы немецкими войсками Особая группа должна была разработать и осуществить план уничтожения в ней гитлеровского руководства. Ядро группы составляли опытные сотрудники внешней разведки. Многие из них в дальнейшем были заброшены в тыл к немцам для организации партизанских отрядов. 3 октября 1941 года группа была преобразована во 2-й отдел НКВД, а с 18 января 1942 года — в 4-е управление НКВД.

18 июля 1941 года — принято постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем говорилось о необходимости создания партийного подполья, способного возглавить борьбу народных масс в тылу вражеских войск, готовить партизанские отряды, которые должны быть обеспечены оружием, боеприпасами,

деньгами, радиоаппаратурой. В отряды предлагалось отбирать людей с опытом Гражданской войны, работников НКВД и НКГБ. Для выполнения задач по развертыванию партизанской борьбы в тылу врага при самом активном участии разведки была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Командиром ОМСБОН до ее расформирования 26 октября 1943 года был опытный чекист-разведчик В.В. Гриднев.

20 июля 1941 года — указом Президиума Верховного Совета СССР Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР. Внешняя разведка стала называться Первым управлением НКВД СССР.

14 августа 1941 года — начались переговоры между представителями английской секретной службы и советской разведки по оказанию взаимной помощи в борьбе против фашистской Германии. В результате переговоров была предусмотрена организация в Москве и Лондоне соответствующих секций связи. Советскую секцию в Лондоне возглавлял известный разведчик И.Л. Чичаев.

18 января 1942 года — в составе НКВД для руководства зафронтовой работой органов госбезопасности образовано 4-е управление. Его костяк составили сотрудники внешней разведки. Руководитель 4-го управления майор госбезопасности П.А. Судоплатов одновременно являлся заместителем начальника внешней разведки. Управление занималось формированием разведывательно-диверсионных групп и отрядов, действовавших в тылу немецких оккупантов.

17 февраля 1942 года — началась операция «Монастырь». Первоначальная цель операции — проникнуть в агентурную сеть абвера с помощью легендированной подпольной организации «Престол». Затем она переросла в оперативную радиоигру по продвижению противнику дезинформации как военного, так и политического характера. Руководитель операции генерал-лейтенант Судоплатов и его заместитель генерал-майор Эйтингон были награждены за ее проведение орденами Суворова.

5 сентября 1942 года — подписан приказ народного комиссара обороны «О задачах партизанского движения». Внешней разведке надлежало принять непосредственное участие в партизанском движении. Всего за годы войны в тыл противника было направлено более 2200 отрядов и групп, которые наносили врагу существенный урон в живой силе и технике. Они отвлекали на себя значительные силы противника, осуществляли связь с подпольными резидентурами, собирали и направляли

в Центр ценную информацию о планах и передвижениях гитлеровцев.

12 февраля 1943 года — Государственный Комитет Обороны принял постановление о начале работ по созданию в СССР ядерного оружия. Общее руководство осуществлял В.М. Молотов. Тогда же было принято решение ввиду важности атомной проблемы сделать ее приоритетной в деятельности разведки НКВД. В НКВД была создана группа «С», которой руководил П. А. Судоплатов. В задачи группы (с 1945 года — отдела) входила реализация полученных данных по атомной проблематике внутри страны. Разведка справилась с поставленной задачей. Шестеро ее представителей (В.Б. Барковский, Л.Р. Квасников, Леонтина и Моррис Коэн, Л.С. Феклисов, А. А. Яцков) в 1995 — 1996 годах стали Героями Российской Федерации.

14 апреля 1943 года — указом Президиума Верховного Совета СССР из состава НКВД выделен НКГБ. Внешняя разведка стала Первым управлением НКГБ СССР.

5 июня 1943 года — Государственный Комитет Обороны утвердил «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в которых определялись задачи и Первого (разведывательного) управления НКГБ СССР. В соответствии с этими мероприятиями укрупнялись существовавшие и создавались новые резидентуры, что в значительной мере способствовало повышению качества политической информации и увеличению объема добываемой научно-технической документации и образцов.

23 августа 1943 года — день разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве. Победа в этом сражении стала одним из важнейших переломных этапов в Великой Отечественной войне. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования. Внешняя разведка первой получила информацию о подготовке немцами широкомасштабной операции на Курском направлении. Упреждающая информация сыграла значительную роль при подготовке разгрома противника, применившего новейшую военную технику.

28 ноября 1943 года — в Тегеране начала работу конференция руководителей СССР, США и Великобритании. В ходе конференции, завершившейся 1 декабря, были приняты декларации о совместных действиях в войне и о послевоенном сотрудничестве. СССР заявил о готовности вступить в войну с Японией после победы над гитлеровской Германией. Советской внешней разведке удалось к началу работы конференции парализовать деятельность подпольных профашистских

организаций, успешно противостоять немецким спецслужбам в Иране и совместно с английской разведкой сорвать попытку организации покушения на «большую тройку».

27 декабря 1943 года — начались переговоры о сотрудничестве между советской внешней разведкой и Управлением стратегических служб США. Американская сторона предложила сотрудничество по следующим основным направлениям: обмен разведывательной информацией о противнике; проведение консультаций о диверсионной работе на территории врага, о заброске агентуры в тыл противника; обмен материалами о технике для диверсионной работы; обмен образцами радиоаппаратуры. Сотрудничество между советской и американской разведками продолжалось полтора года.

18 августа 1944 года — началась чекистско-разведывательная операция «Березино». Цель операции — в ходе радиоигры с немецкими разведорганами и Верховным командованием германской армии вызвать их ответные действия по спасению якобы находящейся в тылу советских войск немецкой воинской группировки численностью более 2000 человек. В результате операции немцами было совершено 39 самолетовылетов в советский тыл и сброшено на парашютах 22 германских разведчика, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием, а также 1 777 000 рублей советских денег.

5 ноября 1944 года — подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза работникам Народного комиссариата государственной безопасности СССР». Среди награжденных за образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом мужество и отвагу были имена сотрудников внешней разведки С.А. Ваупшасова, Н.И. Кузнецова, В.А. Лягина, Д.Н. Медведева, В.Л. Молодцова, Н.А. Прокопюка.

9 мая — День воинской славы России. День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов.

В годы войны многие сотрудники внешней разведки встали в ряды защитников Родины на трудных и опасных участках борьбы с немецким фашизмом — в тылу врага, в условиях подполья, в партизанских и разведывательно-диверсионных отрядах. Не менее значимой была роль внешней разведки и в решении своей главной задачи — в обеспечении руководства страны достоверной информацией для планирования военных операций, для правильного построения отношений с союзниками, для устройства отвечающего интересам Советского Союза послевоенного мира.

6 июля 1945 года — отменены специальные воинские звания начсостава НКВД и НКГБ. Вместо них были введены общеармейские генеральские и офицерские звания.

20 августа 1945 года — постановлением Государственного Комитета Обороны создан Специальный комитет при ГКО по координации и форсированию разработки отечественного ядерного оружия. С этого времени внешняя разведка начала получать конкретные задания, отвечающие потребностям развернутой программы научно-технических работ по созданию советской атомной бомбы.

15 марта 1946 года — указом Президиума Верховного Совета СССР Совет народных комиссаров (СНК) преобразован в Совет Министров (СМ), а народные комиссариаты — в министерства. Внешняя разведка стала называться Первым главным управлением (ПГУ) Министерства государственной безопасности (МТБ) СССР.

30 мая 1947 года — постановлением Совета Министров СССР создан Комитет информации при Совете Министров во главе с В.М. Молотовым. В него вошли ПГУ МТБ, ГРУ, а также информационные структуры ЦК ВКП(б), МИД и Минвнешторга. В январе 1949 года ГРУ вернули в Министерство обороны, а Комитет информации был передан в ведение МИДа.

13 октября 1949 года — Совет Министров СССР образовал Министерство государственной безопасности СССР, в которое в дальнейшем (с 02.11.1951 года) на правах Первого главного управления вошла внешняя разведка.

5 января 1953 года — решением Бюро Президиума ЦК КПСС советская политическая разведка была переименована в Первое (разведывательное) управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МТБ СССР, а начальником внешней разведки назначен генерал-майор Питовранов Евгений Петрович. Контрразведка была переименована во Второе управление во главе с генерал-лейтенантом Рясным Василием Степановичем. Одновременно были учреждены Бюро № 1 (по разведке и диверсиям) и отдел «Д» (активные мероприятия). В Главное разведывательное управление также вошли некоторые подразделения 4-го (розыскного), 5-го (секретно-политического) и 7-го (оперативного) управлений МТБ. Данная структура просуществовала до 5 марта 1953 года.

5 марта 1953 года — постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ЦК КПСС Министерство государственной безопасности СССР организационно влилось в Министерство внутренних дел СССР. Внешняя разведка стала называться

Вторым главным управлением (ВГУ) МВД СССР.

13 марта 1954 года — указом Президиума Верховного Совета СССР образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Внешняя разведка стала Первым главным управлением КГБ при Совете Министров СССР (ПГУ при СМ СССР).

6 декабря 1957 года — приказом председателя КГБ при СМ СССР для награждения особо отличившихся сотрудников органов госбезопасности был учрежден нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

13 декабря 1958 года — решением правительства учреждена ведомственная медаль «За безупречную службу» трех степеней. Начиная с этой даты сотрудники советской внешней разведки награждались этой медалью за безупречную службу по выслуге лет.

31 января 1962 года — президент США Джон Кеннеди подписал указ о прекращении срока тюремного заключения советского разведчика Рудольфа Абеля в тот день, когда из тюрьмы в СССР будет освобожден Фрэнсис Гарри Пауэрс, пилот разведсамолета U-2, сбитого 1 мая 1960 года над Уралом. 10 февраля 1962 года на мосту Глиникс в Западном Берлине состоялся обмен Абеля на Пауэрса.

28 октября 1962 года — в США был получен ответ Н.С. Хрущева на предложение американского президента Дж. Кеннеди об урегулировании Карибского ракетно-ядерного кризиса. При активном участии советской внешней разведки и ее резидента в Вашингтоне А.С. Феклисова была устранена угроза развязывания новой войны и вторжения США на Кубу.

6 октября 1969 года — указом Президиума Верховного Совета СССР 24 человека из антифашистской организации «Красная капелла» были награждены орденами Советского Союза (посмертно).

В 1930-х годах в Германии усилились антифашистские настроения, что позволило советской разведке приобрести несколько источников цепной военно-политической, экономической и научно-технической информации. В начале 1941 года они создали антифашистскую организацию сопротивления, насчитывавшую свыше 200 человек, которую гестапо в дальнейшем назвало «Красной капеллой». Организаторами и руководителями «Красной капеллы» являлись: Арвид Харнак («Корсиканец»), доктор юридических наук, старший правительственный советник Имперского министерства экономики; Харро Шульце-Бойзен («Старшина»), старший лейтенант, сотрудник разведотдела министерства воздушного флота; Адам Кукхоф («Старик»), писатель, режиссер, доктор философии.

В 1942 году все активные участники организации были арестованы и

казнены.

20 июня 1972 года — советская внешняя разведка — ПГУ КГБ СССР — переехала с Лубянки в новую штаб-квартиру в Ясенева.

10 сентября 1977 года — на территории штаб-квартиры внешней разведки в Ясенева открыт Кабинет чекистской славы Первого главного управления КГБ при СМ СССР. В настоящее время — Кабинет истории внешней разведки.

25 октября 1977 года — подписан приказ председателя КГБ СССР о создании Учебного центра спецфакультетов Краснознаменного института по оказанию помощи в подготовке квалифицированных кадров для национальных служб безопасности дружественных стран.

27 декабря 1979 года — введен ограниченный контингент советских войск в Республику Афганистан. С этого дня для советской внешней разведки Афганистан стал одним из важных направлений ее деятельности. Осуществлялась работа по становлению органов госбезопасности этой страны, направлению советников во многие провинции, подготовке афганских разведчиков и контрразведчиков.

18 декабря 1980 года — на территории штаб-квартиры внешней разведки в Ясенева открыт памятный обелиск чекистам-разведчикам, отдавшим жизнь за Родину. Автор обелиска — ветеран разведки, заслуженный работник культуры Российской Федерации полковник С.И. Чуканов.

19 августа 1981 года — по решению Политбюро и Совета министров СССР из бойцов спецгрупп «Зенит» и «Каскад» в рамках ПГУ КГБ СССР (внешней разведки) создан отряд специального назначения «Вымпел» для проведения операций в «особый период» за границей.

14 июля 1990 года — учрежден нагрудный знак «За службу в разведке», который стал высшей ведомственной наградой — признанием и свидетельством профессиональных заслуг сотрудника внешней разведки. За истекший период эту почетную награду получили более 600 сотрудников и ветеранов Службы. Знак № 1 был вручен выдающемуся советскому разведчику Джорджу Блейку.

23 апреля 1991 года — учреждена Ассоциация ветеранов внешней разведки. С 1996 года она называется: Региональная общественная организация «Ветераны внешней разведки». РОО «ВВР» — добровольное общественное объединение вышедших в отставку сотрудников разведки. Членами общественной организации являются многие опытные разведчики-профессионалы, вписавшие немало ярких страниц в историю внешней разведки. В настоящее время организация насчитывает в своих

рядах более четырех тысяч человек. Председатель правления РОО «ВВР» — генерал-майор в отставке Леонид Васильевич Рябченя.

5 мая 1991 года — создан Российский республиканский комитет госбезопасности во главе с Виктором Иваненко, бывшим заместителем начальника инспекторского управления КГБ СССР. 6 мая 1991 года протокол о создании КГБ РСФСР подписали председатель Верховного Совета России Ельцин и председатель КГБ СССР Крючков. Начальником внешней разведки РСФСР был назначен генерал-майор Голубев А.Т.

16 мая 1991 года — принят Закон СССР «Об органах государственной безопасности».

16 июня 1991 года — председатель КГБ Владимир Крючков выступил на закрытом заседании Верховного Совета СССР с речью о планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан, в которой содержалась просьба к депутатам Припять чрезвычайные меры в связи с угрозой распада СССР.

20 июля 1991 года — издан Указ № 14 Президента России «О департизации государственных органов, учреждений и организаций, находящихся на территории РСФСР». Он предусматривает прекращение деятельности организованных структур политических партий и массовых общественных движений на предприятиях, в российских государственных учреждениях и организациях.

25 ноября 1991 года — подписал Указ Президента СССР «Об утверждении временного положения о Центральной службе разведки СССР». ЦСР СССР просуществовала до 18 декабря 1991 года.

3 декабря 1991 года — принят Закон СССР «О реорганизации органов государственной безопасности», на основании которого упразднен КГБ СССР (коллегия КГБ была распущена 28 августа 1991 года).

13 декабря 1991 года — создано Бюро внешней разведки по связям с общественностью и средствами массовой информации (в настоящее время — Пресс-бюро СВР).

18 декабря 1991 года — Центральная служба разведки (ЦСР) СССР переименована в Службу внешней разведки (СВР) РСФСР.

25 декабря 1991 года — Служба внешней разведки РСФСР переименована в Службу внешней разведки Российской Федерации (СВР РФ). СВР России является правопреемницей ИНО — ПГУ

28 января 1992 года — указом Президента Российской Федерации утверждено «Положение о Службе внешней разведки России».

20 марта 1992 года — законом Российской Федерации № 2553 установлено звание Героя Российской Федерации и учреждена медаль

«Золотая Звезда». Первым Героем России стал космонавт С.К. Крикалев. В 1995 году звания Герой Российской Федерации был удостоен посмертно разведчик-нелегал Моррис Коэн. В 1996 году за вклад в создание советского ядерного оружия звание Героя Российской Федерации было присвоено разведчикам Л.Р. Квасникову (посмертно), Леонтине Коэн (посмертно), А.Л. Яцкову (посмертно), В.Б. Барковскому и А.С. Феклисову.

В 2000 году за мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий звание Героя России было присвоено разведчику-нелегалу А.М. Козлову.

В 2007 году за успешное выполнение специальных заданий в тылу противника в период Великой Отечественной войны званием Героя России был отмечен ветеран внешней разведки А.Н. Ботян.

7 мая — День Российских Вооруженных Сил. В этот день в 1992 году Президент России подписал Указ «О создании Вооруженных Сил Российской Федерации».

11 августа 1992 года — принят Закон «О внешней разведке», согласно которому «внешняя разведка является составной частью сил обеспечения безопасности Российской Федерации, призванной защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных законом сил и средств».

14 ноября 1995 года — подписан приказ директора СВР РФ об учреждении медали «За отличие в военной службе» I, II и III степени для награждения сотрудников внешней разведки за безупречную службу по выслуге лет.

8 декабря 1995 года — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла Федеральный закон «О внешней разведке», согласно которому внешняя разведка Российской Федерации «является составной частью сил обеспечения безопасности Российской Федерации и призвана защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных настоящим Федеральным законом методов и средств» (вступил в силу 17 января 1996 года).

20 декабря — День работника органов безопасности Российской Федерации. Установлен Указом Президента Российской Федерации от 20 декабря 1995 года № 1280.

17 января 1996 года — вступил в силу Федеральный закон «О внешней разведке». Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 8 декабря 1995 года, подписан Президентом Российской Федерации 10 января 1996 года.

Закон является нормативным правовым актом высшей юридической

силы, регулирующим общественные отношения в области разведывательной деятельности органов внешней разведки Российской Федерации. Он определяет статус, основы организации и функционирования внешней разведки России, порядок контроля и надзора за ее деятельностью.

28 мая 1997 года — Президент Российской Федерации издал Указ «Об установлении почетного звания “Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации”». В нем, в частности, говорится: «Почетное звание “Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации” присваивается военнослужащим органов внешней разведки Российской Федерации за заслуги в защите безопасности страны от внешних угроз и состоящим на военной службе 15 и более лет в календарном исчислении». Первые четверо сотрудников СВР России удостоились этого почетного звания в 1999 году.

5 января 2000 года — приказом директора Службы внешней разведки были учреждены Премии СВР России за лучшие произведения в области литературы и искусства о российской внешней разведке. 20 декабря 2000 года, в день 80-летия ИНО — ПГУ — СВР, премии были вручены первым лауреатам. Ими стали: Т.К. Гладков, писатель — за документальную повесть о Н.И. Кузнецове «С места покушения скрылся...»; В.А. Кирпиченко, ветеран СВР — за книгу мемуаров «Разведка: лица и личности», и Е.Е. Потиевский, кинорежиссер — за создание цикла документальных телефильмов об истории российской внешней разведки.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

М.В. Барклай-де-Толли. Художник Дж. Доу

Ш.-М. Талейран-Перигор. С портрета работы Ф. Жерара

А.И. Чернышов. Художник Дж. Доу

Л.Ф. Скуйскумбре

Я.Х. Давыдов (Даевян)

ПРИКАЗ

Всероссийской Чрезвычайной Комиссии

№ 169.

Москва. 20-го Декабря 1920 г.

§ 1.

1. Иностранный Отдел Особого Отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный Отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному Отделу ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного Отдела ВЧК.

3. Иностранный Отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов. **Меньжинскому**.

4. Брид. Начальником Иностранного Отдела ВЧК назначается тов. **Давыдов**, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного Отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с за-границей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем Отделам ВЧК. производить только через Иностранный Отдел.

Председатель ВЧК ДЗЕРЖИНСКИЙ

Приказ Ф.Э. Дзержинского №169 о создании Иностранного отдела ЧК

Н.В. Скоблин

A.П. Kymenos

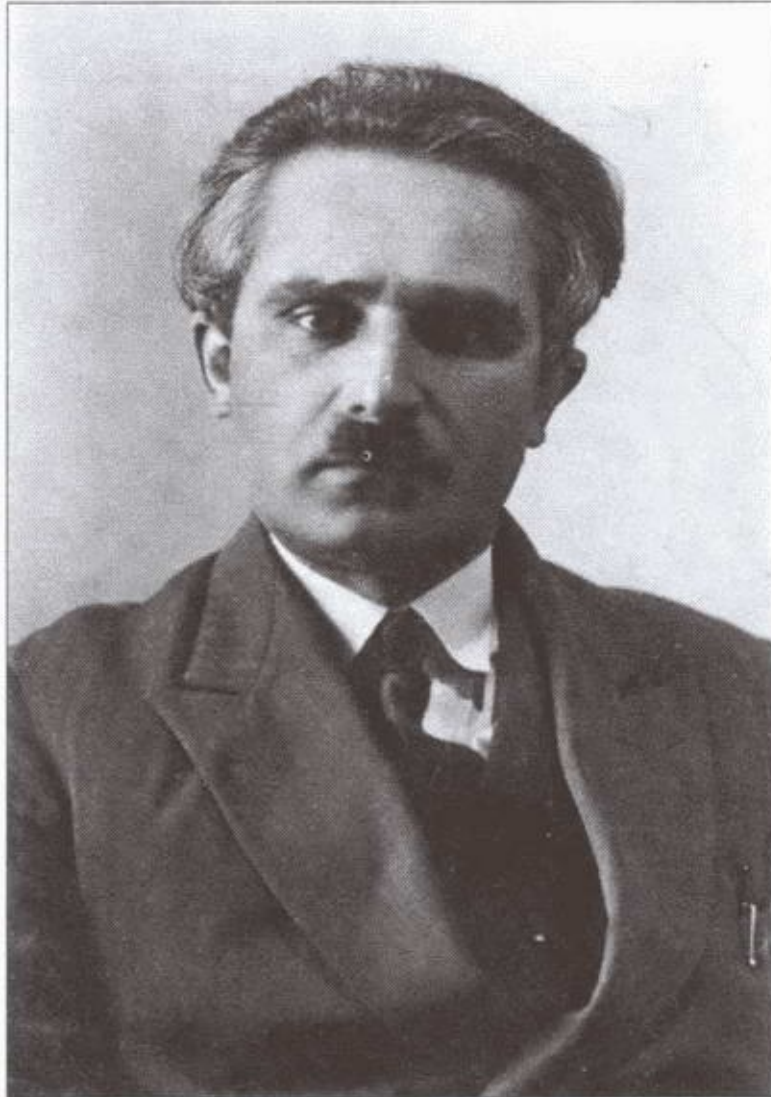
Е.К. Миллер

С.С. Небольстин

Разведчики-незаконники супруги Филоненко

В.М. Горожанин

А.М. Сибиряков

На борту ледокола «Александр Сибиряков». Слева направо: академик В.Ю. Визе, консул В.П. Алексеев-Железняков, академик О.Ю. Шмидт и капитан ледокола В. И. Воронин

Знак «Участнику боев у Халкин-Гола»

П.А. Судоплатов

П.М. Фитин

И.И. Агаянц

М.И. Филоненко

Η.Φ. Αρχυνοσ

Зоя Воскресенская-Рыбкина — заместитель резидента в Финляндии. 1932 г.

Полковник З.И. Рыбкина. 1952 г.

Писательница З. Воскресенская в рабочем кабинете. 1968 г.

Отряд специального назначения «Митя». 1942 г. Слева направо: начальник штаба М Сипович, комиссар Г. Кулаков, командир Д. Медведев и адъютант командира Н. Королев

А.П. Демьянов («Гейне») во время сеанса радиообмена с немецким радиоцентром

Н.И. Эйтингтон

Герой Российской Федерации А.Н. Ботян. 2013 г.

Герой Российской Федерации А.А. Яцков. 1950-е гг.

Представитель советской разведки в Лондоне И.А. Чичаев

Представитель английских спецслужб в Москве Дж. Хилл

А.Г. Граур

И.Р Григулевич

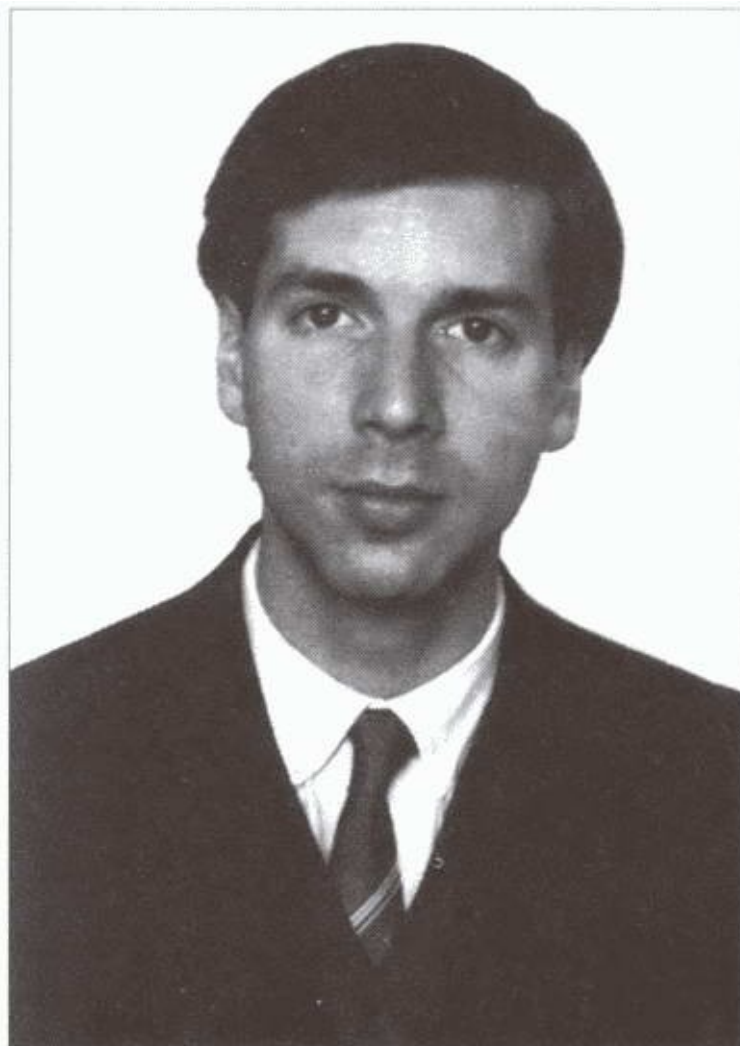
Разведчики-нелегалы. Слева направо: А. Акопян, К. Молодой и В. Фишер (Р.И. Абель)

Геворк и Гоар Вартаняны. 2008 г.

Галина Ивановна и Михаил Владимирович Федоровы. Начало 1990-х гг.

Глен Майкл Соутер (М.Е. Орлов)

Д.И. Якушкин

А.М. Козлов

Л.В. Шебаршим

В.А. Кирпиченко

К.П. Орловский

Я.И. Серебрянский

М.А. Аллахвердов

Д.Г. Федичкин

Л.Р. Квасников

А.С. Панюшкин

А.М. Сахаровский

лицевая сторона

оборотная сторона

Знамя СВР

Штандарт Директора СВР

Флаг СВР

Эмблема СВР

ISBN 978-5-4444-1772-0

9 785444 417720

Вся долголетняя история отечественной внешней разведки самым тесным образом связана с судьбами страны. В настоящее время, когда речь заходит об отечественной разведке, то фигурирует в основном XX век. Между тем ее исторические корни гораздо глубже и относятся к началу XIX века. На всех этапах своего развития внешняя разведка оставалась надежным и эффективным инструментом решения жизненно важных для государства задач. Были и серьезные успехи, и горькие неудачи. Накоплен богатый, порой уникальный опыт ведения разведывательной работы. В этой книге мы хотели бы рассказать читателям о представителях различных поколений сотрудников и помощников внешней разведки, своим трудом вписавших золотые страницы в ее историю.

реклама

12+

www.365days.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

*все о российской
и мировой истории*

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!